

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

http://vk.com/bookish_addicted

Мари Руткоски

Вторая книга трилогии о Победителе – это смертельная схватка, в которой Кестрел рискует предать свою страну ради любви. Помолвка леди Кестрел с наследным принцем Валории означает одно празднование за другим. Но жизнь девушки становится заточением в клетке, которую она сама же для себя создала. Свадьба приближается, и Кестрел всей душой хочет поведать Арину правду о своей помолвке... если бы только она могла ему доверять. Но может ли она доверять даже себе самой? Ибо – в тайне от Арина – Кестрел начинает действовать как искусная обманщица, неизвестная шпионка, добывающая информацию для Герана. Вскоре она оказывается на пороге раскрытия ужасной тайны. Чтобы сохранить свободу своей страны, Арин находит опасных союзников, но не может побороть подозрение, что Кестрел знает больше, чем выдает. В конце концов сильнее всего его может ранить не кинжал из темноты, а правда. И когда это произойдет, Кестрел и Арин узнают, чем им придется заплатить за свои преступления.

Мари Руткоски

"Преступление победителя"

О переводе

Оригинальное название: Winner's Crime by Marie Rutkoski

Серия: The Winner's Trilogy #2

Перевод: Мария Морозова, Екатерина Балаш

Редактура: Светлана Егошина

Вычитка: Елена Брежнева

Количество глав: 48

Она порезалась, распечатывая конверт.

Изнывая от нетерпения, Кестрел, как дурочка, набросилась на письмо только потому, что оно было подписано геранским алфавитом. Нож для бумаги соскользнул. На бумагу упали зернышки крови и расцвели яркими пятнами.

Письмо было, конечно, не от него. Оно было от нового министра земледелия Герана. В письме он представлялся и говорил, что с нетерпением ждёт встречи. «Я полагаю, у нас много общего, и нам есть о чём поговорить», — писал он.

Кестрел не была уверена в том, что он хотел этим сказать. Она не знала его, даже не слышала о нём. Хотя она допускала, что ей придётся встретиться с министром однажды — она всё же имперский посол в ныне независимом Геране, — Кестрел не горела желанием проводить время с министром земледелия. Ей нечего будет сказать о севообороте или удобрениях.

Кестрел уловила нотки высокомерия в своих мыслях. Она непроизвольно сжала губы и только сейчас поняла, что в ярости из-за письма.

В ярости на саму себя. Из-за того, как подпрыгнуло сердце при виде её имени, написанного геранским алфавитом на конверте. Она так сильно надеялась, что оно от Арина. Но она не имела с ним никаких связей уже почти месяц, с тех пор как предложила его стране свободу. И конверт был подписан не его рукой. Она знала его почерк. Она могла представить себе, как держат перо его пальцы. Коротко обрезанные ногти, серебристые шрамы от старых ожогов, загрубевшая кожа ладони — всё это так противоречило элегантному почерку. Кестрел тотчас бы поняла, что письмо от него.

И всё же — резкий рывок ножом по бумаге. Всё же — разочарование. Кестрел отложила письмо. Она взялась за шёлковый пояс, вытягивая его из-под кинжала, который она, как все валорианцы, носила у бедра. Она обмотала поясом свою кровоточащую руку. Шёлк цвета слоновой кости был загублен, теперь в пятнах её крови, но испорченный пояс не имел никакого значения, не для неё. Кестрел была обручена с принцем Верексом, наследником Валорианской империи. Доказательство этого ежедневно наносили ей на лоб в виде блестящей масляной линии. У неё были сотни поясов, горы платьев, реки драгоценностей — в будущем ей предстояло стать императрицей.

Однако встала со своего резного кресла из чёрного дерева она довольно нетвёрдо. Кестрел оглядела свой кабинет, одну из многих комнат её апартаментов. Её выбивали из колеи и каменные стены, сходящиеся в идеально прямых углах, и два узких коридора, ведущие отсюда. Кестрел понимала, к чему это, так как императорский дворец также являлся крепостью. Узкие коридоры должны были стать ловушкой для вражеских войск. И всё же дворец выглядел неприветливо и чуждо, и так отличался от дома.

Кестрел напомнила себе, что её дом в Геране никогда по-настоящему ей не принадлежал. Хотя её и вырастили в этой колонии, она была валорианкой. И сейчас она там, где и должна быть. Она выбрала сама.

Порез перестал кровоточить.

Кестрел оставила письмо и отправилась переодеваться к ужину. Такова была ее жизнь:

роскошные ткани и муаровая шелковая отделка. Ужин с императором... и принцем.

Да, такой была ее жизнь.

Она должна к этому привыкнуть.

* * *

Император был один. Он улыбнулся, когда Кестрел вошла в обеденный зал с каменными стенами. Его седые волосы были острижены по-военному, точно так же, как и у ее отца, а темные глаза сверкали острым взглядом. Он сидел за длинным столом и не поднялся, чтобы поприветствовать Кестрел.

— Ваше императорское величество.

Кестрел склонила голову.

— Дочь моя. — Голос императора эхом отдался под высоким сводом, зазвенел о стенки пустых блюд и бокалов. — Садись.

Кестрел направилась к своему месту.

— Нет, — остановил ее император. — Сюда, по правую руку от меня.

— Это место принца.

— Принца, судя по всему, здесь нет.

Кестрел села. Рабы принесли первую смену блюд. Разлили белое вино. Кестрел могла бы спросить, зачем он пригласил ее на ужин или где принц. Однако она знала, как император умел превращать молчание в оружие, с помощью которого вытаскивал из своих собеседников то, что их тревожило. Кестрел позволила молчанию тянуться до тех пор, пока оно не стало ее в той же мере, что и его. Только когда принесли третью смену блюд, она заговорила:

— Я слышала, что военная кампания на востоке проходит хорошо.

— Так сообщает с фронта ваш отец. Я должен наградить его за прекрасное ведение войны. Или же, возможно, я должен наградить вас, леди Кестрел.

Кестрел сделала глоток из своего бокала.

— В его успехах нет моей заслуги.

— Разве? Ведь это вы так настоятельно советовали мне предоставить Герану право на самоуправление под моей властью, положив тем самым конец восстанию. Вы утверждали, что это освободит войска и средства для ведения войны на востоке, и — он взмахнул рукой, — так и вышло. Сколь мудрый совет от кого-то столь юного.

Слова императора обеспокоили Кестрел. Если он узнает настоящую причину, из-за которой она выступала за независимость Герана, то девушка дорого за это заплатит. Кестрел попробовала изысканные блюда. На столе стояли корабли мясных деликатесов с парусами из прозрачного желе. Она ела медленно.

— Вам не нравится? — спросил император.

— Я не слишком голодна.

Император позвонил в золотой колокольчик.

— Десерт, — приказал он немедленно появившемуся мальчику-прислужнику. — Мы перейдем сразу к десерту. Я знаю, насколько юные леди любят сладкое. — Однако, когда мальчик вернулся с двумя небольшими тарелками из столь тонкого фарфора, что через

стенки проходил свет, император сказал: — Не для меня, — и одна тарелка оказалась перед Кестрел, вместе с удивительно легкой прозрачной вилкой, а другая была унесена.

Кестрел заставила себя успокоиться. Император не знал правду о том дне, когда она настояла на прекращении Геранского восстания. Никто не знал. Даже Арин не догадывался, что она купила его свободу несколькими расчетливыми словами... и обещанием выйти замуж за наследника короны.

Если бы Арин знал, то воспротивился бы. Он бы уничтожил сам себя.

Если бы император знал, почему она сделала это, то уничтожил бы ее.

Кестрел посмотрела на горку розовых взбитых сливок на своей тарелке и на прозрачную вилку так, будто из них состоял весь ее мир. Она должна была говорить осторожно:

— Зачем мне награда, когда вы отдали мне своего единственного сына?

— И он — достойный приз. Однако мы до сих пор не определились с днем свадьбы. Когда ее устроить? Вы никак не выразили своих предпочтений.

— Я думала, что это решать принцу Верексу.

Если бы решать мог принц, то свадьбы не было бы никогда.

— Почему бы не решить нам с вами?

— Без него?

— Моя дорогая девочка, если принц в силу своей легкомысленности не в состоянии запомнить нечто настолько элементарное, как день и время ужина со своими отцом и невестой, то как мы можем ожидать, что он спланирует самое важное за последние десятилетия событие в государстве?

Кестрел ничего не ответила.

— Вы не едите, — проговорил император.

Кестрел опустила прозрачную вилку в сливки и поднесла ее к губам. Зубчики вилки растаяли у нее во рту.

— Сахар, — изумленно произнесла она. — Вилка сделана из спрессованного сахара.

— Вам нравится десерт?

— Да.

— Тогда вы должны съесть его полностью.

Но как доест сливки, если вилка продолжала растворяться с каждой порцией? Большая ее часть по-прежнему оставалась в руке у девушки, но надолго ее не хватит.

Игра. Десерт был игрой, как игрой был и сам разговор. Император хотел посмотреть, каким будет ее следующий ход. Он сказал:

— Думаю, конец этого месяца прекрасно подойдет для свадьбы.

Кестрел съела еще немного сливок. Зубчики полностью исчезли, оставив нечто вроде изуродованной ложки.

— Свадьба зимой? Но как же цветы?

— Вам не нужны цветы.

— Если вы знаете, что юные леди любят десерты, то не можете не знать, что также они любят цветы.

— Значит, как я понимаю, вы предпочтете для свадьбы весну.

Кестрел пожала плечом.

— Лучше всего будет устроить ее летом.

— К счастью, в моем дворце есть оранжереи. Даже зимой мы можем покрыть пол главного зала ковром из лепестков.

Кестрел съела еще немного десерта. Ее вилка превратилась в тонкий стержень.

— Разве что вы хотите отложить свадьбу, — произнес император.

— Я думаю о наших гостях. Империя велика. Гости явятся из каждой провинции. Зима — ужасная пора для путешествий, а весна ненамного лучше. Идут дожди. Дороги превращаются в грязь.

Император отклонился на спинку своего кресла, изучая Кестрел с довольной улыбкой на лице.

— Кроме того, — продолжила девушка, — я бы не хотела упустить такую возможность. Вы же знаете, что дворяне и губернаторы провинций заплатят чем угодно — услугами, информацией, золотом — ради того, чтобы получить лучшие места на свадьбе. Загадка того, что я надена, и какая музыка будет звучать, отвлечет внимание империи. Никто не заметит, если вы примете политическое решение, которое бы в ином случае повергло тысячи людей в ярость. На вашем месте я бы не стала торопить свадьбу, а воспользовалась всеми выгодами продолжительной помолвки.

Император рассмеялся.

— О, Кестрел. Какой прекрасной императрицей вы станете. — Он поднял бокал. — За ваш счастливый союз в Перволетний день.

Ей пришлось бы выпить за это, если бы не принц Верекс, который вошел в обеденный зал и резко остановился. Его большие глаза передавали каждый оттенок эмоций: удивление, обиду, злость.

— Ты опоздал, — сказал его отец.

— Я не опаздывал.

Кулаки Верекса сжались.

— Кестрел сумела прийти вовремя. Почему это не удалось тебе?

— Потому что вы сказали мне неправильное время.

Император фыркнул.

— Ты ошибся.

— Вы выставили меня глупцом!

— Ничего подобного.

Рот Верекса захлопнулся. Его голова раскачивалась на тонкой шее, будто поплавок, подхваченный течением.

— Входите, — мягко произнесла Кестрел. — Попробуйте с нами десерт.

Верекс бросил на нее взгляд, который говорил о том, что, пусть он ненавидел игры своего отца, ее жалость он ненавидел еще больше. Принц вылетел из комнаты.

Кестрел вертела в пальцах остаток сахарной вилки. Даже после того, как шумные шаги принца по коридору стихли, она не смела заговорить.

— Посмотри на меня, — проговорил император.

Кестрел подняла глаза.

— Ты хочешь, чтобы свадьба была летом, не ради цветов, гостей или политической выгоды, — сказал он. — Ты хочешь отложить ее как можно дальше.

Кестрел крепко сжала вилку.

— Я дам тебе то, что ты хочешь, но в пределах разумного, — продолжил император, — и скажу тебе почему. Потому что не виню тебя, учитывая, каков твой жених. Потому что ты не выпрашиваешь то, что хочешь, но пытаешься добиться этого сама. Как поступил бы я. Глядя на меня, ты видишь, кем станешь. Правителем. Я выбрал тебя, Кестрел, и превращу

тебя в того человека, которым никогда не сможет стать мой сын. Тем, кто займет мое место.

Кестрел смотрела на императора и пыталась увидеть свое будущее в этом пожилом мужчине, способном на жестокость к собственному чаду.

Он улыбнулся.

— Я хочу, чтобы ты завтра встретила с капитаном императорской стражи.

Кестрел еще не имела дела с капитаном стражи, но знала, какова его роль. Официально он отвечал за личную безопасность императора. Неофициальные же его обязанности никто не обсуждал. Слежка. Убийства. Капитан умел делать так, чтобы некоторые люди исчезали без следа.

— Он хочет тебе кое-что показать, — сказал император.

— Что же?

— Это будет сюрпризом. А теперь улыбнись, Кестрел. Я исполняю все твои желания.

Иногда император проявлял щедрость. Кестрел бывала на приемах, где он жаловал сенаторам земли в новых колониях или высокие посты в Кворуме. Но она также наблюдала, как его щедрость искушала придворных попросить ещё. В эти моменты его взгляд тяжелел, глаза сужались, как у кота, и она видела, как его дары заставляли людей раскрыть свои истинные желания.

Тем не менее, она не могла не надеяться, что свадьбу можно отложить более чем на несколько месяцев. Перволетний день, конечно, лучше, чем следующая неделя, но всё равно это слишком скоро. Согласится ли император на год? Или на еще больший срок? Она произнесла:

— Перволетний день...

— Подойдет прекрасно.

Кестрел опустила взгляд на свою сжатую руку. Она разомкнула пальцы — рука была пуста. Сахарная вилка исчезла от жара ладони.

Арин был в кабинете отца, который он, возможно, никогда не сможет считать своим, как бы далеко в прошлое ни ушли призраки его семьи. Стоял ясный день. Из окна кабинета открывался хороший вид на город с оставшимися после восстания разрушениями. Залив неясно мерцал в бледном свете зимнего солнца.

Арин не думал о ней. Не думал. Он размышлял о том, как медленно отстраиваются городские стены. О том, что скоро на юге полуострова поспеет печной орех, оживляя торговлю и обеспечивая Геран столь необходимыми поставками провизии. Он не думал о Кестрел или о том, что не думает о ней, вот уже месяц и одну неделю. Но не думать было так же сложно, как и поднимать каменные глыбы. Арин был настолько поглощен усилиями, что не услышал, как в комнату вошла Сарсин, и не заметил кузину, пока та не протянула ему распечатанное письмо.

На сломанной печати были изображены два скрещенных меча. Письмо было от валорианского императора. По лицу Сарсин Арин понял, что ему не понравится содержание послания.

— Что там? — спросил он. — Очередной налог? — Он потер глаза. — Император должен знать, что мы не сможем заплатить так скоро после предыдущего сбора. Страна разорена.

— Что ж, теперь мы понимаем, почему император был так щедр и вернул Геран геранцам.

Они уже обсуждали это и решили, что их предположение — единственное объяснение столь неожиданному решению. Раньше доходы Герана шли в карман валорианских аристократов-колонистов. Затем случилось Первозимнее восстание, и император издал свой указ, приказывая аристократам вернуться в столицу. Потеря ими земель была названа военным ущербом. Теперь император получил возможность истощить Геран налогами, воспротивиться которым народ не мог. Богатства полуострова направлялись прямиком в императорскую казну.

Это был хитрый ход. Но все же Арина не оставляло мучительное ощущение, будто он что-то пропустил. В тот день, когда Кестрел явилась к нему с предложением и требованиями императора, было сложно думать. Было сложно заметить хоть что-нибудь, кроме золотой полосы у нее на лбу.

— Просто скажи мне, во сколько нам это обойдется на этот раз, — сказал он Сарсин. Та поджала губы.

— Это не налог, а приглашение, — ответила она и покинула комнату.

Арин развернул лист бумаги. Его руки замерли.

Как губернатор Герана, Арин был приглашен посетить бал в валорианской столице. «Бал в честь помолвки леди Кестрел и наследного принца Верекса», — говорилось в письме.

Сарсин назвала это приглашением, но Арин увидел другое: приказ, не подчиниться которому он не мог, хотя, казалось бы, больше не был рабом.

Арин оторвал взгляд от страницы письма и стал всматриваться в гавань. Когда он

работал на верфи, там был один раб, которого называли Хранителем Услуг.

У рабов не могло быть личных вещей или даже того, что валорианские завоеватели посчитали бы таковыми. Если бы Арин и имел что-то своё, у него не было даже карманов, чтобы хранить это. Одежду с карманами носили только домашние рабы. Это была своеобразная мера жизни под властью валорианцев: геранцы знали своё место благодаря наличию карманов и иллюзии того, что они могут иметь что-то личное.

В то же время у рабов была своя система торговли. Они продавали и покупали услуги. Лишнюю еду. Кровати помягче. Роскошь краткого отдыха во время работы. Если рабу с верфи было что-то нужно, он обращался к Хранителю Услуг, старейшему геранцу среди них.

У Хранителя Услуг был моток ниток разных цветов — по цвету на каждого раба. Если бы у Арина появилась просьба, то его нить сплелась бы с чьей-нибудь еще, обвивая ее — например, желтая, которая, в свою очередь, соединилась бы с зеленой в зависимости от того, кто кому сделал одолжение. В узле Хранителя Услуг заключались они все.

Но у Арина не было своей нити. Он ни о чем не просил. И ничего не давал. Будучи тогда уже юношей, он презирал мысль о том, чтобы быть у кого-то в долгу.

Сейчас он изучал письмо валорианского императора. Прекрасный почерк изгибался в искусно составленные фразы. Все это идеально сочеталось с местом, где находился Арин, — с напоминающей водную гладь лаковой поверхностью письменного стола его отца и витражными стеклами в оконных рамах, пропускающих в кабинет зимний свет.

При естественном освещении читать слова императора было слишком легко. Арин смял письмо и крепко сжал его в кулаке. Он жалел, что в его распоряжении нет Хранителя Услуг. Он бы отказался от своей гордости и стал простой нитью, лишь бы добиться желаемого.

Арин бы обменял свое сердце на смятый моток ниток, лишь бы ему больше никогда не пришлось встречаться с Кестрел.

* * *

Он посоветовался с Тенсенем. Пожилой мужчина изучил смятое и затем разглаженное приглашение. Его бледно-зеленые глаза сверкнули. Он положил плотную сморщенную страницу на стол Арина и коснулся своим сухощавым пальцем первой строки письма.

— Это, — произнес он, — прекрасная возможность.

— Значит, ты поедешь, — сказал Арин.

— Разумеется.

— Без меня.

Тенсен поджал губы и одарил Арина тем самым строгим взглядом, которым пользовался в свою бытность учителем валорианских детей.

— Арин. Давай не будем проявлять излишнюю гордость.

— Это не гордость. Я слишком занят. На балу Геран будешь представлять ты.

— Не думаю, что император будет доволен присутствием простого министра земледелия.

— Мне все равно, будет он доволен или нет.

— Если ты пошлешь меня одного, то либо оскорбишь императора, либо дашь ему знать, что я нечто большее, чем кажусь. — Оценивающе глядя на Арина, Тенсен потер свой подбородок с седой щетиной. — Ты должен поехать. Ты должен сыграть эту роль. Ты хороший актер.

Арин покачал головой.

Взгляд Тенсена потемнел.

— Я был там в тот день.

В тот день прошлым летом, когда Кестрел купила его.

Арин все еще помнил, как по его спине стекала струйка пота, пока он ждал в загоне возле арены, на которой проводились торги. Строение имело крышу, не позволяющую Арину видеть толпу валорианцев, собравшихся у края ямы. В поле его зрения попадал лишь Плут, стоявший посреди арены.

Арин ощущал запах собственной кожи, чувствовал гравий под босыми ступнями. У него все болело. Слушая, как поднимается и опускается голос Плути, который, как опытный распорядитель торгов, пел свои хвалебные песни, Арин осторожно прижал пальцы к синяку на щеке. Его лицо напоминало гниющий фрукт.

Плут очень разозлился на него сегодня утром.

— Два дня, — прорычал он. — Я отдаю тебя в наем всего на два дня, и ты возвращаешься в таком виде. Почему тебе так сложно просто укладывать мостовую и держать рот на замке?

Ожидая в загоне и особенно не прислушиваясь к ходу торгов, Арин не хотел думать об избиении или о том, что к нему привело.

Говоря по правде, синяки ничего не меняли. Арин не мог заставить себя поверить, что Плут когда-либо сможет продать его в валорианскую семью. Валорианцы обращали немало внимания на то, как выглядели их домашние рабы, а Арин не подходил для этой роли даже тогда, когда его лицо не было наполовину скрыто всеми оттенками фиолетового. Он выглядел рабочим, которым и являлся. Рабочих не впускали в дома, а именно в дома Плути нужно было поместить рабов, преданных делу восстания.

Сражаясь с приступом отчаяния, Арин прислонился затылком к грубой деревянной стене загона.

На арену опустилось долгое молчание. Это временное затишье означало, что Плут заключил сделку и вернулся в дом торгов, чтобы сделать перерыв.

А затем толпа застрекотала, будто полчище саранчи. Плут снова вышел на арену и подошел к помосту, на который должен был встать следующий раб.

Обращаясь к публике, Плут произнес:

— У меня для вас есть кое-что особенное.

Все рабы в загоне выпрямились. Полуденное оцепенение как рукой сняло. Даже старик, которого, как Арин должен был узнать позже, звали Тенсен, внезапно подобрался.

Плут произнес кодовую фразу. «Кое-что особенное» для рабов имело тайное значение — шанс быть проданным на благо восстания. Стать шпионом. Что-то украсть. Возможно, убить. У Плути было множество планов.

Услышав слово «особенное», Арин разозлился на себя, потому что оно означало самую важную сделку — ту самую, которой они дожидались: возможность поместить повстанца в имение генерала Траяна.

Кто же был там наверху, в толпе валорианцев? Сам генерал?

А Арин, глупый Арин, безрассудно потратил свой шанс отомстить. Плут никогда не выберет для этой сделки его.

Однако, когда распорядитель торгов повернулся лицом к загону, он посмотрел прямо Арину в глаза. Плут дважды пошевелил пальцами. Это был сигнал.

Выбран был Арин.

— Тогда, — сказал Арин Тенсену в зимнем свете, залившем кабинет его отца, — было по-другому. Все было по-другому.

— Разве? Ты был готов сделать для своего народа что угодно. Неужели сейчас это изменилось?

— Это бал, Тенсен.

— Это возможность. По крайней мере, ты можешь попытаться выяснить, какую часть урожая печного ореха император планирует забрать.

Урожай должен был поспеть уже скоро. Страна нуждалась в нем для еды и торговли. Арин прижал ко лбу кончики пальцев. У него начинала болеть голова.

— Какая разница? Он все равно заберет слишком много.

Мгновение Тенсен молчал. А затем мрачно произнес:

— Я уже несколько недель не получал вестей от Тринна.

— Скорее всего, у него не было возможности покинуть дворец и отправиться в город, чтобы передать свою информацию нашему связному.

— Может быть. Но у нас и так в императорском дворце слишком мало источников. Сейчас опасные времена. Из-за помолвки элита империи раскидывается золотом, чтобы подготовиться к самой роскошной зиме за всю валорианскую историю. А колонисты, которые раньше жили в Геране, начинают возмущаться все сильнее. Они не желали возвращать нам дома, которые у нас же и украли. Они представляют меньшинство, и армия полностью поддерживает императора, поэтому на них можно не обращать внимания. Но все указывает на то, что столица изменчива. Кроме того, не стоит забывать, что мы зависим от милости императора. Как знать, что он решит сделать теперь? Или как его действия на нас отразятся? Это, — Тенсен кивнул на приглашение, — могло бы стать прекрасной возможностью разузнать, почему молчит Тринн. Арин, ты меня слушаешь? Нам нельзя потерять настолько удачно внедренного шпиона.

Точно так же был удачно внедрен Арин. Мудро расположен. В тот день на рынке он не понимал, откуда Плут знал, что выставить на продажу надо было именно Арина. У Плута был дар замечать слабые места. Он видел тайные желания. Каким-то образом он заглянул в сердце покупательницы и понял, чем ее соблазнить.

Сначала Арин ее не заметил. Когда он вышел на арену, солнце ослепило его. Поднялся хохот. Арин не видел собравшихся наверху валорианцев, но слышал их. Он не обращал внимания на покалывающий стыд, который разлился по его коже. Сказал себе, что это не имеет значения. Ему было все равно, что они говорили и что он слышал.

Затем его взгляд прояснился. Он сморгнул сияние солнца и увидел девчонку. Она подняла руку, чтобы сделать ставку.

Ее вид поразил Арина. Он не мог рассмотреть ее лицо — и не хотел, потому что вся ее внешность едва не заставила его закрыть глаза. Она была валорианкой до корней волос. Золотистые тона. Холеная, почти как клинок, поднятый к свету. Он едва мог поверить, что она настоящая.

И она была чистой. Безупречные кожа и силуэт. Арин внезапно почувствовал себя мерзким. Это отвлекло его, и он не сразу заметил, насколько девчонка миниатюрная и тоненькая.

Чушь. Невозможно было поверить, чтобы кто-то вроде нее получил над ним какую-либо власть. Однако так и должно было произойти, если девчонка выигрывает торги.

Он хотел, чтобы выиграла она. Эта мысль окатила Арина безжалостной, отвратительной радостью. Он никогда раньше не видел эту девчонку, но догадывался, кто она — леди Кестрел, дочь генерала Траяна. Толпа услышала, как она сделала ставку. И вдруг валорианцам показалось, что Арин чего-то да стоит.

Арин словно забыл, что сидит за столом отца, а сменилось уже две поры года. Он забыл, что Тенсен ждет его слова. Арин снова был на арене. Он помнил, как смотрел на девчонку, испытывая ненависть столь же твердую, сколь и чистую.

Как алмаз.

Кестрел решила роскошно одеться на встречу с капитаном императорской стражи. Она выбрала снежно-белое с золотом парчовое платье с длинным шлейфом. Как и всегда, она как следует закрепила свой кинжал, но этим утром затягивала пряжки туже, чем требовалось. Она справилась с ними только после нескольких попыток.

Капитан зашёл за ней, когда она заканчивала пить своё утреннее молоко, приправленное специями. Он отказался сесть, пока она допивала. Когда он взглянул на её наряд и спрятал ухмылку, Кестрел поняла, что, куда бы они ни шли, ей это не понравится. Когда же он не предложил ей переодеться во что-нибудь, что не так легко испачкать, она поняла также, что он ей не нравится.

— Вы готовы? — спросил капитан.

Она отпила из своей кружки, не отрывая от него взгляда. Нескладный мужчина со шрамом, пересекающим рот. Сломанная челюсть выступает влево. У капитана был неожиданно аккуратный прямой нос, что было заметно в профиль, который Кестрел, однако, увидела только мельком, когда он повернул голову, чтобы удостовериться, что они одни. Капитан был из тех, кто предпочитал всегда находиться к собеседнику лицом. Тогда его черты были искажены.

Она задумалась, что бы он сделал, узнав, что после Геранского восстания она была в доме Арина не такой уж подневольной пленницей.

Она поставила пустой стакан на маленький столик.

— Куда мы идём?

Его ухмылка вернулась.

— Нанести кое-кому визит.

— Кому?

— Император приказал не говорить.

Кестрел подняла подбородок и взглянула на капитана.

— Как насчёт намёков? Приказал ли император не давать никаких намёков, даже самых маленьких?

— Что ж...

— А догадки? Например, — она постучала пальцами по столу чёрного дерева, будто сыграв аккорд, — я предполагаю, что мы направляемся в тюрьму.

— Это было не так уж сложно, миледи.

— Мне стоит попробовать что-нибудь посложнее? Ваши руки чистые, но ботинки грязные. Немного забрызганные. Пятна блестящие, только что высохли. Кровь?

Он заинтересовался. Ему понравилась эта игра.

— Как я погляжу, сегодня вы встали даже раньше, чем я, — сказала Кестрел. — И вы были заняты. Как противоречат, однако, кровь на ваших ботинках и этот запах... тонкий аромат. Ветивер. Дорогой. Нотка амбры. Слабый отзвук перца. О, капитан. Неужели вы... одалживали у императора душистое масло?

Удовольствие исчезло с его лица.

— Я считаю, такая хорошая догадка заслуживает намёка, капитан.

Он вздохнул.

— Я отведу вас к заключённому-геранцу.

Молоко в желудке Кестрел заledenело.

— Это мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Почему же так важно, чтобы я с ним увиделась?

Капитан пожал плечами.

— Император не сказал.

— Но кто это?

Капитан тяжело переступил с ноги на ногу.

— Я так же люблю сюрпризы, — сказала Кестрел, — как и император любит делиться своими маслами.

— Он никто. Мы даже не уверены насчёт его имени.

Не Арин. Это всё, о чём могла подумать Кестрел. Это не мог быть он: губернатор Герана не был никем. Его арест мог вызвать новый конфликт.

И всё же в тюрьме кто-то был.

Молоко потеряло свою сладость, но Кестрел улыбнулась, вставая.

— Пойдёмте.

* * *

Столичная тюрьма находилась за стенами дворца, немного ниже по склону, на противоположном конце города, в естественном углублении, которое было расширено, укреплено и наполнено кажущимися бесконечными лестницами. Она была маленькой — по слухам, тюрьма восточной империи представляла собой целый подземный город, — но её размеров хватало Валорианской империи. Большинство преступников отправляли на каторгу в шахты севера. Те, кого оставляли, совершили самые тяжелые преступления, и их ждала скорая казнь.

Горели масляные лампы. Следом за капитаном Кестрел спустилась по первой черной лестнице. Воздух был неподвижен. Шлейф платья шуршал позади Кестрел. И девушке чудилось, что это она пленница, которую ведут в камеру. При мысли о том, что ее поймали на каком-то проступке и сейчас запрут в темноте, Кестрел почувствовала, что ее сердце сбилось с ритма.

Они прошли мимо одной из камер. Прутья небольшого окошка сжимали белые пальцы, напоминающие червей. Какой-то голос прохрипел что-то на языке, которого Кестрел не знала. В нем было много шепелявых звуков, и это показалось девушке странным, но затем она поняла, что так, должно быть, будет звучать речь человека, у которого нет зубов. Она отпрянула.

— Держитесь подальше от решетки, — сказал капитан. — Сюда, — добавил он, указывая на лестницу вниз, как будто Кестрел могла повернуть куда-то еще.

Когда ступени наконец закончились, Кестрел потеряла равновесие, оказавшись на ровном полу. В коридоре пахло влажным камнем и нечистотами.

Капитан открыл дверь темницы и пригласил Кестрел войти. Она помедлила, на мгновение ужаснувшись, что он хочет запереть ее здесь. Ее рука потянулась к кинжалу у бедра.

Капитан коротко рассмеялся. Вслед за этим звуком раздался металлический лязг в углу

камеры, и капитан поднял лампу. Ее свет упал на мужчину, сидевшего у стены и прикованного к ней натянувшимися цепями. Скользя голыми ступнями по неровному полу, пленник попытался отодвинуться от капитана.

— Не беспокойтесь, — сказал тот Кестрел. — Он не причинит вам вреда. Возьмите. — Он передал Кестрел лампу, а сам потянул за свободный конец цепи так, что пленник оказался распластанным на стене. Мужчина сотрясался в рыданиях. Он начал молиться всей сотне геранских богов.

Кестрел не узнала его и испытала облечение, за которым последовал липкий стыд. Какая разница, знакома она с этим мужчиной или нет? Ему предстояли страдания. Она прочитала это по блестящим в свете лампы глазам капитана.

Кестрел не могла остаться. Не могла смотреть. Она повернулась к двери.

— Это против правил, которые установил император, — произнес капитан. — Он сказал, что вы должны быть здесь до конца. И пообещал, что если вы не подчинитесь, то я могу отрубить этому человеку пальцы, вместо того чтобы сдирать кожу.

Внезапно мужчина замолчал, но затем, содрогаясь, продолжил молиться.

Нервы Кестрел были натянуты, подобно этому надорванному тонкому голосу. Он звучал так, будто какой-то рычаг зажимали, а затем отпускали.

— Мне здесь не место, — сказала она.

— Вы — моя будущая императрица, — отозвался капитан. — Вы должны присутствовать. Или вы полагали, что власть заключается лишь в платьях и балах? — Он проверил, чтобы цепь была натянута туго. Мужчину приподняло, так что он повис в кандалах. — Лампу, миледи, — подозвал Кестрел капитан.

Пленник поднял голову. В его глазах отразился свет. Хотя Кестрел и знала, что этот сломленный мужчина не Арин — он был старше и обладал более тонкими чертами лица, — ее сердце сжалось. Его глаза были такими же, как и у большинства геранцев. Но серыми и ясными, совсем как у Арина. И внезапно ей показалось, что это Арин споткнулся на имени бога милосердия, что это он умоляет ее о чем-то, чего она дать ему не в состоянии.

— Лампу, — повторил капитан. — Вы уже начинаете все усложнять, леди Кестрел?

Она подошла ближе и увидела возле пленника контур ведра, до краев наполненного испражнениями и мочой. Кисть правой руки мужчины оказалась вся обмотана марлей.

Капитан снял повязку. Пленник поперхнулся своей молитвой.

На трех пальцах кожи не было.

Кестрел заметила розовые мышцы и блестящие кремовые ленты сухожилий. У нее свело живот. Капитан притащил из другого угла камеры небольшой столик и прижал к нему руку пленника ладонью вверх.

— Как тебя зовут? — спросил капитан. Когда ответа не последовало, валорианец вытащил кинжал и вонзил его в четвертый палец жертвы. Фонтаном брызнула кровь.

— Остановитесь! — взмолилась Кестрел. — Остановите это!

Заключённый попытался вырваться, но капитан прижал его запястье к столу и снова поднял кинжал.

Кестрел перехватила его руку, вцепившись в неё пальцами. Лицо капитана переменилось: на нем появилось почти жадное выражение, оно говорило, что он ждал этой ошибки. Вот что это было. Кестрел провалила испытание императора, даже не зная его условий. Любое колебание было против неё. Каждая капля её жалости учитывалась капитаном. Он запасал её жалость, откладывая, чтобы извлечь потом перед императором,

разлить перед ним, как бы говоря: «Посмотрите, как она жалка. Как слабовольна. В ней нет стержня, нужного, чтобы править».

В ней его и не было. Не было, если то, что происходило, означало править империей.

Она не знала, что сделала бы дальше, если бы пленник не замер. Он не отрывал от нее взгляда. Его глаза расширились и наполнились эмоциями. Он был ошеломлен. Он узнал ее. Она его не знала. Однако на его лице отразилась торопливость человека, нашедшего ключ к шкатулке, которую он отчаянно пытался открыть.

— Меня зовут Тринн, — прошептал он Кестрел по-герански. — Скажи ему, что я...

Капитан стряхнул ослабшую хватку Кестрел и повернулся к пленнику.

— Ты скажешь мне сам, — произнес капитан по-герански бегло, но с сильным акцентом. — Это хорошо, что ты готов говорить. Дальше, Тринн. Что ты имел в виду? Что ты хотел мне сказать?

Рот пленника беззвучно открывался и закрывался. По столу растекалась кровь. Клинок капитана блестел.

К Кестрел вернулось самообладание. Все дело было в том, как заключенный смотрел на нее — будто ее присутствие являло собой счастливую случайность. Кестрел не могла подвести его, хотя и не понимала, что пленник в ней увидел. Она сделает все возможное. Она справится с тем, о чем ее просило выражение его лица.

— Я не помню, — ответил Тринн.

— Скажи, или я сдеру с тебя всю кожу.

— Капитан, — проговорила Кестрел. — Он в замешательстве. Дайте ему минутку...

— Это вы в замешательстве, если полагаете, что можете вмешиваться в ход допроса. Вы здесь для того, чтобы слушать. Тринн, я задал тебе вопрос. Прекрати смотреть на нее. Она не имеет никакого значения, смотри на меня.

Взгляд Тринна метался между ними. Пленник издал гортанный звук, краткий и хриплый, со слабым надрывом сдерживаемой боли. Он снова перевел взгляд на Кестрел.

— Пожалуйста, — сипло произнес Тринн, — он должен знать.

Капитан отодрал кусок кожи и бросил его в ведро.

Тринн закричал. Прерываемый судорожными вдохами, его крик никак не затихал в голове Кестрел.

Она потянулась к капитану и попыталась вцепиться в ту его руку, в которой был зажат кинжал. Мужчина, даже не глядя, с легкостью оттолкнул ее назад, и Кестрел упала.

— Не смей отказывать мне, Тринн, — сказал капитан. — Слова «нет» больше не существует. Есть только «да». Ты понял?

Пленник подавил крик.

— Да.

Кестрел поднялась на ноги.

— Капитан...

— Тихо. Вы только усугубляете ситуацию.

Он обратился к Тринну:

— Что ты подслушал под дверями во время личной встречи императора с главой Сената?

— Ничего! Убирался. Я убираю.

— Звучит как «нет».

— Нет! То есть, да, да, я подметал пол. Я убиваю. Я слуга.

— Ты раб, — исправил капитан, хотя император своим указом освободил геранцев. —

Не так ли?

— Да. Я раб.

Кестрел тихо вытащила кинжал. Если капитан будет и дальше стоять к ней спиной, она сможет что-нибудь предпринять. Не имело значения, что её боевые навыки оставляли желать лучшего. Она сможет остановить его.

Сможет?

— И зачем, — мягко сказал капитан Тринну, — зачем ты подслушивал у дверей?

Кинжал дрожал у Кестрел в руке. Она вновь почувствовала запах масла, исходящий от капитана. Она заставила себя приблизиться. Утреннее молоко подкатило к горлу.

Тринн оторвал свой взгляд от капитана, чтобы посмотреть на Кестрел.

— Деньги, — сказал он, — сейчас идет год денег.

— О, — произнёс капитан, — наконец мы подошли к делу. Тебе заплатили за подслушивание, не так ли?

— Нет...

Нож капитана вонзился в плоть. Кестрел вырвало, её кинжал отлетел в темноту. Звук его падения утонул в крике Тринна. Кестрел вытерла рот краем рукава. Она закрыла глаза и прижала ладони к ушам, чтобы не слышать. Она едва различила новый вопрос капитана:

— Кто? Кто заплатил тебе?

Но ответа не последовало. Тринн потерял сознание.

* * *

Кестрел добралась до своих покоев, чувствуя недомогание. Будто она была заражена. Она лежала в ванне, пока не почувствовала, что почти сварилась. Она оставила испорченное платье лежать скомканным на полу ванной комнаты. Затем, всё ещё с распущенными и влажными волосами, она забралась в постель и задумалась.

Или попыталась думать. Она пыталась придумать, что ей делать. Она заметила, что пуховое одеяло, толстое, но в то же время лёгкое, подрагивает, как живое. Её трясло.

Она вспомнила Плута, предводителя геранцев. Арин подчинился ему, следовал за ним. Любил его. Да, она знала, что любил.

Плут всегда обращал внимание на кисти рук Кестрел. Угрожал сломать ей пальцы или отрезать, раздавить в своих собственных. Казалось, он был одержим ими, пока не стал одержим ею по-другому. Кестрел снова почувствовала ледяную волну ужаса, как тогда, когда стала понимать, чего он хотел и что готов был сделать, чтобы добиться желаемого.

Сейчас он был мертв. Арин убил его. Кестрел видела это. Она видела, как Плут умер, и убедила себя, что он больше не причинит ей вреда. Кестрел уставилась на свои руки, целые и невредимые. Кожа, гладкая и мягкая, была на месте, не обнажая кровавое мясо. Руки были тонкие, с короткими ногтями для удобства игры на рояле.

Она подумала, что, наверное, у нее красивые руки. Лежащие на одеяле, они казались верхом бесполезности. Что она могла сделать?

Помочь заключённому сбежать? Но для этого нужно было заручиться чьей-то помощью. У Кестрел не было власти над капитаном. Никто в столице не был ей что-либо должен. Она не знала придворных секретов. Она была пока совершенно чужой во дворце и ещё не

завоевала ничьей верности для помощи с таким безрассудным планом.

А если ее поймут? Что император сделает с ней?

А что, если она ничего не сделает?

Она не могла не сделать ничего. Её бездействие в тюрьме уже стоило слишком много.

«Сейчас идет год денег», — сказал Тринн. Он произнёс эти слова так, будто они предназначались ей. Странная фраза. Но знакомая. Возможно, догадка капитана была верна, и Тринн хотел сказать этим, что ему заплатили за сбор информации. У императора было много врагов, и не все они были чужестранцами. Тринн мог подкупить соперник императора в Сенате.

Но, когда одеяло опало и успокоилось, превратившись в снежный холм над согнутыми коленями Кестрел, она вспомнила слова своей геранской няни:

— Сейчас год звёзд.

Кестрел тогда была маленькой. Инэй склонилась над её разбитой коленкой. Кестрел никогда не была неуклюжей, но всегда старалась слишком усердно, с предсказуемыми ошибками и царапинами.

— Будь осторожна, — говорила Инэй, перевязывая колено. — Сейчас год звёзд.

Эта фраза показалось девочке странной. Она попросила объяснить.

— Вы, валорианцы, нумеруете года, — ответила Инэй, — а мы обозначаем их нашими богами. В цикле весь пантеон: на каждый год приходится один бог из сотни. Богиня звёзд властвует над этим годом, значит, ты должна беречь ноги. Эта богиня любит случайные происшествия. И красоту. Иногда, когда богиня раздражена или просто скучает, она решает, что самое красивое — это катастрофа.

Кестрел это должно было показаться глупым. У валорианцев не было богов. Не было никакой жизни после смерти или любых других суеверий, как у геранцев. Что валорианцы почитали, так это славу. Отец Кестрел смеялся над идеей о судьбе. Он был имперским генералом, и, если бы верил в судьбу, как заявил он однажды, то сидел бы в своей палатке и ждал, пока ему принесут земли Герана в прелестной кристальной чашечке. Вместо этого он захватил их. Его победы, сказал он, были его собственными.

Но ребенком Кестрел была очарована идеей существования богов. О них слагались прекрасные сказки. Кестрел попросила, чтобы Инэй познакомила ее с некоторыми богами из сотни и объяснила, чем они управляют. Однажды за ужином, когда тонкий фарфор тарелки треснул под ножом ее отца, она в шутку сказала:

— Осторожно, папа. Сейчас год звезд.

Генерал замер. Кестрел испугалась. Возможно, боги действительно существовали.

Это мгновение превратилось в катастрофу. Кестрел поняла это по ярости в глазах отца. Поняла по синяку, который появился на руке Инэй на следующий день, — по широкому фиолетовому ободку, оставленному большой ладонью.

Кестрел больше не спрашивала о богах. Она забыла о них. Возможно, среди них был и бог денег. Возможно, сейчас шел его год. Она не была уверена. Не понимала, какой смысл Тринн вложил в свою фразу.

«Скажи ему, — произнес Тринн. — Он должен знать». Капитан предположил, что Тринн имел в виду его самого. Возможно, так и было. Но Кестрел вспомнила серые глаза пленника. Вспомнила, что он, судя по всему, узнал ее. Разумеется, он служил во дворце. Слуги знали, кто она, даже если она не знала их по именам. Но Тринн был геранцем.

Что, если он появился во дворце недавно? Что, если он знал Кестрел по ее жизни в

Геране, где она была полностью поглощена последовательностью званных ужинов, балов и чаепитий, а ее самым главным беспокойством было желание отца, чтобы она вступила в армию, и его ненависть к ее увлечению музыкой?

Или же Тринн узнал ее по тому времени, когда все изменилось. По тому, что было после Первозимнего восстания. После того, как геранцы захватили город, а Арин объявил Кестрел своей собственностью.

«Он должен знать», — сказал Тринн.

Медленно, будто крошечные детали опасного механизма, Кестрел заменила одно слово именем.

Арин должен знать.

Но знать что?

* * *

У Кестрел были к Тринну собственные вопросы. Она найдет способ помочь ему, понять, что он имел в виду. Но это означало встречу с Тринном наедине... что требовало разрешения императора.

— Мне стыдно за себя, — сказала она императору следующим утром. Они находились в его личной сокровищнице. По записке, в которой он соглашался на ее просьбу встретиться, и выбору места, Кестрел показалось, что он должен быть в благоприятном расположении духа. Но сейчас он молчал, выдвинув один из ящичков, которые, подобно сотам, покрывали стены от пола до потолка. Император внимательно изучал содержимое ящичка, но что там, Кестрел видно не было.

— Я неправильно повела себя в тюрьме, — проговорила Кестрел. — Пытка...

— Допрос, — поправил ее император, по-прежнему глядя в ящик.

— Это напомнило мне о Первозимнем восстании. О том... что мне пришлось пережить.

— Что вам пришлось пережить.

Император поднял взгляд от ящичка.

— Да.

— Мы никогда особенно не обсуждали, что вы пережили, Кестрел. Я ожидал, что, каково бы вам тогда ни пришлось, это должно было заставить вас поддержать капитана в том, что он делал, вместо того чтобы препятствовать дознанию. Или же мы по-разному понимаем, каким испытаниям вы подверглись в руках геранских повстанцев? Не нужно ли мне с другой стороны посмотреть на историю о том, как дочь генерала бежала из плена и преодолела на лодке шторм, чтобы предупредить меня о восстании?

— Нет.

— Не думаете ли вы, что империя сможет выжить, если откажется от некоторых грязных приемов? Не думаете ли вы, что императрица сумеет править, не запятив руки?

— Нет.

Император задвинул ящик. Щелчок показался Кестрел грохотом.

— Но тогда что мне остается, кроме разочарования? Прискорбного разочарования. Я был о вас лучшего мнения.

— Позвольте мне исправить свою ошибку. Пожалуйста. Я хорошо разговариваю по-герански, и мое присутствие побудило пленника к разговору. Если бы я могла допросить

его...

— Он мертв.

— Что?

— Мертв, как и информация, которой он обладал.

— Как он умер?

Император раздраженно взмахнул рукой.

— Заражение. Лихорадка. Ведро с испражнениями.

— Я не понимаю.

— Тюрьма строилась с таким расчетом, чтобы не позволить пленникам совершить самоубийство. Но тот человек — Тринн — был умным. Решительным. Отчаянным. Этих качеств достаточно, чтобы решиться заразить открытую рану, опустив руку в ведро с отходами.

Тошнота грозила вернуться. Как и вина — неприятный привкус в глубине горла.

Император вздохнул. Он опустился в кресло и жестом пригласил девушку сесть напротив. Кестрел, едва стоявшая на ногах, повиновалась.

— Вы знакомы с такими людьми, как он. Как вы думаете, стал бы он прибегать к подобным мерам, чтобы защитить валорианского сенатора, который заплатил ему с целью узнать, как следует голосовать?

— Нет, — произнесла Кестрел. Любой другой ответ прозвучал бы фальшиво.

— Как вы думаете, кто нанял его?

— Возможно, восток. У них должны быть здесь шпионы.

— О, так и есть.

Император задержался на ней взглядом. Он не ждал ответа, но хотел знать, выскажет ли Кестрел вслух то, в чем он уже не сомневался.

— Он работал на Геран, — медленно ответила Кестрел.

— Разумеется. Скажите мне, способен ли их предводитель вдохновить? Я никогда с ним не встречался. Но вы были его пленницей. Считаете ли вы, что этот новоиспеченный губернатор обладает... харизмой? Притягательностью и силой, которые могут заставить людей пойти ради него на крайний риск?

Кестрел с трудом сглотнула.

— Да.

— Я хочу вам кое-что показать. — Император указал на ящик, который несколько минут назад закрыл. — Принесите то, что там внутри.

Это была золотая монета с отчеканенным на ней профилем императора.

— Я приказал, чтобы эту серию выпустили в честь вашей помолвки, — сказал он. — Переверните монету.

Кестрел исполнила приказ. То, что она увидела, повергло ее в ужас. Это было изображение скрещенных спиц для вязания.

— Вы знаете, что это?

Кестрел помедлила, прежде чем ответить:

— Это символ Джадис.

— Да. По-моему, это прекрасная сказка, чтобы связать ее с вами.

Джадис была воительницей из старинной валорианской легенды. Лейтенантом. Её армия была разбита, а сама она взята в плен вражеским полководцем, который добавил её к

своему гарему. Ему нравились все его женщины, но у него появилось особое пристрастие к валорианке. И всё же он не был глупцом. Её приводили к нему обнажённой, чтобы лишить шанса спрятать оружие. И девушку связывали, во всяком случае, поначалу. Он не доверял её рукам. Но Джадис была ласковой и послушной, и со временем главнокомандующий заметил, что она сблизилась с другими женщинами из гарема. Они обучили её вязанию. Иногда, в перерывах между сражениями, он замечал девушку у женских палаток, вяжущую нечто бесформенное. Ему показалось интересным, что валорианская жестокость и непокорность оказались лишь мифом. Какой домашней оказалась эта маленькая воительница!

— Что это? — спросил он.

— Это для тебя, — ответила Джадис. — Тебе понравится, вот увидишь.

Шерстяное изделие росло от месяца к месяцу. Оно стало поводом для своего рода шутки: он спрашивал, что она вязала: носок, тунику, плащ? Её же ответ всегда был одинаков.

— Увидишь, тебе понравится.

Однажды ночью в своей палатке, спустя много времени после того, как он перестал связывать девушку, главнокомандующий спросил её:

— Ты знаешь, что за битва произойдёт завтра?

— Да, — ответила Джадис.

Главнокомандующий планировал нанести удар в самое сердце Валории. И у него были все шансы на успех.

— Ты, должно быть, ненавидишь меня за это.

— Нет.

При звуке этого слова у него на глазах выступили слезы. Он хотел рыдать, прижавшись к коже Джадис. Он не поверил своей пленнице.

— Любовь моя, — сказала Джадис, — я почти закончила твой подарок. Позволь мне довязать его здесь, рядом с тобой. Он принесёт тебе удачу в бою.

Её слова рассмешили мужчину, он не мог даже вообразить, каким образом он должен был носить этот уродливый комок шерсти. Но воспоминание о том, как упорно она продолжала своё жалкое занятие, было ему приятно. Пусть у неё не было ни малейшего умения вязать, само усердие было подтверждением её преданности.

Главнокомандующий подошёл ко входу в палатку и приказал принести корзинку с её вязанием.

Он поставил корзинку у кровати и снова наслаждался девушкой. Потом она села вязать возле него. Тихий перестук спиц навевал на главнокомандующего сон.

— Ты ещё не закончила? — спрашивал он.

— Закончила. Только что.

— Но что это?

— Ты не видишь? Тебе не нравится? Посмотри повнимательнее, любовь моя.

Он наклонился, и тогда Джадис вонзила спицы ему в горло.

Монета потяжелела в ладони Кестрел. У девушки перехватило дыхание.

Император сказал:

— Мы говорили ранее о твоём пребывании в плену у Арина.

— Всё было совсем не так, — она сжала монету. — Я не Джадис.

— Не так? Я слышал, губернатор довольно привлекателен.

— Я так не думаю. — Во всяком случае, не думала сначала. Как жалко, что она не видела настоящего Арина. Насколько хуже стало, когда она поняла, кто он. И как ужасно она

чувствовала себя сейчас, когда он был для нее потерян, а император выспрашивал ее тайны. — Он никогда не был моим любовником. Никогда.

Это, по крайней мере, было правдой. Звук её голоса должен был убедить императора. Или то, как она сжала монету. Он мягко произнёс:

— Я верю тебе. Но что, если бы я не поверил? Разве имело бы значение то, что раб делил с тобой ложе? О, Кестрел, не смотри на меня с таким потрясением. Ты думаешь, я собираюсь играть в приличия? Я знаю слухи. Все знают. — Он встал, подошёл к ней и дотронулся до сжатого вокруг монеты кулака. — Вот почему тебе нужна Джадис. Это подарок. Если столица думает, что ты проявляла расположение к губернатору Герана, пусть думает, что это было намеренно. Ты сделала выбор, когда стояла передо мной и просила дать Герану независимость. Ты выбрала моего сына. Ты выбрала мою сторону, — он пожал плечами. — Я прагматик. У меня не было ни малейшего желания ввязываться в войну с Гераном, когда так манит восток. Твоё предложение — придание Герану статуса независимой территории — было политически невыгодным в некоторых вопросах... но ценным в решении других. В военном тоже. Не стоит упускать и дополнительную выгоду. Военные круги уважают меня теперь, когда дочь генерала выходит за моего сына. Я думаю, мы поняли друг друга, не так ли? Я получаю дочь, достаточно умную, чтобы править империей, и в то же время расположение солдат её отца. Ты получаешь корону и прощение всех прошлых... оплошностей.

Кестрел опустила руку, расслабив её. Но не настолько, чтобы выпустить монету.

— Твой кинжал, Кестрел, пожалуйста, — он протянул руку.

— Что?

— Дай мне свой кинжал.

Когда она не шевельнулась, он сказал:

— Он слишком прост. Невеста моего сына достойна лучшего.

— Мне дал его отец.

— А разве я тебе отцом не стану?

После этих слов императора она уже не могла сказать «нет», не оскорбив его. Кестрел достала кинжал, который так лелеяла. Она прижала большой палец к рубину, вставленному в рукоятку кинжала, с вырезанными на нем когтями хищной птицы — ее гербом. Она надавила сильно, до боли. А затем отдала оружие императору.

Он положил кинжал в ящик, из которого раньше извлёк монету, и закрыл его. А Кестрел вручил свой кинжал, мерцавший на его бедре. Император коснулся золотой линии над бровями Кестрел, отмечавшей её как помолвленную женщину.

— Я могу рассчитывать на твою верность империи, не так ли?

— Безусловно.

Кестрел постаралась не обращать внимания на невесомость своих ножен.

— Хорошо. Прошное в прошлом, не так ли?

— Да.

Император выглядел удовлетворённым.

— В тебе не должно быть ни единого намёка на симпатию к Герану.. или его губернатору. Если она осталась — уничтожь её. Если ты этого не сделаешь, последствия тебе не понравятся. Ты поняла?

Она поняла. Кестрел только сейчас поняла, что визит в тюрьму не был испытанием или уроком. Нет, император хотел показать, что бывает с теми, кто перешёл ему дорогу.

Кестрел стала повсюду носить с собой монету с символом Джадис. Она была у нее в кармане и в тот день, когда девушка неожиданно застала в музыкальной комнате принца.

Она опешила при виде принца Верекса, который сидел за столом. Перед ним были расставлены фигурки для одной восточной игры. Принц взглянул на Кестрел, а затем снова опустил глаза на мраморные фигурки. По его щекам разлился румянец. Принц покрутил в пальцах миниатюрную пушку.

— В «Пограничные Земли» нужно играть вдвоем, — заметила Кестрел. — Вы ждете меня?

— Нет. — Принц выпустил фигурку и скрестил руки на груди. — С чего бы это?

— Ведь это моя комната.

Еще в первые дни пребывания Кестрел во дворце император подарил ей новый рояль и поместил его здесь, в императорском крыле, сказав, что в комнате прекрасная акустика. Это оказалось неправдой. Здесь было слишком сильное эхо, и казалось, что помещение больше, чем на самом деле. Каменные стены были голыми, мебель — жесткой. На полках стояло совсем мало предметов, но и те совершенно не были связаны с музыкой: это были астролябии, наборы для игр, глиняный солдатик, складные телескопы.

— Твоя комната, — повторил Верекс. — Как я понимаю, твоим скоро будет весь этот дворец. Мой отец передает тебе империю. Пожалуйста, можешь забирать и мою бывшую детскую.

Он довольно скованно пожал плечами.

Взгляд Кестрел упал на глиняного солдатика. Она увидела, как облупилась краска, и обратила внимание на то, что солдатик занимает почетное место посередине полки. Комната была холодным, неподходящим местом для ребенка. Кестрел вспомнила, что Верекс тоже в детстве потерял мать.

Она подошла и села напротив него.

— Твой отец не отдавал мне твою комнату, — произнесла она. — Возможно, он надеялся, что мы разделим ее и будем больше времени проводить вместе.

— Да брось.

— Но сейчас-то мы здесь вместе.

— Ты не должна была здесь появиться. Я подкупил одну из твоих фрейлин. Она сказала мне, что ты собиралась провести полдень в библиотеке.

— Одна из моих горничных отчитывается перед тобой?

— Судя по всему, дочь генерала, несмотря на свою репутацию умной девушки, считает себя недосягаемой для мелкого шпионажа, на который способен императорский двор. А она не так уж и умна, верно?

— Уж наверное, умнее, чем тот, кто открыл ей, что подкупил ее служанку. Почему бы тебе не сказать мне, которую, Верекс, чтобы закрепить свою оплошность.

На мгновение ей показалось, что он готов опрокинуть стол, раскидывая по полу фигурки для игры. В ту секунду она поняла, чем он здесь занимался, сидя в одиночестве перед набором для игры в «Пограничные Земли», которая сейчас была особенно популярна при дворе. Фигурки были расставлены в начальных позициях. Верекс практиковался.

Болезненная гримаса на его лице говорила больше слов.

— Ты ненавидишь меня, — сказала Кестрел.

Он обмяк в своем кресле. Его взлохмаченные светлые волосы упали на лицо, и он потерял глаза, будто встал сегодня очень рано.

— Нет, на самом деле нет. Я ненавижу это. — Он обвел рукой комнату. — Я ненавижу то, что ты используешь меня, чтобы заполучить корону. То, что мой отец считает это гениальной идеей.

Кестрел прикоснулась к одной из фигурок для «Пограничных Земель». Это был разведчик.

— Ты мог бы сказать ему, что не хочешь жениться на мне.

— О, я говорил.

— Возможно, у нас обоих в этой ситуации не осталось выбора.

Она увидела, как его лицо тотчас же осветилось любопытством, и пожалела о своих словах. Девушка подвинула разведчика «Пограничных Земель» поближе к генералу.

— Мне нравится эта игра. Она заставляет меня думать о том, что в восточной империи любят не только битвы, но и сказки.

Верекс бросил на нее быстрый взгляд, отмечая резкую смену темы, но сказал только:

— «Пограничные Земли» — это игра, а не книга.

— «Пограничные Земли» будто книга, в которой обстоятельства постоянно изменяются, что приводит к различным концовкам, а герои могут внезапно сойти с ожидаемого пути. Кроме того, «Пограничные Земли» обманчивы. Они заставляют игрока увериться, что он знает своего противника. Знает, насколько тот неопытен, думая, что это новичок, и не замечая подготовленных для него ловушек.

Выражение лица Верекса смягчилось, и Кестрел расставила фигурки в положение для начала игры и изобразила некоторые комбинации, объясняя, как предполагаемый новичок может выиграть, специально попадаясь в ловушки, чтобы устроить свою собственную. Когда зеленый генерал наконец повалил красного, Кестрел сказала:

— Мы могли бы заниматься вместе.

Большие глаза Верекса внезапно сверкнули.

— Говоря про «заниматься», ты имеешь в виду обучение.

— Друзья постоянно играют в игры, не думая о занятиях, обучении или о том, кто победил, а кто проиграл.

— Друзья.

— У меня их немного.

У Кестрел была одна подруга. Девушка ужасно скучала по Джесс. Та уехала с семьей на южные острова, чтобы восстановить здоровье. Раньше Джесс отправилась бы в принадлежащий ее семье прекрасный маленький домик у моря на теплом южном побережье Герана, но Указ Середины Зимы постановил, что колонисты-валорианцы должны оставить все свои владения в Геране. Колонисты получили от императора компенсацию, и родители Джесс купили себе новый дом на островах. Но в письмах Джесс сквозила тоска по родине. Кестрел писала подруге в ответ. Они часто обменивались новостями, но писем было недостаточно.

Верекс подтолкнул павшего красного генерала зеленым, прислушиваясь к стуку мрамора по мрамору.

— Возможно, мы могли бы стать друзьями, если бы ты объяснила мне, почему сама не

скажешь моему отцу, что не хочешь выходить за меня замуж.

Но Кестрел не могла ему этого объяснить.

— Ты вовсе не хочешь быть моей женой, — сказал Верекс.

Кестрел не могла лгать.

— Ты заявила, что у тебя нет выбора, — произнес принц. — Что ты имела в виду?

— Ничего. Забудь. Я хочу стать твоей женой.

Ярость Верекса вернулась.

— Тогда давай перечислим причины. — Он начал загибать пальцы. — Ты хочешь править империей и иметь мужа, манипулировать которым будет так же просто, как и фигурами в этой игре.

— Нет, — ответила она, хотя не могла понять, почему Верекс не хотел поверить в такой ее образ — жадной до власти и бесчувственной особы. Арин поверил.

— Ты хочешь посмеяться. На балу в честь нашей помолвки ты будешь смотреть, как я проигрываю в «Пограничные Земли», и хохотать вместе с остальными аристократами и губернаторами.

— На балу? Со всеми губернаторами? Ты уверен? Мне никто ничего про это не говорил.

— Мой отец рассказывает тебе все.

— Он мне ничего не говорил. Клянусь, я не знала про бал.

— Значит, с тобой он тоже играет в свои игры. Мой отец двуличен, Кестрел. Не думай, будто он восхищается тобой на самом деле.

Кестрел вскинула руки в воздух.

— Ты невозможен. Ты винишь меня в его расположении и в то же время утверждаешь, что я для него не более чем занимательная игрушка.

Она поднялась на ноги и направилась к двери, так как поняла, что краткое перемирие между ней и принцем закончилось. Ее мысли начали беспорядочно вертеться. Бал в честь помолвки. Со всеми губернаторами. Приедет Арин. Арин будет здесь.

— Интересно, почему мой отец не сказал тебе, — проговорил Верекс. — Возможно, он хотел застать тебя врасплох и выяснить, что именно ты чувствуешь к губернатору Герана?

Кестрел остановилась и развернулась.

— Между нами ничего нет.

— Я видел монету с Джадис. До меня доходили слухи. До восстания он был твоим фаворитом среди рабов. Ты сражалась за него на дуэли.

Кестрел едва не потянулась к книжной полке для опоры. Ей казалось, что она сейчас упадет.

— Я знаю, почему ты выходишь за меня, Кестрел. Для того, чтобы все забыли, что после восстания ты не оказалась в тюрьме, как все остальные валорианцы в Геране. Ты была на особом положении, верно? Потому что принадлежала ему. Все об этом знают.

Ее головокружение прошло. Она схватила с полки глиняного солдатика.

По лицу Верекса Кестрел немедленно поняла, что у нее в руке кое-что важное для принца. Она хотела уничтожить этого солдатика, размогнуть об пол. Сломать Верекса, как его уже сломал его отец.

Она ломает его так же, как разбила собственную душу. Внезапно Кестрел показалось, будто ее сердце состоит из отдельных кусочков, будто любовь — это предмет, хрупкий, как птичье яйцо, со скорлупой туманно-розового цвета. Она увидела, как содрогнулся кровавый желток. Почувствовала, как осколки скорлупы воткнулись в ее горло и легкие.

Кестрел поставила солдатика обратно на полку. Позабывшись, чтобы ее голос звучал отчетливо, она проговорила:

— Если ты не хочешь быть моим другом, то пожалеешь, если станешь врагом.

С этими словами она покинула комнату.

* * *

Кестрел вернулась в свои покои и отослала служанок прочь. Теперь она ни одной из них не доверяла. Девушка села перед крошечным окном, которое пропускало в комнату совсем мало света. Когда она вытащила из кармана новую монету императора, та матовым кружочком улеглась в ее ладони.

«Сейчас идет год денег», — вспомнила она. Она действительно хотела сегодня утром посетить библиотеку, как и доложила одна из ее служанок Верексу. Кестрел надеялась изучить геранских богов, но затем передумала. Библиотека состояла лишь из ничтожного количества книг. Она служила по большей части залом для встреч, где иногда собирались придворные, чтобы выпить в тишине чашку чая, или исследовали карты офицеры армии. Библиотека подошла бы Кестрел, если бы она хотела проложить маршрут или пообщаться... или дать придворным знать, что ищет что-то в геранских книгах.

Она мысленно отвернулась от массивных дверей библиотеки.

Сейчас она сидела в бархатном кресле, пытаясь сосредоточиться на предмете своей беседы с Верексом, а не на эмоциональном подтексте. Девушка перевернула монету, крутя ее между пальцев. Император. Джадис. Император. Джадис. «Он двуличен», — сказал Верекс о своем отце. Кестрел размышляла над этой фразой, разглядывая обе стороны монеты. Двуличен... Это слово забросило крючок в темный колодец ее памяти. И за что-то уцепилось.

Геранцы верили, что каждый бог управляет не только определенным предметом или явлением, но и целым пантеоном близких идей, действий, объектов. Да, бог звезд был богом звезд, но еще и случайностей, красоты и катастроф. Бог душ.. У Кестрел перехватило дыхание, когда она вспомнила, как Арин взывал к этому богу, управляющему любовью. «Моя душа принадлежит тебе, — сказал он. — Ты знаешь это». Его лицо было при этом таким ясным, таким искренним. Даже напуганным — он сам боялся своих слов. И Кестрел тоже испугалась, потому что он произнес вслух то, что чувствовала и она тоже.

Монета. Кестрел заставила себя вернуться мыслями к монете.

Она вспомнила: с богом денег не было связано ничего честного. Он был двуличен, как этот кусок золота. Иногда являлся в мужском облике, а иногда в женском. «Он покровительствует торговле, — говорила Инэй, — а значит, и переговорах. А также тому, что скрыто. Обе стороны монеты сразу увидеть невозможно, верно, дитя? У бога денег всегда есть секреты».

Бог денег был также покровителем шпионов.

На Арина накатили воспоминания.

Сначала пообещать стать шпионом Плуто было просто.

— Я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было, — прошептал предводитель восстания на ухо Арину после того, как тот был продан дочери генерала. — Ты — мой второй командир, парень, и мы с тобой поставим валорианцев на колени.

Все детали встали на свое место, и хорошо смазанный механизм заработал.

Вот только...

Вот только...

Дочь генерала начала обращать на Арина внимание. Это была возможность, подаренная богами, однако даже в первые дни, проведенные в имении ее отца, Арина не оставляло дурное — неуютное, зудящее, покалывающее, как искры, которыми разбрасывается зимой одежда, — предчувствие, что это внимание станет причиной его неудачи.

Арин был Арином: он решил испытать свою удачу, как делал всегда.

Однако с девчонкой он стал заходить слишком далеко. Он говорил то, что ему говорить не следовало. Нарушал правила, а она смотрела, как он делает это, но ничего не говорила.

Он убедил себя: так происходит потому, что, какими бы ни были его действия, ей все равно.

А затем его окатило волной, опасность, которую ему следовало бы предвидеть, — и он предвидел бы, если бы сумел признать перед самим собой, что именно возбудило в нем желание встряхнуть девчонку, заставить ее открыть глаза, пусть даже они были открыты.

Почему она должна волноваться о том, чем занимается раб?

Арин заставит ее.

* * *

Арин вспоминал.

Как он не мог спать по ночам в помещениях для рабов из-за музыки, которая сквозь тьму тянулась со стороны виллы через земли генерала. Девчонка все играла и играла, и ее не беспокоило, что он устал: она не знала, что он устал, она вообще о нем не думала.

Ее управляющий-валорианец исхлестал его в кровь за незначительный проступок. На следующий день девчонка приказала, чтобы Арин сопровождал ее на чаепитие. Гордость не позволяла ему морщиться от боли, которую причиняло каждое движение. Пылающие рубцы на спине вскрылись и кровоточили. Она не заметила, он не позволил ей увидеть, не предоставил ей такого удовольствия.

И все равно он искал признаки того, что она хотя бы что-то слышала о порке. Его взгляд тщательно изучал ее лицо, но так ничего и не нашел, кроме неловкости от его пристального взгляда.

Она не знала. Он был уверен, что понял бы. Вина была эмоцией, которую она не умела скрывать.

Девчонка сидела неподалеку на парчовой тахте, держа в руках чашку с блюдцем. Она отвела взгляд, повернулась к какому-то лорду и рассмеялась его словам.

Ее невинность сводила с ума.

Ей следовало бы знать. Следовало бы знать, что сделал ее управляющий. Она должна была знать, что это ее вина, и не важно, отдавала она приказ или нет, знала о нем или нет. Невинна? Она? Никогда.

Он поднял высокий воротник рубашки, чтобы скрыть тянущийся вверх по шее шрам от плети.

Он не хотел, чтобы она знала.

Не хотел, чтобы она видела.

И все же...

«Взгляни на меня, — обратился он к ней свою яростную мысль, сам того не успев осознать. — Взгляни на меня».

Она подняла глаза.

* * *

Эти воспоминания были какими-то странными, они напоминали паутину рубцов от плети — будто удары сыпались один за другим, выжигая следы, которые могли бы представлять из себя какой-то узор, если бы не было ясно, что оставила их жестокая, не знающая пощады рука. Плеть горела эмоциями.

Она все жалила его и жалила.

— Арин, — окликнул его Тенсен во время встречи с геранским казначеем, который был мрачнее обычного, — где ты витаешь? Ты не слышал ничего из того, что я говорил.

— Повтори еще раз.

— Император приказал отчеканить новую монету в честь помолвки.

Арин не хотел ничего слышать о помолвке.

— Думаю, тебе следует увидеть ее, — сказал Тенсен.

Арин взял монету, но не увидел ничего особенного.

Тенсен рассказал ему легенду о Джадис.

Арин выронил монету.

Он помнил.

Помнил, как все изменилось.

Он увидел, как Кестрел дает цветок ребенку, на которого больше никто не обращал внимания. Смотрел, как она жизнерадостно проиграла в карты пожилой валорианке, над которой общество открыто смеялось, потому что, как говорили, она была слишком стара, чтобы это понять.

Во время этой игры Арин стоял у Кестрел за спиной. Он видел, что ее комбинация была выигрышной.

Он видел, что она честна с ним. Ее искренность была подобна чаше с кристально чистой водой, которую он выпивал до дна.

Он видел ее слезы, поблескивающие в темноте.

Ее живой ум — острый и находчивый, который очень непросто было загнать в тупик.

Арин смотрел, как Кестрел встала между ним и наказанием, будто это ничего не значило, хотя на самом деле значило все.

— Арин? — прорвался сквозь воспоминания голос Тенсена.

Арин обратился мыслями к пустым дням, которые последовали за их последней встречей, когда Кестрел передала ему указ императора о свободе Герана и сообщила о своей

помолвке. «Поздравь меня», — сказала она тогда. Он не верил. Он умолял ее. Она его не послушала. «О, Арин, — говорила ему Сарсин в те дни, когда он не покидал комнаты, где раньше жила Кестрел. — Чего ты ожидал?»

Горе. Все привело его к этому.

— Арин, — повторил Тенсен, и Арину пришлось обратить на него внимание. — Твое окончательное решение: ты поедешь в столицу или нет?

С приближением бала в столицу начали прибывать чиновники и аристократы. Каждый день все больше упряжек с дорогими лошадьми появлялось в императорских конюшнях. После путешествия по зимним дорогам животные прихрамывали. Хотя Кестрел обращала внимание императора на сложность передвижения в таких плохих условиях, император, очевидно, решил, что это не имеет значения. Он пригласил гостей — те должны явиться. В гостевых покоях дворца разводили огонь, чтобы обогреть помещения, которые будут заняты довольно долгое время: после бала и до самой свадьбы планировались всевозможные званые вечера.

Однажды после полудня Кестрел взяла экипаж и направилась через город в гавань, сопровождаемая дрожащей от холода служанкой. Эта девушка, как и любая другая из прислужниц Кестрел, вполне могла оказаться той, кого нанял Верекс, но Кестрел укутала ее колени мехами и настояла, чтобы девушка подвинула ноги ближе к горячему кирпичу, который лежал на дне кареты.

Через город они ехали медленно. Улицы были крутыми и узкими: их прокладывали не для удобства жителей, а для того, чтобы замедлить продвижение ко дворцу возможного врага.

Новых кораблей в гавани не оказалось. Кестрел в любом случае не следовало надеяться увидеть здесь геранские суда. Стояло время зеленых бурь. Ни один здравомыслящий человек не отправился бы в плавание между Геранским полуостровом и столицей.

От холодного ветра губы Кестрел потрескались.

— Что мы здесь делаем? — спросила служанка, стуча зубами.

Едва ли Кестрел могла сказать, что ожидала увидеть корабль, который, возможно, привез Арина. Все меньше времени оставалось у него на то, чтобы совершить более долгое, но безопасное путешествие через горный перевал, расчищенный после подписания мира с Гераном. Бал маячил в конце этой недели. Большинство гостей уже прибыли. Но не Арин.

— Ничего, — ответила Кестрел. — Я хотела насладиться пейзажем.

Служанка моргнула — это был единственный жест раздражения на то, что ее заставили поехать в гавань. Но Кестрел не позволялось путешествовать без сопровождения. В честь помолвки ей преподнесли сотни подарков: перо из рога рогатого кита, рубиновые кости от лорда одной из колоний, который прослышал о любви Кестрел к играм, и даже затейливую складную диадему для путешествий... Список даров был велик, но Кестрел с радостью рассталась бы с ними со всеми ради одного часа пребывания за пределами дворца в одиночестве.

— Поехали, — сказала она и больше не возвращалась в гавань.

* * *

Она ужинала с сенаторами. Поверх бокала с вином, Кестрел наблюдала, как глава Сената, который выглядел для зимы на удивление загорелым, тихо сказал что-то императору.

«Зачем ты подслушивал под дверями, — спрашивал капитан стражи у Тринна в тюрьме, — во время личной встречи императора с главой Сената?»

Внезапно Кестрел показалось, будто ее бокал наполнен не вином, а кровью.

Император перевел взгляд на Кестрел и увидел, что она смотрит на него и главу Сената. Он приподнял бровь.

Кестрел отвела глаза и осушила свой бокал.

* * *

Ее отец прислал свои извинения. Он не мог явиться на бал, так как завяз в войне на границе восточных равнин. «Я сожалею, — писал генерал Траян, — но приказ есть приказ».

Кестрел прекратила перечитывать краткие строки письма и уставилась на пустое место, оставленное на листе. От белизны бумаги ее глаза начали болеть. Она выпустила письмо из рук.

Она никогда не считала возможным, что ее отец придет, — до тех пор, пока не получила его письмо и не распечатала его.

Эта ослепляющая надежда. И мрак разочарования. Ей не следовало удивляться.

Она вспомнила последнее слово письма — «приказ». Кестрел задумалась, как далеко может зайти подчинение ее отца императору. Что сделал бы генерал, окажись он в камере с Тринном? Вонзился бы его нож в плоть так же легко, как и нож капитана стражи, или с еще большей легкостью, или не вонзился бы вообще?

Однако, когда она подумала о своем отце в роли капитана, в темнице оказался вовсе не Тринн. В цепи была закована она сама. «О чем ты думала, — спрашивал генерал, — заключая с императором сделку, чтобы спасти раба?»

Кестрел встряхнула головой, чтобы избавиться от образа тюрьмы и своего отца. Она смотрела в окно одной из комнат своих покоев, которые находились высоко над внутренним двором замка. Окно выходило на башню у подъемного моста, по которому во дворец должны были въезжать гости.

Ладонью Кестрел стерла со стекла морозные узоры. Ворота башни были закрыты.

«Отойди от окна», — услышала она приказ своего отца.

Кестрел осталась стоять на своем месте. Стекло начало затуманиваться.

«Слова "нет" не существует, Кестрел. Есть только "да"».

Через окно снова ничего не было видно.

Кестрел отошла от него. Смотреть все равно было не на что.

* * *

Дни шли один за другим.

При дворе устроили представление. Выступал певец-геранец. Его голос был неплохим. Но более высоким, чем у Арина. Более тонким. Кестрел разозлилась, слушая, как голос этого неизвестного мужчины скрипел, пытаясь выйти за границы доступного ему регистра. Мелодия была плохой, писклявой. В ней не звучало ни капли силы голоса Арина, ни капли его грациозной упругости.

Кестрел тщательно оберегала воспоминание о песне Арина. Та песня лежала в ее сердце, будто медовый бальзам. По мере того как представление продолжалось, Кестрел начала беспокоиться, что музыка, которую она слышит сейчас, займет в ее душе место воспоминания о песне Арина. Он больше никогда не будет для нее петь. Что, если она

утратит даже память о том, как однажды он спел для нее? Она опустила руки вдоль своего кресла и крепко сжала их в кулаки.

Наконец представление закончилось. Зрители встретили молчание певца своим собственным. Никто не стал аплодировать: не потому, что каждый сумел оценить дурное качество музыки; просто не было смысла аплодировать рабу, пусть даже он больше им не являлся. А Кестрел, которая ни на минуту не забывала, что этот мужчина собой представляет и чего ему не достает, также аплодировать не собиралась.

* * *

С собственными занятиями музыкой у нее дело тоже не шло. Рояль приносил совсем мало успокоения, да и то, что он приносил, казалось ложью. Кестрел начала изобретать нечто, что считала импровизацией, стараясь сделать мелодию как можно более сложной. А затем ноты стали толкаться, сжиматься и оставлять паузы, которые она не могла заполнить.

Ее мелодия не была импровизацией. Импровизации — удел солистов. То, что сочиняла она, оказалось дуэтом.

Вернее, не дуэтом... А лишь одной его половиной.

Кестрел опустила крышку на клавиши.

* * *

Она изобрела такую версию «Клыка и Жала», в которую могла играть в одиночку. Она начала соревноваться с призраком. С самой собой. Складилище — стопка карточек на столе, откуда игроки набирали свою комбинацию, — постепенно уменьшалось, а затем все карточки оказались на столе лицевой стороной вверх, будто некая окончательная истина, которую ей следовало бы осознать. Тигр оскалил зубы. Паук плел свою паутину. Мышь, рыба-камень, гадюка, оса... Внезапно черные гравировки на карточках из слоновой кости стали невероятно четкими, а затем расплылись под взглядом Кестрел.

Кестрел перемешала карточки и начала сначала.

* * *

Она пригласила на бал Джесс. В письме она почти умоляла подругу приехать. Пришло ответное письмо Джесс: она приедет, разумеется, она приедет. Она пообещала остаться с Кестрел по меньшей мере на неделю. Кестрел ощутила ужасное облегчение.

Но ненадолго.

* * *

Кестрел посещала чаепития с дочерьми и сыновьями высокопоставленных офицеров. Она ела канапе, сделанные на модном белом хлебе, который был отвратителен на вкус, потому что ради цвета в него добавляли толченый мел. Кестрел притворялась перед самой собой, что сухое ощущение в горле полностью зависело от хлеба и не имело ничего общего со все растущим чувством разочарования по поводу того, что Арин до сих пор не явился, хотя дни шли своим чередом.

* * *

В последнее утро перед балом, когда дворцовые наблюдатели за погодой предсказали собирающуюся в горах бурю, которая перекроет проход в Геран еще до заката, Кестрел стояла на скамеечке для примерки, а портниха прикалывала булавками к ее бальному платью полосу серебристого кружева.

Это были заключительные штрихи. Кестрел опустила взгляд на струящиеся каскадом ткани. Цвет сатиновой основы был непостоянен. Иногда он напоминал жемчужину, извлеченную из раковины. А затем падающий из окна свет тускнел, и платье становилось темным, начинало играть тенями.

Кестрел устала от долгих часов стояния на скамеечке портнихи и пыталась думать обо всех тех взглядах, которые встретят ее, когда она войдет в бальную залу. О сплетнях, которые кружились по дворцу, насчет деталей столь несущественных, как ее выбор платья. Она слышала, что на это делали ставки. Целые состояния могли быть выиграны или утеряны в зависимости от того, что она надевала.

Кестрел подняла взгляд от платья и обратила его на тяжелые снежные облака, которые собирались в небе. Она смотрела так, будто окно стало ее единственным выходом, а каждое облако было камнем, которыми ее пытались замуровать в комнате.

Портниха была геранкой. Она была освобождена вместе с остальным своим народом, когда император издал почти два месяца назад свой указ. Почему Делия осталась в столице, вместо того чтобы вернуться в Геран, Кестрел не знала. Она не спрашивала, а сама Делия заговаривала редко. В этот день она тоже ничего не говорила, а молчаливо и с явным мастерством прикалывала кружево. Однако один раз ее серые глаза метнулись вверх и посмотрели на Кестрел.

В том, как они задержались на ее лице, Кестрел увидела несомненное любопытство. Ожидание чего-то, замешательство.

— Делия, в чем дело?

— Вы не слышали?

— О чем?

Делия стала расправлять подол платья.

— Прибыл представитель Герана.

— Что?

— Он прибыл сегодня утром на лошади. Проехал через перевал в последний момент.

— Сними с меня это платье.

— Но я не закончила, миледи.

— Снимай.

— Всего несколько...

Кестрел спустила с плеч материю, не обращая внимания на тихий вскрик Делии, уколы булавок, звон, с которым они разлетелись по каменному полу. Она переступила через платье, надела свою обычную одежду и поспешила прочь из комнаты.

Он ждал в приемном зале — его одинокая фигура почти терялась посреди огромного помещения со сводчатым потолком. Представитель Герана был пожилым, худоватым мужчиной, тяжело опиравшимся на трость для ходьбы.

Кестрел споткнулась и теперь начала приближаться медленнее. Она невольно заглядывала старику за плечо, высматривая Арина.

Его здесь не было.

— Я думал, что Валорианская империя уже избавилась от варварских пережитков, — сухо произнес гость.

— Что? — переспросила Кестрел.

— На вас нет обуви.

Кестрел опустила взгляд и только теперь осознала, что ступням ее ног холодно: когда она покинула свою гардеробную и бросилась бежать через весь дворец, то забыла о самом существовании обуви. По пути сюда ее мог увидеть кто угодно. На нее уже точно обратили внимание валорианские стражники, стоявшие по бокам от входа в приемный зал.

— Кто вы? — требовательно спросила Кестрел.

— Тенсен, министр земледелия Герана.

— А губернатор? Где он?

— Он не приехал.

— Не... — Кестрел прижала ладонь ко лбу. — Император отправил приглашение. На официальное мероприятие. А Арин отказывается явиться?

Слой ее ярости накладывались друг на друга, подобно материи бального платья. Она злилась на Арина, на то, как он совершил политическое самоубийство.

Она злилась и на себя. На свои босые ноги, которые являлись доказательством голой, непреклонной, холодной истины: в ней жила надежда, нужда увидеть кого-то, кого она должна забыть.

Арин не приехал.

— Я постоянно ловлю на себе этот разочарованный взгляд, — жизнерадостно произнес Тенсен. — Никто и никогда не рад встрече с министром земледелия.

Наконец Кестрел сосредоточилась на его лице. Его морщинистая кожа была темнее, чем у нее, а за небольшими зелеными глазами скрывался ум.

— Вы написали мне письмо. — Слова Кестрел прозвучали натянуто. — Вы говорили, что нам многое нужно обсудить.

— О, да. — Тенсен небрежно махнул рукой. Свет ламп отразился от простого золотого кольца у него на пальце. — Нам нужно поговорить об урожае печного ореха. Но позже. — Его взгляд медленно переместился на валорианских солдат, которые стояли по периметру зала, а затем он встретился глазами с Кестрел. — Ваша проницательность могла бы помочь мне в некоторых вопросах, касающихся Герана. Но я старик, миледи, и долгое путешествие верхом не пошло мне на пользу. Полагаю, мне нужно немного отдохнуть, уединившись в своих покоях. Возможно, вы могли бы показать мне, где они находятся?

Кестрел понимала, на что он намекает. Она не пропустила того, как он дал ей знать о своем подозрении, что их подслушивают, как и не осталась глуха к его завуалированному предложению поговорить более спокойно в его гостевых комнатах. Но она сглотнула боль в

горле и сказала только:

— Ваш путь сюда был тяжел?

— Да.

— А снег — он уже начал падать?

— Да, миледи.

— Горный перевал будет заблокирован.

— Да, — мягко ответил Тенсен, но он слишком хорошо все понимал. Кестрел была уверена, что он услышал ту ужасную нотку в ее голосе, и узнал в ней признак того, что девушка сражается с подступившими слезами. — Как и ожидалось, — добавил он.

Но она-то этого не ожидала. Ох, эта глупая, жестокая надежда — зачем надеяться увидеть кого-то, связь с кем уже утрачена? Какой в этом смысл?

Никакого.

Очевидно, Арин тоже это понимал. Понимал лучше, чем Кестрел, потому что иначе его надежда по своей силе равнялась бы ее и вынудила бы его приехать.

Кестрел заставила себя выпрямиться.

— Вы сможете найти свои покои сами, министр Тенсен. У меня есть более важные дела.

Она решительным шагом вышла из зала. Мраморный пол с прожилками казался ей ледяным, он будто превратился в замерзшее озеро с трещинами, на которые Кестрел не обращала внимания.

Она спокойно шла прочь.

Ей было все равно.

* * *

Джесс поправила бальное платье Кестрел, отступила назад, наклонила голову на бок и обратила на подругу пристальный взгляд.

— Ты волнуешься, — сказала Джесс, — верно? У тебя напряженное лицо.

— Я плохо спала этой ночью.

Это было правдой. Кестрел попросила Джесс приехать к ней из ее столичного дома пораньше и провести ночь перед балом в своих покоях. Они спали на одной кровати, как иногда делали в Геране, когда были маленькими девочками, и разговаривали до тех пор, пока в лампе не закончилось масло.

— Ты храпела, — добавила Кестрел.

— Неправда.

— Правда. И так громко, что люди в моих снах жаловались.

Джесс рассмеялась, и Кестрел обрадовалась успеху своей маленькой глупой лжи. Смех смягчил лицо Джесс, наполнил впалые щеки. Отвел внимание от темных кругов под карими глазами. С тех самых пор, как Джесс была отравлена в ночь Геранского восстания, она всегда выглядела нехорошо.

— У меня есть кое-что для тебя. — Джесс открыла свой дорожный сундучок и вынула из него бархатный сверток. — Подарок в честь помолвки. — Джесс стала его разворачивать. — Я сделала его для тебя.

В бархате лежало ожерелье из цветов, нанизанных на чёрную ленту. Большие раскрывшиеся лепестки, сделанные из отшлифованных кусочков янтарного стекла, и тонкие

завитки стебельков. Несмотря на приглушенные цвета, благодаря своей форме цветки казались почти настоящими.

Джесс завязала ленту вокруг шеи Кестрел. Звякнув друг о друга, цветки заняли свое место на лифе ее платья.

— Оно прекрасно, — сказала Кестрел.

Джесс поправила ожерелье.

— Я понимаю, почему ты волнуешься.

Перезвон цветков стих. Кестрел поняла, что задерживает дыхание.

— Я не должна этого говорить. — Их глаза встретились. Джесс, не мигая, устремила на Кестрел тяжёлый взгляд. — Я ненавижу то, что ты выходишь замуж за члена императорской семьи. Ненавижу то, что прямо из этой комнаты ты пойдешь на бал в честь своей помолвки. Ты должна была стать моей сестрой! Ты должна была стать женой Ронана!

Кестрел не видела Ронана с ночи Первозимнего восстания. Она писала письма, которые сама же и сжигала.

Она отправила ему приглашение ко двору. Оно было проигнорировано. Он был сейчас в городе, по словам Джесс. Он связался с плохой компанией. Затем Джесс плотно сжала губы и не сказала больше ни слова. А Кестрел, которая любила Ронана так сильно, как только могла, не осмелилась спросить о нем.

Кестрел медленно произнесла:

— Я уже говорила тебе. Император предложил мне брак с его сыном. Я не могла отказаться.

— Не могла? Каждый знает, как ты обрушила на Геран гнев имперской армии. Ты могла бы попросить императора о чем угодно!

Кестрел молчала.

— Ты просто не хотела отказываться, — продолжала Джесс. — Ты никогда не делаешь того, чего делать не хочешь.

— Это политический брак. Ради блага империи.

— Почему же ты решила, что именно ты наиболее удачный выбор?

Кестрел никогда раньше не видела в глазах Джесс такую обиду. Она тихо сказала:

— Ронан в любом случае сейчас не захочет меня даже видеть.

— Верно. — Казалось, Джесс раскаялась в своих словах, а затем и в самом раскаянии. В ее голосе по-прежнему звучал камень. — Я рада, что его сегодня здесь не будет. Как мог император пригласить на бал геранцев?

— Только одного. Одного геранца.

— Это отвратительно.

— Они больше не рабы, Джесс, а свободные члены империи.

— Значит, мы награждаем убийц свободой? Эти повстанцы убивали валорианцев. Они убивали наших друзей. Я ненавижу императора за его указ.

Это были опасные слова.

— Джесс...

— Он не знает. Он не видел, на какие дикости способны рабы. А я видела. И ты. Этот так называемый губернатор держал тебя в качестве игрушки...

— Я не хочу об этом говорить.

Джесс опустила взгляд и нахмурилась. Она тихо сказала:

— Ты никогда об этом не говоришь.

* * *

Кестрел стояла рядом с Верексом за закрытыми дверями бального зала, слушая, как перекатываются волны голоса императора. Девушка не могла разобрать слов, но ощущала уверенный ритм. Император был умелым оратором.

Верекс стоял с опущенной головой, засунув руки в карманы. Он был одет в парадную военную форму: весь в черном, с золотой окантовкой, которая повторяла цветом блестящую горизонтальную линию на лбу Кестрел. Их украшенные драгоценными камнями кинжалы на поясе подходили друг к другу. Император наконец преподнес Кестрел обещанный кинжал, и тот действительно был прекрасен — усеян бриллиантами и заточен, как бритва. Но он был слишком тяжелым и оттягивал ремень на поясе.

Кестрел не могла дождаться, когда император закончит свою речь. Ее желудок поднимался и опадал вместе со звуками его голоса. Ногти Кестрел впились в ладони.

Верекс шаркнул ногой по полу.

Кестрел проигнорировала его и прикоснулась к стеклянному лепестку на своем ожерелье. Он казался таким хрупким.

Император замолчал. Двери распахнулись.

Все это напоминало видение: раздетая во всевозможные цвета толпа, жар, аплодисменты, фанфары.

А затем грохот музыки стих, потому что император снова начал говорить, а потом, должно быть, он замолчал, так как Кестрел успела услышать мгновение полной тишины, перед тем как Верекс поцеловал ее.

Его губы были сухими. Вежливыми.

Она знала, что это должно произойти — все было расписано заранее, — и постаралась в этот миг отстраниться от самой себя как можно дальше. Но ее разум не мог вечно находиться в спячке. Он приказал ей оставаться на месте, не убегать, потому что все было не так плохо: поцелуй был всего лишь пустой оболочкой, мазком на чистом листе бумаги. Однако Кестрел была полностью в сознании и узнала вкус своей лжи.

— Прости, — тихо сказал Верекс, отстранившись. А затем они первыми начали танцевать.

После поцелуя Кестрел будто онемела. Сначала слова Верекса не получили в ее сознании никакого ответа. А когда она наконец поняла, что он сказал, то ей показалось, будто это ее слова, будто это она просила прощения у своей прежней сущности, у той, которая предала Арина. «Прости», — говорила она себе. «Мне жаль», — повторяла она. Кестрел думала, что знает, чего стоил ей ее выбор, однако, когда принц поцеловал ее, она явственно осознала, что будет расплачиваться до конца своих дней.

— Кестрел?

— Прости, — повторила Кестрел, кружась с Верексом по залу. Принц не обладал природным даром к танцам, но двигался сносно, словно его учитель танцев приходил на занятия, вооруженный розгой.

— Мне нет прощения, — произнес Верекс. — Поэтому ты выглядишь такой несчастной?

Кестрел разглядывала окантовку его камзола.

Верекс сказал:

— Возможно, есть еще одна причина, почему ты намерена выйти за меня замуж. Смычки скрипачей опустились и теперь касались струн только самым кончиком.

— Мой отец имеет над тобой какую-то власть, — проговорил Верекс.

Кестрел подняла глаза, а затем снова их отвела. Верекс прижал их соединенные руки к своей груди. Толпа начала перешептываться и вздыхать.

Принц пожал плечами.

— Таков мой отец. Но чем таким он обладает...

— Верекс, неужели я такая плохая невеста?

Он слегка улыбнулся. Танец подходил к концу.

— Вовсе нет.

— Тогда давай договоримся, что постараемся ничего не испортить, — сказала Кестрел.

Верекс поклонился, и Кестрел еще не успела понять, означал его поклон «да» или «нет», или он просто таким образом закончил танец, когда вложил ее ладонь в руку одного из сенаторов. Затем был еще один танец с еще одним сенатором, а потом Кестрел оказалась в руках министра финансов.

После этого лица и титулы перестали иметь значение.

В конце концов, она специально шагнула не туда, чтобы кто-нибудь наступил ей на ногу. Кестрел успокоила своего пришедшего в ужас извиняющегося партнера, но взмолилась об отдыхе и, специально прихрамывая, отошла в тот угол, где играли в настольные игры.

Девушка выбрала позолоченное кресло, которое стояло отдельно от остальных, но знала, что скоро кто-нибудь подсядет к ней и ей придется вести беседу и улыбаться, пока не сведет щеки.

Ей не стоило беспокоиться. Все взгляды были прикованы к наследному принцу, который сидел за столом для игры в «Пограничные Земли», соревнуясь с высокопоставленным лейтенантом городской стражи.

Игра шла к тому, чтобы закончиться для принца унижительным поражением. Лейтенант уже захватил многие ключевые фигуры Верекса и выстроил их в ряд. Генерал Верекса был отрезан от своего войска и окружен войском лейтенанта. Мраморные фигурки прокладывали свои тропы, сбрасывая друг друга с доски.

Верекс поднял глаза и встретился взглядом с Кестрел. Он аккуратно дотронулся пальцем до своего зеленого пехотинца.

Это была всего лишь игра. Какая разница, если Верекс сделает неправильный ход и проиграет?

Однако Кестрел подумала об Арине, который не ответил на приглашение императора, и задалась вопросом, чего это будет ему стоить.

Она задумалась о возможности перемирия с Верексом.

Удерживая взгляд принца, Кестрел покачала головой — это было едва уловимое движение, всего лишь наклон подбородка в сторону.

Принц убрал руку от пехотинца и опустил ее на кавалериста.

Двумя пальцами Кестрел смахнула с платья невидимую пушинку, слегка взмахнув рукой вперед.

Верекс передвинул кавалериста на две клетки вперед.

Так и продолжалось до тех пор, пока с лица лейтенанта не исчезло самодовольство. Армия Верекса наступала и совершала ключевые убийства. Верекс взглянул на своего отца, который появился с краю толпы. Когда глаза принца, сверкающие новой надеждой, снова

обратились к Кестрел, она не смогла отвести взгляд. Она молча давала ему советы. Принц пользовался ими.

А затем зеленый генерал опрокинул красного.

Толпа взревела, поздравляя своего принца. Мягко перекатываясь с пятки на носок, император скрестил руки на груди. С любопытством на лице он не отрывал взгляд от сына.

Но осуждения его лицо не выражало.

Кестрел услышала, как Верекс отказался сыграть еще партию. Теперь, когда спектакль закончился, внимание толпы должно было вскоре переключиться на нее. За другим столом поблизости также шла партия «Пограничных Земель» между дочерью сенатора и Ришей, восточной принцессой, похищенной еще ребенком и воспитанной при дворе в качестве избалованной заложницы. Кестрел ожидала, что Риша окажется хорошим игроком, но по увиденному девушка поняла, что принцесса играла (или притворялась, будто играет) посредственно. Ничего захватывающего за этим столом не предвиделось. Немного поодаль шла игра между геранским министром — Тенсенем, вспомнила Кестрел — и мелким валорианским бароном, который, скорее всего, снизошел до партии с Тенсенем только ради зрелищной победы. Зрителей собралось немало, они с довольным видом расширяли глаза, когда Тенсен забывал, как ходит та или иная фигура, или почти засыпал в перерывах между ходами. Этот фарс должен был удержать на себе внимание, но недолго.

И тогда вспомнят о ней.

Горло Кестрел сжалось при мысли о том, что ей придется изображать радость по поводу своей помолвки. Но деваться было некуда. Ей придется танцевать всю ночь напролет, пока последний гость не покинет бальную залу, а от ее тугель и сердца не останутся лишь лоскуты.

Кестрел встала. Император не наблюдал за ней. По крайней мере, сейчас. Его глаза были прикованы к сыну. Она пробралась через толпу, отвечая всем, кто ее останавливал, что уже пообещала кому-то танец. Бальная зала была заполнена людьми. Они теснились и плясали вокруг нее, как детские куклы на палках.

Каким-то образом она все же избежала их всех и выскользнула в вестибюль, где воздух был посвежее. Здесь никого не было. Здесь не на что было посмотреть. Это место использовали только в хорошую погоду, когда балконы, опоясывающие вестибюль, были открыты на раскинувшиеся внизу дворцовые сады. Сейчас же каждый балкон был отделен от вестибюля шторами, и Кестрел знала, что стеклянные ставни каждой балюстрады накрепко закрыты на зиму. Но, несмотря на все попытки оградиться от холода, он просачивался под бархатными шторами и плескался у ног Кестрел.

Быстро оглянувшись, чтобы удостовериться, что никто не наблюдает за ней, Кестрел нырнула за штору и задернула ее за собой.

Балкон представлял собой ящик со стеклянными стенками, которые выглядели как черный лед, — прозрачные ломтики ночи. Из-под штор пробивался свет вестибюля, но Кестрел едва могла разглядеть свои руки.

Она дотронулась до оконного стекла. В ее свадебный вечер эти окна откроют. Деревья внизу будут стоять в цвету, и ветер будет разносить благоухание церемониальных цветов.

Аромат будет душить ее. Кестрел знала, что она возненавидит аромат церемониальных цветов на всю жизнь; она будет ненавидеть его, и когда станет править империей, и когда будет рожать детей своему мужу. Всегда, пока призраки ее выбора будут преследовать ее.

Неожиданно раздался шорох. Скольжение деревянных колец штор по карнизу. Балкон

озарился светом.

Кто-то пробирался через бархат.

Широко раздвинув шторы, он вышел на балкон к Кестрел. Он все приближался, и Кестрел наконец обернулась. Шторы качнулись и замерли. Он прижал штору к окну, удерживая волны бархата на уровне своих серых глаз, казавшихся в тени серебристыми.

Он здесь. Он приехал.

Арин.

Кестрел забыла. Она-то думала, что прекрасно помнит черты его лица. Нечто беспокойное в его позе, даже когда он стоял неподвижно. Пристальность взора и заключенная в нем решительность, будто каждый взгляд был выбором, отменить который нельзя.

Ей показалось, будто ее кровь смешали с черным порохом. Как она могла забыть, каково это: чувствовать себя рядом с ним зажженным фитилем? Он посмотрел на нее, и она поняла, что на самом деле ничего этого не помнит.

— Нельзя, чтобы меня увидели с тобой, — сказала она.

Глаза Арина сверкнули. Он задернул за собой штору. На изолированном балкончике стало темно.

— Так лучше? — спросил он.

Кестрел попятилась, пока не коснулась пяткой туфельки балюстрады, а обнаженными лопатками — стекла. Воздух изменился. Он потеплел. И, что неожиданно, пах солью.

— Море, — выдавила Кестрел. — Ты приплыл по морю.

— Это показалось более мудрым решением, чем самоубийственная скачка на лошади через горы.

— На моей лошади.

— Если хочешь забрать Джавелина, то вернись домой и потребуй, чтобы я отдал его тебе.

Кестрел покачала головой.

— Не могу поверить, что тебе удалось приплыть сюда.

— На самом деле судном управлял капитан, постоянно проклинавший меня. За исключением того времени, когда мне было плохо. Тогда он просто смеялся.

— Я думала, ты не приедешь.

— Я передумал.

Арин подошел и прислонился к балюстраде рядом с Кестрел.

Это было чересчур. Он стоял слишком близко.

— Будь так любезен, отодвинься немного.

— А, говорит императрица. Что же, я должен подчиниться. — Однако он не сдвинулся с места и лишь повернул голову в сторону Кестрел. Через щель в портьерах просачивался свет, ложась на его щеку ярким шрамом. — Я видел тебя. С принцем. По-моему, он — горькая пилюля, даже когда на кону сласть империи.

— Ты ничего о нем не знаешь.

— Я знаю, что ты помогла ему обмануть соперника в игре. Да, я наблюдал за тобой. Я видел, как ты играешь в «Пограничные Земли». Другие, возможно, не заметили, но я тебя знаю. — Его голос стал грубым. — О боги, как это возможно, чтобы ты уважала кого-то, вроде него? Ты просто одурачишь его.

— Я не стану этого делать.

— Ты не умеешь врать.

«Я не стану».

Арин помолчал.

— Скорее всего, ты сделаешь это неосознанно.

Он отодвинулся, и теперь полоска света уже не касалась его. Силуэт Арина был полностью облачен в тень. Однако зрение Кестрел приспособилось к темноте, и она увидела, как он прислонил затылок к окну.

— Кестрел...

Ее сердце сжало эмоциями. Они застряли у нее в горле и не позволяли произнести ни слова. Но больше Арин ничего не сказал, только ее имя, будто оно само заключало в себе вопрос. Хотя, возможно, она ошибалась, и вопрос ей всего лишь послышался. Она уловила вопросительную интонацию в том, как он произнес ее имя, потому что хотела стать для него ответом.

Что-то зашевелилось внутри нее. Дернуло за струны ее души. «Скажи ему, — говорил внутренний голос. — Ему нужно знать».

Однако в этих словах заключался и оттенок ужаса. В плену желания рассказать Арину, что ее помолвка — сделка ради свободы Герана, сознание Кестрел помутилось, и девушка не могла понять, почему.

— Я не хочу говорить о твоём суженом. — Арин оттолкнулся от балюстрады и выпрямился. Если бы на балкон проникал свет, то его высокий силуэт отбрасывал бы на Кестрел тень. — Мне нужна информация.

— Сплетни, Арин? — небрежно произнесла Кестрел, крутя в пальцах свое ожерелье. Легкий перезвон заставил ее выпустить украшение из рук.

— Я ищу слугу-геранца. Он пропал.

На поверхность сознания Кестрел поднялось воспоминание о Тринне. «Скажи ему. Он должен знать», — таковы были слова измученного мужчины.

— Кто он тебе? — задала вопрос Кестрел.

— Друг.

— Тебе следует расспросить дворцового управляющего.

— Я спрашиваю тебя.

Она не могла в это поверить. Вопрос Арина был ужасно безрассудным. Неважно, что его доверия не хватало, чтобы признать правду: на самом деле Тринн был шпионом, засланным во дворец, чтобы следить за императором, и попал в плен. Тем не менее, было ясно: Арин — такой человек, который отбрасывает безопасность к чертям. Ни один человек, обладающий инстинктом самосохранения, не стал бы спрашивать о местонахождении своего шпиона у будущей невестки императора, которая его уже однажды предала.

Но инстинкт самосохранения никогда не был его сильной стороной.

Как бы он поступил, узнав правду о помолвке Кестрел?

«Где во всем этом затерялась моя честь?» — спросил он ее однажды. Кестрел не могла понять, что такое честь для него. Уж точно, его честь была не такой, как у ее отца — непоколебимой, вырезанной из камня. Нет, у Арина она была живой. Кестрел чувствовала, как она переливалась. Она не видела лица его чести — возможно, у той было множество лиц, — но верила, что честь Арина такова, что задержит дыхание и до крови прикусит губу.

Если она расскажет Арину правду, то он разрушит мир, который она купила. Сейчас почти не имело значения, любит он ее или нет. Арин никогда не согласится, чтобы кто-то запер себя в темнице ради того, чтобы на свободе остался он. Он найдет способ разорвать ее помолвку... и она позволит ему.

Кестрел уже испытывала это раньше и снова испытала сейчас — желание слиться с ним, раствориться в нем, потерять в нем себя.

Это станет скандалом, а затем начнется война.

Кестрел должна хранить свою тайну. Ей придется лгать всем своим естеством. Она сможет быть холодной. Отстраненной. Даже с ним.

Что же касается Тринна... у нее появилась идея.

— Хорошо, — произнесла Кестрел. — Как зовут твоего друга? Я расскажу то, что знаю, во имя защиты, которую ты обеспечивал мне после Первозимнего восстания. Валорианка помнит о своих долгах.

Арин будто окаменел.

— Я не осознавал, что совершаю что-то, требующее отплаты. То, что я делал, я делал ради тебя.

— Именно. Спрашивай. Я отвечу на твои вопросы. Мы наконец рассчитаемся.

— Рассчитаемся? Если ты настаиваешь на том, чтобы смотреть на это с такой точки зрения, то мы с тобой никогда не рассчитаемся со своими долгами друг перед другом.

— Тебе нужна информация или нет?

— То, что мне нужно, так это... — Он что-то пробормотал. Затем его голос окреп и стал ясным: — Моего друга зовут Тринн. Он убирает во дворце. В основном моет полы.

Арин описал мужчину.

Кестрел притворилась, будто думает.

— Нет. К сожалению, я не помню, чтобы видела кого-то, похожего на него.

— Может, если ты подумаешь подольше...

— Сомневаюсь. Во дворце сотни слуг и рабов. Я ведь не могу знать их всех.

— Значит, тебе нечего мне предложить.

— Когда у меня для тебя вообще что-то было?

Арин тихо ответил:

— Когда-то ты дала мне очень много.

— Что ж, — сказала Кестрел, — как бы мне ни был приятен наш разговор, я бы все же хотела вернуться на бал.

Она шагнула к занавесям.

Его движение было неуловимо. Он преградил Кестрел дорогу, схватившись руками за балюстраду с обеих сторон от нее. Он не прикасался к девушке, но сейчас находился достаточно близко, чтобы она могла рассмотреть темные очертания его губ и яростный блеск в глазах.

— Это не все, зачем я пришел, — сказал он.

Еще сильнее, чем прежде, Кестрел почувствовала исходящий от его кожи запах моря — соленый и острый.

— Кестрел, это — не ты.

Она прижалась спиной к холодному стеклу.

— Не понимаю, о чем ты.

— Твой голос... такой веселый... ты думаешь, я не узнаю его? Ты используешь его, чтобы расставлять ловушки. Скрываешься за своими словами. И я знаю, что то, как ты говорила, не похоже на тебя. Говори, что хочешь обо мне, о произошедшем между нами, о форме солнца и цвете травы и о любых других общемировых истинах, которые ты отрицаешь. Отрицай все, пока боги не покарают тебя. Но ты не можешь утверждать, что я не знаю тебя. — Сейчас он стоял достаточно близко, чтобы воздух между ними щекотал кожу Кестрел. — Я... думал о

тебе. — Его голос стал тише. — Я думал о том, что ни разу за все то время, в течение которого я знаю тебя, ты мне не солгала.

Смех Кестрел был лишен дыхания. Он был коротким, недоверчивым.

— Позволь мне сказать по-другому, — проговорил Арин. — Ты могла провести меня.

Но ты всегда была честна с собой. Иногда даже со мной. Ты никогда не лгала.

— Ты забыл о том, как я отправила армию отца против твоей?

— Я знал, что ты так поступишь. Ты знала, что я знал. Где здесь ложь? Я никогда не ощущал лжи на твоих губах. Пожалуйста, Кестрел. Прошу. Не лги.

Кестрел сжала холодный камень перил балюстрады. Арин сказал:

— Ты знаешь что-нибудь насчет Тринна?

— Нет. Дай мне пройти.

— Не позволю. Кестрел... ты действительно хочешь выйти замуж за принца?

— Мне показалось, ты не хотел о нем говорить.

— Желание и необходимость — не одно и то же. — Его лицо приблизилось к ее. — Скажи мне. Эта помолвка по твоей воле? Потому что я не верю в это. Не поверю, пока ты сама мне не скажешь.

Стекло за ее спиной обожгло холодным пламенем. Она задрожала. Он был так близко. Все, что ей нужно было сделать, так это отцепить пальцы от перил и наклониться к нему. Это казалось неизбежным, словно чаша переполнилась и готова была вот-вот опрокинуться.

Его небритая щека коснулась ее.

— Так что? — спросил Арин. — Ты хочешь быть с ним?

— Да.

— Докажи это, — пробормотал Арин ей на ухо. Ее обдало жаром его тела. Его ладони скрипнула по стеклу у ее головы.

— Арин. — Она едва могла говорить. — Дай мне пройти.

Он прижался губами к основанию ее шеи, скользнул выше.

— Докажи, что он нужен тебе, — сказал он, зарывшись в ее волосы. Его поцелуй проследил линию ее скулы, порхнул по лбу и остановился на золотой линии, отмечающей то, что она обручена.

— Нужен, — ответила Кестрел, но ее голос прозвучал так, будто она вот-вот захлебнется.

Его поцелуй был рядом, он ждал возле ее губ.

— Ложь, — выдохнул Арин.

Ее рука поднялась между ними и оттолкнула его. Кестрел была потрясена этим своим жестом. Она почувствовала внезапный острый голод — и ярость на себя за этот голод, в котором была полностью виновата сама.

— Я же попросила — пропусти меня. Или ты будешь удерживать меня здесь против моей воли?

Арин отпрянул. Его сапоги шаркнули по полу. Кестрел не видела выражения его лица, лишь то, как он опустил руки и выпрямился. Будто его лицо не было скрыто тенями, он спрятал его в ладонях и пробормотал что-то, а затем его руки снова упали.

— Прости, — произнес он, отдернул портьеру и ушел.

Свет ранил глаза Кестрел. Она моргнула. Ее ресницы были влажными, а перед взглядом все мерцало и расплывалось.

Когда ее пульс пришел в норму, и она снова смогла видеть, дышать и думать, Кестрел

осторожно вышла в вестибюль.

Там никого не было, но слышалась музыка. Кестрел возненавидела эти звуки. Все ее будущее ждало в той душевной бальной зале. Девушка гадала, оставит ли ее когда-нибудь эта боль внутри — или ей станет еще хуже, чем было сейчас.

Ей нужно было вернуться в залу. Несомненно, ее отсутствие уже заметили. Император наверняка гадает, где она.

Кестрел медленно направилась через вестибюль к бальной зале.

Она почти дошла до дверей, когда внезапно из них кто-то вышел. Тенсен окинул ее взглядом. Его глаза расширились, и он покачал головой, а затем так спешно направился к Кестрел, будто бросал вызов своему возрасту. Стало ясно, что трость ему для ходьбы совершенно не нужна.

— Вам нельзя туда, — сказал он.

— Я должна.

— Нет, вам нужно найти зеркало. Там, где никто не увидит. Потому что только что через зал пронесся Арин. Его губы лоснились. Возможно, люди подумают, что это от вина, а не от блестящего масла, но, как только они увидят вас, у них сразу появятся иные подозрения.

Пальцы Кестрел взметнулись ко лбу и отметине, куда ее несколько минут назад поцеловал Арин. Она прикоснулась к высвободившимся из прически прядям.

Как она выглядит?

Как кто-то, имевший незаконную любовную связь?

— Верно, — мрачно произнес Тенсен.

— Пойдемте, — сказала Кестрел и развернулась, чтобы пойти прочь от зала, обратно через вестибюль.

— С вами?

— Нам нужно поговорить.

Кестрел провела министра в небольшой пустой салон, где светили лампы и горел огонь в камине. Тенсен закрыл за ними дверь.

— Заблокируйте ее своей тростью, — сказала Кестрел, указывая на крючок для гобелена, который был вбит в стену вровень с дверной ручкой. — Раз уж эта трость вам все равно не нужна.

Тенсен бросил на Кестрел печальный взгляд, а затем зацепил изогнутый конец трости за дверную ручку, а прямой вставил в крюк на стене.

— Если кто-то действительно захочет попасть сюда, это не поможет.

Ничего не ответив, Кестрел подошла к зеркалу, которое висело над каминной полкой, где стояла широкодонная ваза с тепличными цветами.

Возможно, все дело было в розах, в том, как они закрывали в отражении шею Кестрел и тянулись до самого ее подбородка. Возможно — в поспешном бегстве из вестибюля.

Кестрел в зеркале вся пылала. Ее щеки были окрашены алым. Хотя Арин не дотрагивался до ее губ, она искусала их докрасна. Ее зрачки казались широкими озерами. Ожерелье, подарок Джесс, было испорчено: с ленты понуро свисали стеклянные лепестки, потрескавшиеся от напряжения, возникшего между ней и Арином.

Отражение смотрело на Кестрел в ответ. От него веяло ощущением, будто что-то было обнажено и никогда больше не будет скрыто.

Вид Кестрел олицетворял собой скандал.

Прическа была не самой худшей частью облика. Да, приподнятые пряди начали выскальзывать, а заколки местами торчали, но волосы Кестрел были слишком коротки для изысканных кос, а значит, ее прическа часто распускалась. Кестрел уже привыкла к тому, что частенько выглядит слегка растрепанной, и научилась сама поправлять прическу.

Настоящую проблему представляла собой отметина. Золотая линия на лбу превратилась в размазанное пятно.

— У вас есть с собой запасное масло и блески? — спросил Тенсен.

Кестрел бросила его отражению в зеркале сердитый взгляд. У нее не было при себе сумочки. Где, по его мнению, она могла прятать эти предметы? Косметика осталась на туалетном столике в ее покоях.

— Я найду в бальном зале одну из ваших фрейлин, — сказал Тенсен. — Или, может быть, у вас есть друг, которому вы доверяете? Кто-нибудь, кто мог бы принести сюда все необходимое?

Кестрел подумала о том, сколько времени это займет. О том, что одна из ее служанок докладывает обо всех делах своей госпожи Верексу. Она подумала о Джесс и о том, какой будет реакция ее подруги, когда геранский министр земледелия подойдет к ней на балу и попросит помощи в том, чтобы вернуть Кестрел презентабельный вид.

— Нет, — ответила Кестрел. — Поднесите мне лампу.

На лице Тенсена отразилось неодобрение, будто он не мог понять, каким образом Кестрел может помочь лампа, и считал, что девушка теряет время. Тем не менее, он подчинился.

Кестрел задула лампу и поставила ее на каминную полку остывать. Радуюсь, что у ее платья много юбок, она отрезала кинжалом кусок ткани от одной из нижних. Достав розы из

тяжелой керамической вазы, она положила их мокрыми стеблями на полку, намочила шелковый лоскуток водой из вазы и использовала его, чтобы вытереть лоб дочиста. Она вспомнила, как Арин поцеловал ее туда, и стала тереть еще усерднее, а затем отбросила лоскут в сторону. После этого девушка сняла ожерелье, выбрала самые яркие стеклянные лепестки, положила их на каминную полку и раздробила основанием вазы в пыль. Обмакнув палец в масло из лампы, Кестрел обожглась и зашипела, но не стала ждать, пока боль пройдет. Она провела над бровями горизонтальную масляную линию.

Осталось разобраться с блестками. Кестрел провела пальцем по покрывавшей полку стеклянной пыли.

— Вы поранитесь, — проговорил Тенсен, но неодобрение исчезло с его лица.

— Я буду осторожна, — ответила Кестрел, покрывая масляную линию пылью. Затем она убрала выбившиеся пряди туда, где им полагалось быть, и аккуратно их заколола. Розы вернулись в вазу, а ваза снова заняла свое место перед зеркалом. Все тем же влажным шелковым лоскутом Кестрел стерла с каминной полки остатки пыли. Лоскут и ожерелье она бросила в огонь.

— Ну как? — спросила она Тенсена, повернувшись к нему лицом.

— Превосходно.

Она покачала головой.

— Оптимистично. — Отметина блестела, но ее едва ли можно было назвать золотой. — Вы всегда так оптимистичны? — спросила Кестрел. — Должно быть, да, иначе вы бы не написали мне то письмо и не намекали бы в нем, что есть некая информация, которой мы могли бы поделиться друг с другом.

— Я был не прав?

— Вы забываете, что мое общественное положение выше вашего. Отвечать будете вы. Министр Тенсен, кем вы были десять лет назад, до Геранской войны?

Рабам никогда не нравился этот вопрос. Кестрел не раз видела, как те скрипели зубами, услышав его. Если бы у эмоций было свое звучание, подумала Кестрел, то те чувства, которые возбуждал этот вопрос, хрустели бы точно так же, как стеклянные лепестки под тяжелой вазой.

Но Тенсен лишь улыбнулся.

— Я был актером.

— Полагаю, этот опыт пошел на пользу куратору шпионской сети.

Тенсена ничуть не смутило, когда она наградила его этим званием. Казалось, он весьма наслаждался разговором.

— Надеюсь, это не для всех так очевидно.

— Ключевое слово здесь — «надеюсь», так как ваш губернатор всевозможными путями дал понять, что его здесь сегодня не будет; раз он отправил кого-то вместо себя, то это должен быть человек, обладающий политической значимостью, человек, которому он доверяет, некто мудрый и наблюдательный. Вы изо всех сил пытались казаться более слабым, чем вы есть на самом деле, но ведь вы совсем не старик, который вот-вот заснет.

— Однако я в любом случае старик. Это остается правдой.

Кестрел нетерпеливо хмыкнула.

— И вы действительно занимаете пост министра земледелия?

— Мне нравится думать, что я умею играть множество ролей.

— И вы на самом деле весьма оптимистичны, если верите, что император не заметит

этого, особенно когда он совершенно точно знает, что у Герана есть шпионы во дворце.

Тенсен перестал улыбаться.

— Что вам известно, миледи?

— То, что мы закончим сейчас этот разговор, если вы не пообещаете мне кое-что.

Он приподнял брови.

— Пообещайте мне, что Арин никогда не узнает о том, что мы с вами разговаривали, — произнесла Кестрел. — У меня есть для вас информация. Вы можете передать ее своему губернатору. Но нельзя, чтобы это связали со мной.

Тенсен раздумывал над ее словами. Он провел шишковатой ладонью по резной спинке одного из кресел и поджал губы, будто дизайну кресла чего-то не доставало.

— Я знаю, что ваше положение в доме Арина после Первозимнего восстания было... неоднозначным.

— Я не хотела там находиться.

— Сначала, возможно, и не хотели.

Кестрел медленно ответила:

— Я не могла остаться.

— Миледи, не мне решать, чего вы хотели или что могли или не могли сделать. Но ваше условие удивляет меня. Если вы достаточно положительно относитесь к моему губернатору или к его делу и готовы сообщить мне что-то, почему об этом нельзя знать Арину? Я поклялся богом верности служить ему. Вы пытаетесь заставить меня нарушить мою клятву.

— Вы знаете, как мне удалось бежать из городской гавани?

— Нет.

— Арин позволил мне уйти, — сказала Кестрел, — несмотря на то, что это было все равно, что пригласить валорианскую армию к своему порогу. Поэтому пообещайте мне, ибо это в ваших интересах, чтобы Арин не узнал. Вы не можете быть уверены, что для него всегда на первом месте будет безопасность его страны — или его собственная.

Тенсен молчал.

— Вы понимаете? — настаивала Кестрел. — Вы понимаете, что по той самой причине, по которой вы не позволили мне войти в бальный зал, вы не можете рассказать Арину, что источник информации — я? Давайте не будем притворяться, что вы не понимаете, почему я так выглядела и почему не могла в таком виде вернуться в зал.

Кестрел опустила взгляд на свои руки. Она пыталась придумать, чем их занять. Девушка представила, что держит в руках одну из роз, что стоят в вазе. Она почти ощущала текстуру лепестков — их витой бархат, мягкий, как портьеры на балконе.

— Связь между мной и Арином невозможна, — тихо произнесла она. — Опасна. Лучше нам будет держаться друг от друга подальше.

— Да, — согласился Тенсен. — Я понимаю.

— Вы обещаете?

— Вы поверите моему слову?

— Я верю, что смогу уничтожить вас, если вы не сдержите его.

Тенсен ухмыльнулся — не насмешливо, но так, как смеются над юностью люди опытные.

— Тогда говорите, миледи. Я даю вам слово.

Кестрел поведала ему о Тринне и о том, что сказал замученный мужчина.

Министр прикрыл рот ладонью, большим пальцем искажив морщины возле одного глаза.

По мере того как он узнавал все больше, его рука все сильнее сжималась в кулак, который по-прежнему находился у рта. Тенсен выглядел так, будто сдерживал тошноту.

Наконец его рука опустилась.

— Вы считаете, что у Тринна была для Арина какая-то важная информация. Что он подслушал ее во время встречи императора с главой Сената?

— Я не знаю.

— Вы могли бы узнать.

Но Кестрел уже направилась к двери.

— Нет.

Тенсен развел руки в стороны.

— Что в этом плохого?

Очевидная нелепость его вопроса заставила Кестрел покачать головой.

— Вы боитесь риска узнать больше? — спросил Тенсен. — Я слышал, вам нравятся азартные игры.

— Это не игра.

— Однако до сих пор вы из нее не вышли. Вы все еще играете.

Кестрел опустила руку на трость, блокирующую дверь.

— Подобных разговоров между нами больше не будет. Я не одна из вас. У меня есть своя страна и свой долг... и никаких причин становиться вашей шпионкой.

— Тогда зачем вы мне вообще что-то говорили?

Кестрел пожала плечами.

— Есть совсем немного вещей, которые валорианцы считают сокровенными, но мы чтим последнюю просьбу умирающего. Я рассказала вам то, что знаю, ради Тринна.

— Только лишь ради него?

Кестрел передала Тенсену его трость.

— Доброй ночи, министр. Наслаждайтесь оставшейся частью бала.

* * *

Верекс нашел Кестрел в углу бальной залы. Девушка наливала себе стакан холодной воды с лимоном и стеблями мяты.

— Где ты была? И почему сама себе наливаешь воду? Позволь мне.

Он забрал у нее прозрачный кувшин и налил жидкость в ее стакан.

Но Кестрел не следила за его действиями. Ее разум по-прежнему находился на упрямом за портьерами балконе. Он был наполнен воспоминаниями теплоты. Того, как она едва не раскрылась. Как была к этому близка, а затем оттолкнула, отпустила...

Верекс вложил ей в руку холодный стакан. Вкус лимонно-мятной воды показался девушке незнакомым — пронзительно сладким и резким.

Не торопясь, Верекс налил воды и себе. Его движения были напряженными. Казалось, он хочет что-то сказать, но все время сдерживает себя.

— Спасибо, — пробормотал он наконец.

— За что?

Само сердце Кестрел было соткано из предательства. Неужели Верекс не чувствовал этого? Неужели не понимал? За что он вообще мог ее благодарить?

— За «Пограничные Земли». Ты помогла мне выиграть.

Кестрел уже и забыла об этом.

— А-а. Не стоит об этом и говорить.

— Не сомневаюсь, для тебя это ерунда, — горько ответил Верекс. Он обвел взглядом зал и, в конце концов, посмотрел на императора, а затем отпил из своего стакана. — Я долго не мог тебя найти. Тебя нигде не было.

Холодный бокал Кестрел запотел. Девушка легонько провела пальцем по его стенке. Она заметила, что неподалеку стоят придворные. Пока они оставались на почтительном расстоянии, но постепенно приближались.

— Тебя загнал в угол один из сенаторов? — спросил Верекс. — Они обязательно попытаются. Они захотят заслужить твое расположение, чтобы получить возможность влиять на моего отца. Так что же, Кестрел? Где ты была? И что?.. — Он нахмурился, внимательно вглядевшись в девушку. — Твоя метка поблекла.

— Э-э, — протянула Кестрел. — У меня болит голова.

На виду у придворных она потерла лоб, размазывая метку. Кестрел надеялась, что ее жест выглядел естественным, неосознанным, будто она делала это на протяжении всего вечера.

* * *

Арин бродил по дворцовым покоем, которые должен был разделить с Тенсенем. Они были средних размеров и довольно приличные по обстановке. Арин подумал было, что дворцовый управляющий определит представителей Герана в униженные по своему убранству комнаты, но покои, в которых он оказался, будто указывали на то, что геранцы в любом случае не стоят внимания империи.

Он снял рубашку. Был ранний вечер, до полуночи еще далеко. Бал все еще кружился вокруг своей пляшущей оси. Тенсен до сих пор не вернулся.

Арин чувствовал, что на его одежде остался аромат духов Кестрел. Он слабо исходил от его рубашки, смешавшись с запахом моря. Перекинув ткань через спинку стула в гардеробной, — а вернее, аккуратно разгладив ее, будто рубашка была живым существом, нуждавшимся в успокаивающем прикосновении, — Арин обнаружил дырку вдоль шва, соединяющего рукав с остальной частью. Он просунул в разрыв палец и выругался.

Что поделать, это была старая рубашка. Он надел свой лучший гардероб. Прибыв во дворец, он выхватил одежду из своего сундука и немедленно натянул на себя, путаясь в манжетах и зная, что к началу бала все равно опоздал. Возможно, дырка образовалась как раз тогда, когда он так спешил.

Рано или поздно это бы все равно произошло. Всем его лучшим одеждам было по десять лет. Они принадлежали его отцу.

На Арине наряд сидел плохо. Даже после подгонки он был тесен. Отец Арина был элегантною мужчиной с отточенными пропорциями. Если бы он сейчас оказался рядом с сыном, незнакомый человек никогда бы не догадался, что они родственники.

Арин прижал ладонь к лицу. Он явственно ощущал те кости, из-за которых выглядел настолько по-другому. Его щеки были покрыты щетиной.

Как нелепо он, должно быть, выглядел в своей одежде не по размеру и с небритым лицом на фоне тех лощенных придворных.

Как дико, как неотесанно.

Как неправильно.

Арин достал бритву, наполнил водой таз для умывания и вспенил мыло. Он пытался бриться, как можно меньше глядя на свое отражение в зеркале.

Порез — и пена окрасилась розовым от крови.

Теперь Арин стал орудовать бритвой внимательнее. Закончив, он стер пену и, наклонив голову над тазом, облил ее водой. Пока вода стекала, он поднял взгляд. Его лицо было чистым.

Иногда перед Арином предстával мальчик, которым он был до войны. Когда это случалось, он обычно испытывал к ребенку нежность, как будто тот был с ним никак не связан, не был его частью. Нельзя сказать, чтобы мальчик винил Арина за то, что тот сменил его в этом мире. Тем не менее, когда Арин ловил на себе взгляд этого мальчика, вид которого задерживался в его воображении, он всегда отводил глаза. Он ощущал легкий укол, будто порез бритвой.

Лицо Арина было мокрым, а волосы потемнели от воды. Он содрогнулся, внезапно вспомнив, что сейчас зима. Выискивая глазами, что бы надеть, он облачился в ночную сорочку и халат.

Арин снова испытал волнение, которое охватило его, когда он стоял перед скрывающей балкон шторой. Та качнулась, после того как Кестрел задернула ее за собой, и Арин аккуратно до нее дотронулся. Он вспомнил затравленный взгляд, который Кестрел бросила через плечо, перед тем как скрыться за завесой бархата.

А затем там, в темноте, с ней... Горло Арина сдавило, будто он изнывал от жажды. «Докажи это», — сказал он ей голосом, в котором сочились страсть и предательская уверенность, накатившие, а затем снова оставившие Арина, а потом снова пришедшие и отхлынувшие такими резкими волнами, что он едва удержался на ногах. «Докажи, что он нужен тебе». Кестрел его оттолкнула.

Он мог бы поклясться, что ощутил в ней то же желание, что снедало его. Оно исходило от ее кожи, будто аромат духов. Так ведь? Но потом Арин вспомнил, как она бежала из его дома в Геране. Он снова увидел ее в гавани: ее рука метнулась к оружию, глаза сверкнули. Это надорвало что-то внутри него. Он сам был виноват, это его рук дело: он лгал ей, обманул ее, убивал ее народ, убил то, что заставило Кестрел открыться перед ним в Первозимнюю ночь... перед тем как она узнала о его предательстве.

Неудивительно, что она предпочла другого.

В дверь гардеробной раздался стук.

— Арин? — позвал Тенсен. — Можно мне войти?

Арин хотел сказать «нет», и если бы он все еще стоял перед зеркалом и мог видеть свое лицо, то сумел бы сказать это, потому что в его отражении ему открылось бы нечто уязвимое и сомневающееся, и он бы испытал к этому презрение. Он бы никогда не позволил кому-либо увидеть себя в этот миг.

Тенсен снова постучал.

Волосы Арина были мокрыми и холодными. По его шее стекала ледяная струйка. Оставаясь к зеркалу спиной, Арин вытер свои короткие волосы полотенцем, а затем отправился открыть дверь.

Тенсен устремил на Арина изучающий взгляд, отчего юноша сжал челюсти. Однако Тенсен бросил ему легкую улыбку, подтянул к себе стул и резко на него опустился.

— Этот вечер, — произнес он, — был утомительным. Но плодотворным.

— Что ты узнал? — спросил Арин.

Тенсен рассказал ему о Тринне.

— О боги, — проговорил Арин.

— Нет, Арин. Я не потерплю такого выражения на твоём лице. Отправляясь в столицу, Тринн знал, чем он рисковал. Он делал это ради Герана.

— Это я попросил его.

— Мы сами принимаем за себя решения. Что бы выбрал ты: благо для себя или для своей страны?

Не задумываясь, Арин ответил:

— Благо страны.

Мгновение Тенсен молчал, задумчиво глядя на Арина, будто собираясь задать вопрос, на который ответить не так просто. Арину не понравился его взгляд, и он ощетинился, но Тенсен не дал ему заговорить:

— Каким бы ты хотел, чтобы был мой выбор?

— Я не могу делать этот выбор за тебя.

— Нет, что бы ты хотел, чтобы я выбрал для тебя? Скажем, ты находишься на месте Тринна — ты оказался в тюрьме или даже хуже — и мое вмешательство могло бы помочь тебе, но принести вред стране. Что мне следовало бы сделать?

— Оставить меня там.

— Да, — медленно произнес Тенсен. — Я был уверен, что ты так скажешь.

Арин запустил пальцы в свои влажные волосы и тянул до тех пор, пока ему не стало больно.

— Ты уверен в этой новости?

— У меня хороший источник.

— Кто?

Тенсен взмахнул рукой.

— Он не имеет значения.

— Но кто это?

— Я обещал не говорить. Не заставляй старика нарушать свое слово.

Арин нахмурился, но сказал лишь:

— Сейчас совсем не год денег. И что успел подслушать Тринн на встрече императора с главой Сената?

— Я не знаю.

— Я это выясню.

— Осторожно, Арин. Возможно, у меня самого есть способ все узнать.

— Да ну?

Тенсен улыбнулся.

— Новобранец. — Он отказался сказать что-либо еще. Удобно устроившись на стуле, министр земледелия сменил тему так резко, что у Арина закружилась голова:

— Итак, по-моему, они прекрасная пара.

— Что?

— Принц и леди Кестрел.

Арин и так знал, кого имеет в виду Тенсен.

— Их поцелуй был очень сладок, — сказал куратор шпионской сети. — Можно было бы подумать, что их брак — всего лишь политический союз. Так считал я, пока не увидел их

поцелуй.

Арин мог лишь посмотреть на него в ответ.

— Наверное, ты пропустил его, — сказал Тенсен. — Это было в самом начале бала. Разумеется, ты ведь опоздал.

— Да, — ответил наконец Арин. — Опоздал.

На рассвете Кестрел тихонько скользнула в свою спальню. Ее ступни болели от танцев. Не отстегивая кинжал от ремня, она повесила его на столбик кровати. Дрожа больше от усталости, чем от холода, девушка улеглась под одеяло рядом с Джесс. Ее подруга спала, свернувшись на боку калачиком.

— Джесс, — прошептала Кестрел. — Я испортила твое ожерелье.

Джесс вслепую нащупала руку Кестрел.

— Я сделаю для тебя еще одно, — пробормотала она. Не открывая глаза, она нахмурилась:

— Я видела его на балу.

— Кого?

Однако Кестрел знала, кого Джесс имеет в виду, а та снова уснула.

* * *

Утром после бала группа избранных придворных и сановников была приглашена выпить с Кестрел горячего шоколада в Зимнем саду. Дамы кутались в белые и серые меха, в то время как кавалеры предпочитали соболя, однако некоторые юноши щеголяли расчерченным в ржавые полосы мехом восточного тигра. По всему открытому саду горели жаровни, а с южной стороны сад переходил в лабиринт вечно зеленой изгороди.

Кестрел пришла с опозданием и одна. Несмотря на непродолжительность отдыха, она проснулась через несколько часов после рассвета, потому что ее организм помнил, что ей пора вставать. Джесс все еще спала. Кестрел затянула свои приготовления и дважды переодевала платья, надеясь, что Джесс проснется. Однако та так и не пошевелилась, а Кестрел не хотела будить подругу. В конце концов, она покинула свои покои.

Лакеям Зимнего сада полагалось объявить о приходе Кестрел, однако девушка подкупила их не делать этого. Она подняла свои белые меха поближе к лицу и в одиночестве прошествовала по тропинке через ряды деревьев, на которых горели огоньки розовых и красных ягод. Расположившись на фоне черных веток, они напоминали нотные письма, однако, несмотря на свою красоту, ягоды были ядовиты. Кестрел из-за деревьев наблюдала за гостями и слушала.

Многие жаловались на мозоли, натертые во время танцев.

— Я готова встать босыми ногами прямо в сугроб, чтобы успокоить боль! — восклицала леди из колонии на южных островах.

— О, зачем же, — улыбнулся какой-то озорной молодой человек. — Лучше позвольте мне их согреть.

Сцена выглядела милой и веселой... но наигранной. Не стоило верить, что этому любителю пофлиртовать нравилась южная леди — или что ему вообще нравились девушки. Кестрел была при дворе не единственной, кому суждено было выйти замуж по расчету.

Кестрел увидела в центре дворика императора, который сидел рядом с самой большой жаровней, окруженный сенаторами. В дальнем конце сада, возле лабиринта живой изгороди, над игрой в «Пограничные Земли» склонился Верекс. Он был обращен к Кестрел спиной. Напротив него сидела восточная принцесса. С кротким выражением на лице она сделала

безжалостный ход.

Геранцев на этот особый прием не приглашали. Кестрел могла не беспокоиться о том, что вдруг встретится взглядом с Арином... или не встретится.

Хотя с другой стороны, он мог прийти в любом случае. Это было бы полностью в его стиле — явиться без приглашения.

Разве не так?

Кестрел обнаружила, что стоит возле дерева, положив ладони на его кору. Та была серебристой, в одних местах — гладкой и тонкой, в других — грубой. Подобно тому, как слепые люди ощупывают новый предмет, чтобы узнать, что это, она водила пальцами по бороздкам и выпуклостям коры. Кестрел осознала, что на самом деле пытается понять, хочет ли увидеть здесь, в Зимнем саду, Арина. Это был глупый вопрос. Даже раздумывать над такой возможностью было чистейшей и тяжелейшей глупостью, ведь она уже решила, что ни один из вариантов не имеет значения.

Поэтому не имело значения то, что ее короткие ногти обнаружили в коре щель. Не имело значения, что она нервно оторвала от дерева полоску. Или что с грустью развернула кусок коры, будто на нем было начертано какое-то невидимое послание, которое она прочитать не могла.

Посмотрев на полоску коры, Кестрел вспомнила о том, как капитан сдирал с Тринна кожу, и уронила кору на землю. Когда она подняла взгляд, то снова увидела императора.

Тихо ступая по тропинке, девушка вышла из-под сени ядовитых деревьев. Первая группа придворных, собравшихся вокруг одной из жаровен, не заметила ее появления.

Леди Марис, дочь главы Сената, что-то прошептала, и ее подруги беззвучно захихикали.

— ...Если бы они все так выглядели, я бы тоже их освободила, — говорила Марис. — Или сделала бы его своим рабом.

Кестрел специально наступила на лежавшую на земле веточку. Та хрустнула. Марис подняла глаза. Ее подруги побледнели, а их смех стих, но глаза Марис горели вызовом.

— Желаете шоколада, леди Кестрел? — предложила она. — Он горячий.

— Да, будьте любезны.

Кестрел присоединилась к девушкам. Те расступились, освобождая ей место.

Марис взяла с подставки над жаровней котелок с горячим шоколадом и налила Кестрел, которая приняла протянутую ей чашку и сделала глоток. Пока шоколад не обжег ей язык, она не осознавала настоящего уровня своей злости. Ее ярость — темная и горькая, но в чем-то даже сладкая — дымилась. Кестрел улыбнулась:

— Леди Марис, ваш отец прекрасно выглядит. Он такой загорелый. Ваша семья побывала недавно в каком-то солнечном месте?

— О, не упоминайте об этом! — Марис издала театральный стон. — Это слишком, слишком ужасно!

Остальные девушки расслабились, успокоенные тем, что Кестрел, судя по всему, была не злопамятной. «И с чего бы ей злиться? — будто спрашивали выражения их лиц. — Это были просто безобидные слухи. Между прочим, леди Кестрел следует с удовольствием слушать комплименты геранскому губернатору. Должно быть, находиться у него в плену было не так уж плохо, верно?» Придворные сплетницы увидели у монеты с Джадис еще одну сторону.

Кестрел наблюдала, как они прошли по этому пути размышлений, пожалы укутанными в меха плечами и снова принялись потягивать шоколад.

— Вы можете в это поверить, что мой отец плавал на южные острова без меня? — воскликнула Марис. — Он совершил приятнейшее путешествие в край голубого неба, пока его единственное дитя прозябало в зиме. Хотя можете быть уверены, если бы я тоже поехала, то ни за что не позволила бы солнцу опалить мою кожу. Загорелые люди выглядят так грубо! Будто портовые рабочие! Право, о чем только думал мой отец?

Кестрел не стоило спрашивать Марис о главе Сената. Ей следовало держаться подальше от всего, что его касалось. Она поклялась не впутываться больше в дела Герана.

Но она разозлилась. Она все еще была зла.

А глава Сената был очень загорелым.

И это было странным.

Разум Кестрел постоянно возвращался к этой детали, будто она нащупала изъян на отрезе шелка или бумажную шелуху на поверхности коры ядовитых деревьев.

Но почему она обращала так много внимания на то, что глава Сената загорел? Его загар объяснялся плаванием на южные острова. Кестрел снова приказала себе оставить эту тему.

Но не оставила.

— На южных островах множество диковинок, — сказала Кестрел. — Несомненно, отец привез вам подарки?

— Нет, — ответила Марис. — Бессовестный. О, разумеется, я люблю его, но неужели он не мог подумать обо мне? Привезти хоть малюсенький подарочек?

— Он ничего вам не привез? Но на южных островах есть лен, благовония, сахар, серебряный чай...

— Прекратите! Не напоминайте мне! Я не могу этого вынести!

— Бедняжка, — успокаивающе произнесла одна из ее подруг. — Подумай, Марис: теперь у твоих бесчисленных кавалеров большой выбор даров, которыми они смогут порадовать тебя.

— Так и есть, верно? И они должны меня радовать.

— Этим и занимаются столичные модники? — спросила Кестрел. — Раздают подарки?

— О, да... Хотя часто они просят о чем-нибудь взамен.

— О поцелуе! — воскликнула одна леди.

— Или об ответе на загадку, — проговорила другая. — Загадки очень популярны. А ответом всегда является любовь.

Это было неудивительно, ведь при дворе было множество молодых людей, которые предпочли женитьбу службе в армии. В возрасте двадцати лет каждый валорианец должен был либо отправиться сражаться за империю, либо стать родителем. Производить на свет будущих солдат, как говорил отец Кестрел. Империя должна разрастаться, добавлял он, а Кестрел гадала, все ли генералы, или только ее отец, могли смотреть на нежное дитя и представлять, как ребенок вырастет и возмужает достаточно, чтобы убивать. А затем Кестрел содрогалась при мысли о том, что станет такой, как ее отец, а он понимал, что ему не следовало так говорить, и они оба замолкали.

— Нет же, я слышала и другие загадки, — сказала еще одна девушка, возвращая Кестрел обратно к разговору. — У них могут быть разные ответы: зеркало, свеча, яйцо...

— Мне нравятся загадки, — произнесла Кестрел. — Загадайте мне какую-нибудь их них.

— Есть такая загадка, ответ к которой я никак не могу подобрать, — проговорила леди, которая сидела рядом с Марис. — Вот она:

*Скачу — без ног, чтоб приземлиться,
А в голове моей — земляца.
Без крыльев я летать пытаюсь.
Скажи-ка, как я называюсь?*

Кестрел добавила в шоколад немного сливок. Она перестала злиться. Дело в том, что она, как и ее отец, знала, с какой легкостью можно сразить противника некоторыми видами оружия. Она сделала глоток побелевшего шоколада. Сливки прохладной пеной коснулись ее губ.

— Марис знает ответ на эту загадку, — произнесла Кестрел.

— Я? — переспросила Марис. — Вовсе нет. Я никак не могу догадаться.

— Не можете? Ответ — глупец.

Улыбка сползла с губ Марис. Тишину нарушил только легкий звон, с которым Кестрел опустила на поднос свою чашку. Она запахнула меха и отошла прочь.

Кестрел заметила, что восточная принцесса сделала ход в «Пограничных Землях». Ее всадник перескочил через фигуры Верекса, намереваясь убить инженера. Верекс рассмеялся. Этот звук удивил Кестрел. Смех принца звучал слишком беззаботно. Кестрел хотела было подойти к столу и узнать наконец, насколько хорошо играет принцесса и почему Верекс рассмеялся подобным образом, но император перехватил ее взгляд и поманил девушку к себе.

— У нас возникли сложности, — сказал император, когда Кестрел приблизилась. — Пройдите сюда и помогите нам.

Все сенаторы, окружавшие его, занимали высокое положение и имели места в Кворуме. Кестрел присоединилась к ним, радуясь, что глава Сената стоял спиной к компании, которая собралась вокруг его дочери.

— Сложности? — переспросила Кестрел. — Неужели у нас уже закончился шоколад?

— Все гораздо серьезнее, — ответил император. — Дело в варварских равнинах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кестрел бросила взгляд на восточную принцессу, но Риша была увлечена игрой с Верексом, а император не повышал голоса. Риша обладала грацией, которая прекрасно дополняла ее красоту. Ее черные волосы были заплетены так же, как и у валорианок. В отличие от истинных восточных девушек, она носила на пальцах кольца, и золото резко выделялось на фоне ее густо-темной кожи. Принцесса была примерно одного возраста с Кестрел. Возможно, с тех пор как ее похитили, она почти забыла свою родину. Возможно, она привыкла к столице и теперь считала ее своим домом. Кестрел не могла предсказать, что девушка подумала бы, если бы узнала, что император упоминает о ее стране как о проблеме и называет ее народ варварами. Ощущая неловкость, Кестрел вспомнила, что и сама недавно использовала это слово, просто потому, что так делали люди, которых она знала. Сейчас Кестрел уже не стала бы так говорить. Разница казалась такой значительной, но в то же время не стоила почти ничего.

— Ваш отец сообщает, что люди равнин оказались не так просты, — сказал император. — Восточные племена, которые обитают у границ наших земель, прекрасно владеют техникой скрытых атак. Генерал не успевает собрать против них армию, как они исчезают.

— Сожгите равнины, — сказала одна из сенаторов, женщина, которая раньше служила

под началом отца Кестрел. — В это время года там засушливо.

— Это плодородные земли, — возразил император. — Я бы хотел превратить их в фермерские угодья. Огонь уничтожит мой выигрыш.

«И убьет жителей равнин», — подумала Кестрел, хотя об этом обстоятельстве никто не упоминал. Равнины были обширны и находились на севере Дакры, где в это время года дождей шло мало. Валорианские солдаты подожгут равнины, пока их жители будут спать. Они проснутся и попытаются бежать к реке, но если пожар будет распространяться по сухой траве слишком быстро, то они не успеют и сгорят заживо.

Собравшиеся начали обсуждать, не подвергнет ли пожар опасности валорианские войска. Если нет, то победа будет значительной, утверждал глава Сената. Равнины лежали к северу от дельты, из которой правила восточная королева. Если Валория завоюет равнины, то дикари окажутся в ловушке на юго-восточной оконечности континента.

— И тогда это лишь вопрос времени, — заключил император, — когда Валория станет править на всем континенте.

— Тогда сожгите равнины, — сказала сенатор, служившая в армии. — Огонь в любом случае пойдет земле на пользу. В конечном итоге.

Кестрел смотрела, как Риша сняла с доски одну из второстепенных фигур Верекса. Риша дрожала в своих мехах. На востоке никогда не было холодно. Неужели это знание до сих пор жило в памяти Риши? Или она получила его так же, как и Кестрел, от кого-то другого? Когда принцессу похитили, она была так же мала, как и Кестрел, когда ее семья переехала из столицы в недавно завоеванный Геран. Возможно, Риша совсем не помнила дом.

Перед мысленным взглядом Кестрел предстал Геран, ее сад и семена под ее детскими пальцами — няня показывала малышке, как посадить их в мягкую землю.

Она увидела равнину, объятую пожаром. Пламя вздымалось вверх и трещало, лошади обезумели, палатки прогорали до самой основы, а затем вваливались внутрь. Родители хватали на руки своих детей. Воздух был удушающе горячим и черным.

— Кестрел? — окликнул ее император. — Что думаете вы? Ваш отец написал, что вы и раньше давали ему дельные советы по поводу востока.

Кестрел моргнула. Небо над Зимним садом было светлым. На деревьях мерцали смертельные ягоды.

— Отравите лошадей.

Император улыбнулся.

— Интересно. Продолжайте.

— Люди равнин полагаются на лошадей, — сказал Кестрел. — От них они получают молоко, шкуры, мясо, на них ездят, их же используют для охоты... Убейте лошадей, и племена не смогут без них жить. Они отступят на юг, чтобы укрыться в дельте. Равнины перейдут к вам. Вы скосите траву и накормите ею своих лошадей, а также сможете засеять эти земли, когда пожелаете.

— А как вы предлагаете отравить лошадей?

— Через водные запасы, — предложила сенатор-воин.

Могли пострадать и люди. Кестрел покачала головой.

— Река широка, и течение в ней быстрое. Свойства яда ослабеют. Пусть лучше мой отец отправит разведчиков выяснить, где лошади пасутся. Полейте ядом пастбища.

Император откинулся на спинку своего кресла. От его шоколада шел пар, окутывая его лицо дымкой. Император качнул подбородком и бросил на Кестрел косой взгляд.

— Очень изящно, леди Кестрел. Вы разрешаете все мои трудности, покупая для меня неразоренные равнины по низкой цене — цене яда. Очень хорошо, что в то же время вы сводите к минимуму потери из числа мирных жителей.

Кестрел ничего не ответила.

Император потягивал свой шоколад.

— Вы когда-нибудь видели своего отца в битве? Вам стоило бы. Однажды я бы хотел и вас увидеть сражающейся за черный флаг. Я бы хотел увидеть вас на настоящем поле сражения.

Кестрел не смогла взглянуть императору в глаза. Она отвела взгляд и заметила, что принц и Риша покинули игровой стол и исчезли в лабиринте живой изгороди. Теперь Кестрел поняла, почему Верекс казался таким счастливым. Она гадала, знает ли двор о его связи с принцессой. Скорее всего, знает.

— Ах, да, — протянул император, — с вами, Кестрел, хочет поговорить представитель Герана. Их сторона подала официальное прошение.

Казалось, его слова остались висеть в воздухе дольше, чем это было возможно. У Кестрел появилось странное ощущение, будто император играет на рояле и ударяет по расстроенной клавише, звучание которой завладело вниманием всех слушателей.

— Неудивительно, — холодно ответила она. — Геранцы в любом случае будут время от времени выражать желание переговорить со мной. Я была назначена послом в их стране.

— Да, и нам следует это исправить. У вас слишком много дел, чтобы вы занимались столь скучной работой. Геранцев известят о том, что вы отказываетесь от должности. Вам больше не придется встречаться ни с одним из представителей Герана

* * *

Когда Кестрел вернулась в свои покои, ее постель оказалась пустой и аккуратно застеленной. Сундук Джесс исчез.

Но Джесс обещала. Ее визит должен был продлиться дольше. Они едва встретились — не может быть, чтобы Джесс уже уехала, уехала так скоро...

Кестрел дернула за шнурок колокольчика. Когда в комнату вошли ее горничные, она спросила:

— Где письмо?

Горничные ответили недоуменными взглядами.

— От моей подруги, — сказала Кестрел. — Для меня. На нее не похоже вот так уйти, ничего не сказав.

Последовало молчание, а затем одна из служанок проговорила:

— Леди приказала, чтобы ее сундук перевезли в ее городской дом.

— Но почему?

Тишина дала Кестрел понять, что девушки не знали. Кестрел поджала губы.

— Уже поздно, — сказала одна из служанок. — Разве вам не следует переодеться к обеду в новое платье? Что вы наденете?

Кестрела взмахнула рукой и осознала, что часто замечала такой же жест за императором. Она не хотела повторять за ним, и это расстроило ее.

— Мне все равно, — бросила она. — На ваш выбор.

Горничные развели активную деятельность: они убрали меха и стали доставать из

шкафов платья. Пока они отвергали одни ткани и одобряли другие, Кестрел гадала, что выбрала бы Джесс. Она отбросила эту мысль.

Но это было все равно, что отложить одну карточку «Клыка и Жала», а затем вытащить раздачу еще худших. Потому что на скрытом за бархатом балконе ее сознания ждал Арин, а в Зимнем саду, где без него было так холодно, она под ядовитыми деревьями дала императору ужасный совет.

Кестрел знала, что произойдет после того, как погибнут лошади восточных жителей.

Она представила желто-зеленые волны трав. Непрерывное стрекотание кузнечиков. Трупы лошадей, гниющие под солнцем.

Равнинные жители станут умирать от голода. Их дети отощавают. Они будут с плачем просить лошадиного молока. Люди равнин пешком двинутся на юг, в дельту, где правит их королева. Многие падут в дороге. Некоторые не встанут.

Именно это и произойдет. Произойдет из-за Кестрел. Это будет ее рук дело.

Но разве так не лучше? Ведь альтернатива была еще ужаснее!

Однако это не имело значения и не спасло Кестрел от ощущения тошнотворного ужаса по поводу того, что она натворила.

Одна служанка закричала.

Она открыла шкаф, а оттуда вылетели тучи маскировочной моли. Мотыльки стали биться о стенки ламп и серыми спиралями носиться по комнате. Их пыльные крылышки начали окрашиваться в оранжевый и розовый цвета и теряться на фоне гобеленов.

— Они испортили одежду!

Одна из служанок стала хлопать ладонями в воздухе, пытаясь сбить моль в полете. Один мотылек упал на ковер и больше не шевельнулся. Его крылышки покраснели и приобрели белую окантовку, в точности повторяя расцветку ковра. Маскировочная моль имела свойство сливаться с фоном даже после смерти.

Кестрел наклонилась и подняла маленький трупик. Пушистые безжизненные лапки уцепились за ее палец. Крылья окрасились в цвет ее кожи.

Горничные стали яростно охотиться за мотыльками. В столице маскировочная моль была распространенным домашним вредителем, и далеко не в первый раз пострадал шкаф с дорогими одеждами. Судя по количеству молей, личинки, должно быть, кормились шелками Кестрел, по меньшей мере, неделю. Горничные перебили всех насекомых до последнего, прихлопнув даже тех, что уселись на стенах. От раздавленных маскировочных молей оставались пятна неопределенного цвета. Поврежденные крылья теряли способность изменять окраску.

— Уходите, все вы, — приказала Кестрел горничным. — Позовите слуг, чтобы они вычистили шкаф.

Ни одна горничная не подумала спросить, почему уйти должны они все. Ни одна не поинтересовалась, почему Кестрел не могла позвать слугу, позвонив в колокольчик. Они лишь удовлетворенно взглянули на усеянное пыльными крылышками поле сражения и вышли.

Оставшись одна, Кестрел открыла дверцы шкафа шире и обнаружила накидку на меху, по которой ползали личинки моли. Воспользовавшись кинжалом, она вырезала тот кусок ткани, который был покрыт вредителями наиболее густо. Лоскут она отнесла на свой туалетный столик, где стояли флаконы с духами и маслами и баночки с кремами. Кестрел взяла баночку с солью для ванн и опустошила ее за окно, а затем опустила в нее ткань с

личинками и заткнула горлышко пробкой, но не слишком плотно, чтобы внутрь проникал воздух. Чтобы не сомневаться, она сделала острием кинжала в центре пробки крестообразный надрез. Затем Кестрел поставила баночку в задней части туалетного столика, спрятав ее за другими флаконами.

Она уселась в кресло перед зеркалом, думая о насекомых, которые сейчас в баночке кормились мехом. Личинки были уже толстенькими. Скоро они превратятся в молей.

А когда это произойдет, она использует их для осуществления своего плана.

Кестрел прошла в кабинет и написала письмо геранскому министру земледелия.

Кестрел опустила чашку на поднос.

— Я тебя не приглашала, — сказала она.

— Очень жаль.

Невыносимо знакомым жестом Арин отодвинул от стола Кестрел стул и уселся напротив нее с таким видом, будто стул всегда принадлежал ему.

Он облокотился на спинку, запрокинул голову и посмотрел на Кестрел из-под опущенных век. Утренний свет четко очертил его профиль.

— Вы обеспокоены, леди Кестрел? — Он говорил по-валориански, и из-за акцента его голос становился более грубым. Он всегда произносил звук «р» немного гортанно, поэтому, когда он говорил на ее языке, создавалось впечатление, будто его слова сопровождаются низким рыком. — Бойтесь, что же я скажу.. или сделаю? — Он быстро и мрачно усмехнулся. — Не стоит. Я буду истинным джентльменом.

Он одернул манжеты, и Кестрел только сейчас заметила, что его рукава были слишком короткими и не прикрывали запястья.

Ей было больно видеть его неловкость, то, как его смущение внезапно выступило на поверхность. В утреннем свете его серые глаза были совершенно ясными. Поза — уверенной. Слова — язвительными. Но во взгляде скрывалось сомнение. Арин снова одернул манжеты, будто с ними — и с ним самим — было что-то не так. «Нет», — хотела сказать Кестрел. «Ты безупречен», — мысленно говорила она. Она представляла, как протягивает руку и касается оголенного запястья Арина.

Однако это не привело бы ни к чему хорошему.

Она нервничала, и ей было холодно. Ее внутренности превратились в снежную взвесь.

Она опустила руки на колени.

— Здесь все равно никого нет, — заметил Арин. — А библиотекари сейчас в книгохранилище. Тебе ничего не угрожает.

Было еще слишком рано, чтобы в библиотеке сидели придворные. Кестрел рассчитывала на это и на тот факт, что, если кто-нибудь все-таки появится и увидит ее с министром земледелия Герана, эта встреча никого не заинтересует.

Однако то, что сейчас напротив нее сидел Арин, было совершенно другим делом. Она досадовала на то, как он мог столь непостижимым образом вмешиваться в ее планы — и в ее душевный покой. Кестрел сказала:

— Похоже, являться без приглашения стало уже твоей дурной привычкой.

— А твоя дурная привычка — постоянно ставить людей на место. Но люди не фигуры в настольной игре. Ты не сможешь двигать ими по своей воле.

Раздался кашель библиотекаря.

— Говори тише, — прошипела Кестрел Арину. — И хватит вести себя так...

— Неудобно для тебя?

— Честно говоря, да.

На его губах неожиданно для него самого мелькнула быстрая искренняя улыбка, а затем медленно сползла.

— Могло быть и хуже.

— Не сомневаюсь.

— Могу рассказать тебе, каким образом.

— Арин, как ты чувствуешь себя здесь, в столице?

Он не отвел взгляда.

— Я бы предпочел продолжить прежнюю тему.

Кестрел поставила пальцы на кнопки, которыми к поверхности стола была прибита зеленая кожа. Она ощущала прохладу шляпки каждого небольшого гвоздика. Тишина внутри нее чем-то напоминала эти кнопки: она тоже сдерживала кое-что — напоминающее тонкий шелк чувство, которое она испытала при звуке его голоса.

Если они с Арином продолжат говорить о том, о чем говорили, то этот шелк вырвется на свободу и взметнется ввысь. Он окажется на свету и отбросит цветную тень.

Кестрел гадала, какого цвета были шелка ее чувств.

Каково это будет — раскинуть их над собой, словно балдахин?

— Это был не пустой вопрос, — тихо произнесла она. — По-моему, столица должна казаться тебе странной.

Арин задумчиво на нее посмотрел.

— Тебе она такой и кажется?

— Это неправильно.

— Ты выросла в Геране. Твой дом не здесь.

— Это моя страна.

Лицо Арина знакомым Кестрел образом утратило всякое выражение. Он едва заметно дернул плечами и налил себе чая.

Кестрел неуверенно спросила:

— К тебе здесь хорошо относятся?

Лицо Арина начали обволакивать вьющиеся ленты пара. Он сделал глоток и опустил чашку естественным жестом, достойным любого придворного кавалера. Однако его рука принадлежала рабочему, и расписанная цветами фарфоровая чашка с золотой каемкой выглядела в ней неуместно. Арин нахмурился, глядя в чашку.

— Иногда мне кажется, что легче, когда на тебя не обращают внимания. Здесь же меня замечают. Даже когда людям кажется, что они игнорируют меня, на самом деле это не так. Их взгляды кажутся слишком пристальными. Когда я был рабом в Геране, никто и никогда на меня не смотрел. Люди не смотрят на рабов. — С внезапным звоном Арин поставил чашку на поднос. — Кестрел, когда это произошло? Я постоянно спрашиваю себя: когда я совершил то, с чем ты не смогла согласиться? Где пролегает грань, за которой ты уже не смогла простить меня? Ложь...

— Я бы тоже лгала.

— Геранское восстание. Я замыслил его долгие месяцы. Я строил планы против тебя.

— Я понимаю почему.

— Значит, твои друзья. Твой народ. Яд. Смерть Беникса. Болезнь Джесс. Это была моя вина. Ты винишь меня.

Кестрел покачала головой — не для того, чтобы опровергнуть его слова, а потому, что все было совсем не так просто.

— Иногда я представляю себя на твоём месте. Я представляю твою жизнь. И то, что мы с ней сделали. И я знаю, как вы отомстили. Да, я виню тебя... и не виню. На вашем месте я сделала бы то же самое. Возможно, даже хуже.

— Тогда что именно ты принять не можешь? — хрипло спросил Арин. — Что... поцелуй? На моей кухне. Это то, что ты не можешь простить?

— Арин.

— Я не должен был.

— Арин.

— Прости меня, Кестрел. Прости. Скажи, как я еще могу просить твоего прощения?

Помедлить ее заставила вовсе не боль, а его голос.

То, что скрывалось за ним — подземная река песни, которую он пытался подавить, спрятать и похоронить. В этой песне заключалась его тайна. Кестрел почувствовала напряжение еще тогда, когда покупала его. Арин был певцом. Однако он отрицал это, скрывал. Эта тайна казалась столь важной, столь яростно хранимой, что Кестрел никогда не пыталась заставить ее выйти на поверхность, как и не подозревала, что Арин скрывал что-то еще.

Он ждал, пока она заговорит. Библиотечные часы начали бить. Их бой пробудил Кестрел от воспоминаний. Новая мысль заставила ее содрогнуться от страха.

Пусть Арин и не знал ее секретов, он чувствовал их. Будто слышал, как они копошатся во мраке ее сердца. Кестрел решила, что никогда не скажет ему. Однако всего мгновение назад она говорила слишком открыто, словно надеялась, что он сам догадается, что это за секреты.

Она встретилась глазами с его тревожным взглядом и подумала о гвоздиках в столешнице и о силе, которая понадобилась, чтобы вогнать их в древесину. Она подумала об искушении и о том, что правильно. На протяжении семнадцати лет своей жизни, до встречи с Арином, она никогда не сомневалась, что выбрать.

— Я прощаю тебя. — Кестрел постаралась, чтобы в ее голосе прозвучало небрежное расположение, даже скука. — Итак, тебе лучше? Мое решение выйти замуж за принца не связано с тем, виню я тебя или нет. Оно вообще с тобой не связано. Мне просто нужно что-то другое.

Он ответил ей лишь ошеломленным взглядом.

— Подумай, Арин. У меня есть возможность однажды править половиной известного мира. Это не так уж и сложно понять.

Он повернулся к окну, через которое лился уже более яркий свет, отбеливший его лицо.

— Раз уж мы говорим начистоту, — произнесла Кестрел, — я бы хотела знать, почему здесь ты вместо Тенсена. Он послал тебя?

— Он не читал твое послание, — ответил Арин, по-прежнему глядя в окно. — Я увидел твой герб и распечатал письмо.

— Полагаю, я должна отчитать тебя. — Кестрел элегантно повела одним плечом. — Хотя могу вместо него сообщить и тебе.

Теперь Арин посмотрел на нее.

— Сообщить мне о чем?

— Что я больше не посол империи в Геране.

— Но ты согласилась. Это было частью договора, подписанного императором. Подписанного мной. Это закон.

— Законы пишутся мечом. Сейчас меч в руках у императора, а не у тебя, и если он говорит, что освобождает меня от утомительной должности, то кто мы такие, чтобы спорить? Послушай, давай не будем ссориться. У чая очень приятный вкус, не правда ли? Но

он слишком крепкий. Наверное, я не стану допивать свою чашку.

Выражение лица Арина стало угрожающим.

— Значит, нам остается говорить только о чае?

— Ты бы предпочел шоколад?

— А когда мы увидимся в следующий раз, я должен буду похвалить твои прекрасные туфли и перчатки из оленьей кожи? Потому что о чем еще мы сможем поговорить? Жизнь императрицы тебе еще не наскучила? — Арин перешел на свой язык, но Кестрел еще никогда не слышала, чтобы его голос звучал подобным образом — манерно и язвительно. Он насмеялся над тем, как говорили придворные. — Возможно, мы обсудим преступления, которые совершает за морем твоя любимая империя. Я буду восхищаться изысканными формами спрессованного сахара и передам тебе на ложечке крохотного сладкого лебедя. Ты дашь ему раствориться в своей чашке, притворяясь, будто никакой резни на востоке нет. Возможно, я упомяну, что народ южных островов по-прежнему находится в рабстве, а племена северной тундры были давно стерты с лица земли. А ты скажешь, что в плену у империи южанам живется лучше, чем тогда, когда они были свободны. «Посмотри на то, как чистая вода спускается по имперскому трубопроводу с гор, — скажешь ты. — Разве это не прекрасно? А что же касается северных племен, то их все равно всегда было мало».

Его голос стал напряженным, и насмешливость из него исчезла.

— И, может быть, я скажу тебе, что Геран истощен и голодает. Мы бедны, Кестрел. Мы доедаем ничтожные запасы зерна и дожидаемся урожая печного ореха и вестей о том, какую его часть император заберет. Что, если я спрошу: знаешь ли ты, какую? Возможно, ты ответишь, что помнишь, как твоя няня-геранка пекла для тебя ореховый хлеб. Возможно, ты даже бывала на южной оконечности Геранского полуострова, где растут деревья печного ореха, и помнишь, что солнце там жаркое круглый год. Ты произнесешь все это доверительным тоном, будто у нас есть что-то общее, в то время как это общее — то, что твой народ крадет у моего.

Я попрошу, чтобы ты сказала мне. Сказала мне, что у нас останется на жизнь после выплаты налога императору. А ты ответишь, что не знаешь. Что тебе все равно.

Пока он говорил, Кестрел поднялась со своего места.

— Тогда я замолчу, — продолжил Арин, — а ты помешаешь свой чай. Мы оба сделаем несколько глотков. Что же? Именно так все и будет?

У Кестрел кружилась голова.

— Уйди, — прошептала она, хотя сама стояла. Арин не шевельнулся. Он смотрел на нее, запрокинув голову и плотно сжав челюсти, и Кестрел не могла понять, как на его лице все еще может оставаться это выражение: жесткое ожидание и злая уверенность. «Не подведи меня, — говорили его глаза. — Не подведи саму себя».

Она вышла из-за стола.

— Ты не такая, — крикнул он ей вслед. Из хранилища появился библиотекарь, чтобы успокоить его. Кестрел не остановилась.

Арин сказал:

— Как у тебя получается не стыдиться нелогичности своей жизни?

Потом добавил:

— Как у тебя получается не чувствовать себя пустой?

«Ты не прав, — подумала Кестрел, проходя через двери библиотеки и позволяя им захлопнуться у нее за спиной. — Ты не прав».

* * *

Кестрел дрожала, сидя за своим туалетным столиком. Будь проклят Тенсен. Будь он проклят за то, что не следит за своими письмами или спит допоздна, позволяя Арину копаться в них. Она была осмотрительна в том, что писала, — при императорском дворе любые тайны, оказавшиеся на бумаге, становились предметом слухов, — но что, если бы она забыла об осторожности?

Она решила пересмотреть свой план. Не стоило ожидать, что Тенсен сможет сдерживать Арину. Глупостью было даже думать о том, чтобы стать новым информатором министра земледелия. Что за куратор шпионской сети позволяет, чтобы его письма читали другие люди?

Однако что за будущая шпионка ставит на письмах собственную печать? Это была глупая ошибка.

Кестрел посмотрела на флаконы, которыми был заставлен ее туалетный столик, и представила себе, с каким звоном все они разобьются о каменный пол. Это будет оглушительный, блистательный грохот. Однако прошла минута, за ней еще одна, и Кестрел успокоилась, а затем аккуратно потянулась к спрятанной за другими сосудами баночке.

Когда она посмотрела на баночку в своей руке, ей показалось, будто емкость находится далеко-далеко.

«Ты не такая», — сказал Арин.

Ее пальцы крепко обхватили банку, и она поднесла ее поближе к себе. Кестрел улыбнулась сдержанной улыбкой, хрупкой, как стекло под ее ногтями.

Личинки маскировочной моли превратились в куколок. Шелк был весь покрыт разбухшими катышками.

Кестрел вернула банку на место. Она подождет, пока моль вылупится. Долго ждать не придется. А затем она сделает свой ход.

* * *

Она притворилась, что немного приболела: подхватила простуду от того, что слишком долго просидела в Зимнем саду. Верекс не навестил ее, но прислал вежливую записку и флакон с лекарством.

От императора не пришло ни слова.

Кестрел написала Джесс зазорное письмо, наполненное бодрыми речевыми оборотами, которые выговаривали Джесс за то, что она бросила подругу в тяжелые времена. Ожидалось слишком много празднеств с огромным количеством скучных людей. Джесс оставила Кестрел беззащитной.

«Моя подруга нужна мне», — написала Кестрел, но увидела за своим заостренным почерком тревогу. Ее начал мучить страх, что она, сама того не зная, обидела Джесс, и та бросила ее.

«Я видела его», — сказала тогда Джесс. Она видела на балу Арину.

Но затем она сжала в темноте руку Кестрел. Если бы она угадала, где были Арин с Кестрел, пока остальные танцевали, она не стала бы этого делать, верно?

Возможно, вид Арину напугал Джесс. Кестрел не могла ее винить. В ночь Первозимнего

восстания Джесс стала свидетелем такого, чего Кестрел не видела. И Джесс знала, что за всем этим стоял Арин.

Кестрел зачеркнула последнюю строчку своего письма.

«Я скучаю, сестренка», — написала она вместо этого.

Ответ Джесс пришел нескоро и был краток. Джесс устала, объяснялось в письме, ее состояние оказалось хуже, чем она думала. «К тому времени, как ты получишь это письмо, — говорила Джесс, — мы уже вернемся на юг». Уезжала вся семья. Джесс сожалела об этом.

Кое-что ее ответ все же объяснял. Но Кестрел осознала, что в который раз перечитывает письмо в своей пустой приемной, выискивая в нем признаки нежной любви, будто это чувство можно было уловить в двойной точке над буквой «i» или в завитушках последнего предложения. Казалось, листок в руке Кестрел ничего не весит.

Кестрел неловко мяла в пальцах восковую печать. Она пыталась не думать о том, что не смогла увидеть Джесс на прощание. О том, как безлюдная комната внезапно стала еще более пустой.

* * *

Кестрел оставалась в той части своих покоев, куда посетителям входить не разрешалось: в спальне и гардеробной. А однажды, хоть она никак не могла услышать трепетание таких крохотных крылышек, она подняла голову, быстро подошла к туалетному столику и раздвинула флаконы, чтобы увидеть, как в своей баночке вылупляется маскировочная моль. Некоторые мотыльки все еще выбирались из коконов. Другие облепили стекло, и их крылья были прозрачными, а некоторые собрались у основания пробки и покрылись светло-коричневыми пятнами.

Кестрел зажгла свечу. Когда все мотыльки вылупились, а свеча догорела, она залила пробку баночки расплавленным воском. Кестрел плотно запечатала сосуд, чтобы в него не проникал воздух.

Через день мотыльки умерли. После этого Кестрел объявила своим служанкам, что чувствует себя намного лучше.

В дворцовой галерее был назначен прием. Гостей пригласили восхититься коллекцией краденых картин императора. Когда-то отец рассказывал Кестрел, что армии в завоеванном городе было запрещено уничтожать произведения искусства.

— Ему не понравилось, что я сровнял с землей Геранский дворец. — Генерал пожал плечами. — Но это был тактически верный ход.

Ее отец никогда не боялся императора, и Кестрел сказала себе, что тоже не должна. Поэтому, на виду у всех гостей, выхаживающих между статуями и картинами, Кестрел направилась к Тенсену.

В изумлении приподнялось несколько бровей («Вот уж никак не может расстаться с геранцами!» — прочла мысли придворных Кестрел), но император сейчас находился к ней спиной, а ей необходимо лишь несколько мгновений. Кестрел скользнула рукой в карман платья.

Тенсен стоял перед пейзажем, украденным с южных островов. Арина рядом не было. Он запаздывал. Возможно, он решил вообще не приходить, учитывая их последний разговор.

На избранной Тенсеном картине были изображены выбеленные поля — холст оставляли расправленным на солнце, чтобы он выгорел, — и посевы индигоносных цветов, которые выращивали для получения краски.

— Леди Кестрел, — радостно начал Тенсен, но Кестрел перебила его.

— По всей видимости, вы умеете оценить хороший пейзаж, — сказала она. — Вы знали, что эти цветы были написаны настоящим индиго? Они символизируют то же, чем и являются.

Кестрел начала громко и пространно говорить о живописи. Она наблюдала за тем, как некоторые придворные, которые было заинтересовались ее разговором с геранским министром и хотели подслушать, с разочарованием отвернулись. Кестрел стала постепенно понижать голос. Тенсен ждал, и в его зеленых глазах горело любопытство — а также осторожная надежда. Хоть он так и не прочитал записку, которую перехватил Арин, ему несложно было догадаться, что Кестрел хотела обсудить не только живопись.

Она достала руку из кармана.

— Столь тонкие детали, — произнесла девушка, указывая. — Поглядите, почти каждый лепесток выписан отдельно.

Легким прикосновением она посадила мертвую маскировочную моль на картину внизу, где холст был закреплен в раме. Мотылек уцепился за материю и окрасился в фиолетовый цвет. Он стал частью пейзажа.

Тенсен посмотрел на моль, а затем на Кестрел.

Девушка тихо произнесла:

— Я выясню, что успел подслушать Тринн. Когда я сделаю это, то оставлю здесь для вас еще одну моль. Приходите в эту галерею каждое утро. Полюбите эту картину. Ищите на ней моль. Она сообщит вам, что я назначаю встречу.

— Где?

— За пределами дворца.

Однако Кестрел плохо знала город и не могла назвать более точное место.

— В городе есть одна таверна, в которой обслуживают геранцев...

— Тогда там обслуживают и капитана дворцовых шпионов. Император знает, кто вы, Тенсен. Пока он никак не пытается помешать вам, потому что хочет выяснить, что вам известно и как вы станете поступать, исходя из этих сведений.

Кестрел снова взглянула на императора. К нему подошел раскрасневшийся принц Верекс и что-то разгоряченно говорил. Лицо императора, повернутое к Кестрел в профиль, выражало насмешливую скуку.

— Где тогда? — спросил Тенсен.

Кестрел смотрела, как император взял у служанки бокал вина, а затем служанка слилась с толпой, будто тоже была маскировочной молью. «Люди не смотрят на рабов», — сказал Арин. У Кестрел появилась идея.

— Как во дворец доставляют свежую провизию?

— Кухонная прислуга покупает ее на городском рынке, в бакалейных лотках и на Мясном Ряду.

— Да. Там. Мы встретимся на Ряду. Если вы оденетесь как прислуга, на вас никто и не взглянет.

— Однако невеста принца обязательно привлечет внимание.

— О себе я позабочусь.

Ей не терпелось разъяснить самую тонкую деталь встречи: время.

— Посмотрите. — Она указала на нижнюю балку рамки и попросила Тенсена представить, что это развернутая линия ободка часов и вдоль нее от рассвета до заката движется время. Место, где будет лежать моль, укажет час их встречи на следующий день.

— Что, если моль заметит кто-то другой?

— Это просто моль. Обыкновенный вредитель. Она ничего не значит.

— Слуга может найти моль до того, как я увижу ее.

— Тогда именно эта мысль первой придет мне в голову, если я не увижу вас в назначенное время на Ряду. Послушайте, Тенсен, вам нужна моя помощь или нет?

Она понимала его сомнения, но это терзало ее все больше, так как она не могла избавиться от ощущения, будто вступает в игру, обреченную на проигрыш. Победитель полностью знает наперед свою тактику — Кестрел видела только один ход, может, два.

Голос Верекса становился все громче. Кестрел не могла разобрать слов, но головы стали поворачиваться еще до того, как Верекс буквально вылетел из галереи.

— Ходят слухи, что принц не одобряет происходящее на востоке, — пробормотал Тенсен.

Кестрел не хотела думать о востоке.

— Рабы поговаривают, что восточная принцесса Верексу как сестра, — добавил Тенсен. — После ее похищения их некоторое время растили вместе.

Глаза Кестрел невольно обратились к Рише, и, когда она увидела принцессу, стоявшую на другом конце длинного холла, кровь Кестрел, казалось, потеряла свой цвет. Кестрел почувствовала, как затихает ее пульс. Она представила, как кровь, толчками бегущая по ее телу, становится розовой, затем прозрачной. Кристально чистой водой, свободно переливающейся в жилах.

Не Риша заставила Кестрел похолодеть, и не миниатюрная восточная картина, которую принцесса разглядывала, как небывалую диковинку. Не тоска на лице Риши, сказала себе Кестрел.

Но в этой галерее не было ничего больше, что могло бы окатить Кестрел таким сильным

чувством вины.

— Валория одержала победу на восточных равнинах, — сказал Тенсен. — Вы не слышали? Нет? Что ж, вам нездоровилось. Ваш отец отравил лошадей местных племен и захватил равнины. Все произошло быстро.

Кестрел пыталась не слушать его. Она смотрела на одинокую фигуру принцессы.

Кестрел подойдет к ней. Она оставит Тенсена и моль цвета индиго и пройдет сквозь толпу придворных, между статуями из мыльного камня, привезенными вместе с прочими награбленными ценностями северной тундры. Если Кестрел не подойдет к Рише сейчас, то станет одной из этих статуй: гладкой, холодной, неподвижной.

Но она не успела сдвинуться с места, потому что к принцессе подошел кто-то другой.

Это был Арин. Он мягко заговорил с Ришей. Кестрел не могла услышать его голос — не с такого расстояния, не через гул голосов придворных. Но она знала. Она видела сочувствие в его глазах, в плавном изгибе его рта. Арин не мог сказать этой юной девушке ничего, кроме теплых слов. Он наклонился к ней. Риша ответила ему, и он коснулся тремя пальцами тыльной стороны ее ладони.

И Арин не мог не скорбеть вместе с Ришей. Он тоже потерял семью. Он потерял все из-за валорианцев. Конечно, это сближало его с ее потерей. Общее горе создавало убежище вокруг них. Убежище, в которое Кестрел входа не было.

В любом случае, что бы она сказала Рише?

Это моя вина.

Или: могло быть хуже.

Это было бы так же глупо, как говорить правду Арину. Кестрел пришлось бы проглотить свои слова и молчать, и проглотить их снова, пока она не раздуется и не потяжелеет от всего, что не может произнести.

Поднимет ли Арин взгляд, увидит ли, что она наблюдает за ними? Но его глаза были прикованы к Рише.

Кестрел казалось, что ее жизнь приняла форму складного ножа, и сердце стало лезвием, заключенным в деревянном теле-рукояти.

— Вам лучше уйти, — неожиданно произнес Тенсен. Она забыла, что он стоит напротив, что они окружены придворными и что она хотела сделать разговор с Тенсеном кратким, насколько возможно. Она не хотела быть замеченной императором.

Который смотрел на них с другого конца галереи.

Он кипел от ярости. Ближайшие к нему придворные почувствовали это и отошли.

— Подождите, — сказала она Тенсену, хотя император уже направлялся в их сторону.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Подождите. Почему мой отец отравил восточных лошадей?

— Почему валорианцы вообще что-то делают? Для победы, это очевидно. А теперь, если вы простите меня...

— Это была его идея? Императора? Или что там говорят?

Было ли известно, какую роль в захвате равнин сыграла она?

— Двору неважно, как или почему генерал Траян сделал это. Двор радуется результату.

— Спасибо, — сказала Кестрел, но Тенсена уже и след простыл.

Император приблизился к ней. Кестрел старалась не опустить руку на свой украшенный драгоценными камнями кинжал. Старалась не думать о том кинжале, который дал ей отец и который забрал император. Толпа расступилась, оставляя вокруг них широкую пустоту.

— Я говорил тебе обходить геранцев стороной, — прошипел император.

— Нет, не говорили. — Ее голос был чудом. Спокойный. Ровный. Не может быть, чтобы он принадлежал ей. — Я не припомню таких слов.

— Я выразился предельно ясно.

Рука императора легла на ее руку. Придворным этот жест мог показаться ласковым. Они не видели, как его большой палец сдавил плоть на сгибе ее локтя.

Сначала боль была почти незаметной. По-детски мелочной. Все это не казалось серьезным, что дало Кестрел храбрость лгать:

— Это я и сказала министру Тенсену. Что я больше не посол в Геране. Разве не этого вы хотели? Я думала, что будет вежливым сообщить министру лично.

— Я удивлен, что вы не сказали это губернатору.

— Я не хочу говорить с губернатором.

— Нет? Вы не говорили с Арином?

У императора были острые ногти.

Кестрел почти увидела свою ошибку, но другая часть ее настаивала, что никакой ошибки быть не может, не с ним. Ее разум налился тяжестью. И хотя ее внезапно пронзило осознание того, что она натворила, страх разъедал мысли, лгал ей и приказывал лгать. Лгать так, чтобы ложь звучала правдиво.

— Нет, — ответила она императору. — Конечно, нет.

— Это, — прошептал император, — совсем не то, что говорят мои библиотекари.

Его хватка стала еще сильнее. Боль усилилась. Она смешалась со страхом, пригвоздила ноги Кестрел к полу.

— Ты ослушалась меня, Кестрел. Дважды.

— Я сожалею, — произнесла она, — простите.

Император отпустил ее руку. Его палец был в крови.

— Нет, ты не сожалеешь, — сказал он, — но будешь.

Однако император ничего не предпринимал.

Страх Кестрел возрастал. Рана-полумесяц и темный синяк на внутренней стороне локтя не могли быть единственным ее наказанием.

Письма Кестрел к Джесс, наполненные фальшивой радостью, оставались безответными. Кестрел было подумала, что император мог перехватывать ее письма. Но это, хоть и причиняло боль, было недостаточной мезтью со стороны императора. Стоило ожидать чего-то худшего.

Она видела, как он поступал с другими. Недавно один солдат был обвинен в дезертирстве, и его высокопоставленные родители молили о снисхождении. Дезертирство было формой измены. Наказание за измену — смерть. Придворные поговаривали, что, возможно, только в порядке исключения, этот солдат «отправится на север», что означало на каторгу в тундру. Но родители, очевидно, надеялись даже на более благоприятный исход. Их золото нашло дорогу в нужные карманы. Они регулярно ходатайствовали перед императором об освобождении сына. Император улыбался и говорил, что подумает. Его забавляло ждать и наблюдать, как люди извиваются на кончике ножа ожидания.

Кестрел не могла избавиться от чувства стыда за свою ошибку. От неподвластной воле вины за то, что она попалась. Хуже того: в ней поселилось скользкое, извивающееся сомнение. О чем она только думала со своей молью и предательскими обещаниями Тенсену?

Она подумала, что бы сказал ее отец, узнай он.

Она подумала о тюрьме и изувеченных пальцах Тринна.

Однако, может быть, император планировал наказание, больше подходящее для ребенка, например, лишить ее игры на рояле.

Возможно, он унизит ее перед придворными.

Возможно, ему хватит украденных писем.

Синяк на локте Кестрел исчез, ранка затянулась.

Все еще в тревоге, Кестрел наконец решила, что император не станет рисковать, применяя крайние меры к дочери генерала Траяна.

Она обедала с императором каждый день. Он был подозрительно добрым, даже заботливым. Вел себя так, будто ничего не произошло.

Кестрел перестала ждать удара, которого до сих пор не последовало.

Может, и никогда не последует.

* * *

Для Арина императорский дворец был большим ларцом архитектурных шуток. Впрочем, ему было все равно, сколько раз коридоры заканчивались тупиком. Не имело значения головокружительное множество комнат для отдыха и развлечений. Он не обращал внимания на узкие винтовые лестницы, которые могли разветвиться в нескольких направлениях.

Дворец, в конце концов, был всего лишь зданием, а в каждом здании прислуге отводилось одно и то же место — худшее.

Так что, когда Арин отправился на поиски портнихи Кестрел, ему не составило труда

найти ее. Он спустился по лестнице. Вошел в темноту. Последовал за затхлым воздухом. Невыносимая жара. Огонь кухонных печей. Запах пота и жареного лука.

Слуги-геранцы были любезными. Слишком любезными. Их глаза сияли. Они рассказали бы ему что угодно. Они даже казались расстроенными, что их спросили всего лишь о местонахождении портнихи. Даже рабы из других захваченных территорий, языки которых Арин не знал и которые работали в состоянии напряженной и запутанной иерархии с освобожденными геранцами, смотрели на Арина с выражением, близким к почтению.

Арина окатило жаром неудачи. Будто это был яд, который охватывает тело постепенно. Геранцы просили рассказать, как Арин обрушил гору на войска Валории. Как он спас министра Тенсена во время штурма одного из поместий. От стрелы арбалета или от брошенного кинжала?

Эти истории ничего не стоили. Все, что Арин сделал, начиная с Первозимнего бала и заканчивая его последним выступлением против валорианского генерала, ничего не изменило. Его народ до сих пор принадлежал империи.

— Делия, — напомнил Арин геранцам, сгрудившимся вокруг него на самой большой кухне. — Где она?

Ее мастерская находилась в более аккуратной части замка — в расположенном на первом этаже помещении, куда проникало достаточно света, заставлявшего рулоны ткани поблескивать. Когда Арин вошел, Делия была занята шитьем.

На ее коленях громоздился богатый наряд винного цвета. Во рту портниха зажала несколько прямых булавок. Когда Арин обратился к ней, она медленно вынула их одну за другой.

— Я хочу знать, кто хотел подкупить тебя, — сказал Арин.

— Я ожидала от тебя другого вопроса.

— Я был в городе. — Арин ненавидел проводить время во дворце. Ему было намного лучше в городе, хотя тот ему тоже не нравился: его никогда не покидало чувство нахождения на вражеской территории. Он бродил по городу, держась узких улочек. — Там есть таверна...

— Я знаю, о чем ты. Это единственное место, где обслуживают геранцев.

— Там обслуживают всех, и в первую очередь — игроков и счетоводов. Если бы ставку делал я, то сказал бы, что на тебя охотится весь двор, чтобы получить намек, какое платье будет на твоей госпоже в день свадьбы. Выигрыш может быть велик.

Делия была занята тем, что втыкала булавки в маленькую подушечку, прикрепленную у нее на талии. Теперь она остановилась и провела пальцем по густой серебряной траве булавок.

— Я ничего никому не говорю о свадебном платье. Я не принимаю взятки. Даже от тебя.

— Я и не говорю, что ты делаешь это. Это не то, что мне нужно. Просто скажи мне, кто спрашивал у тебя про платье.

— Если тебе нужен список, он будет длинным.

— Тогда скажи мне, кто не спрашивал.

Она все еще была насторожена.

— Зачем?

— Потому что этот человек уже знает.

Делия снова прикоснулась к булавкам.

— Глава Сената, — ответила она. — Большинство придворных приходят узнать лично,

даже высокопоставленные. Они не хотят, чтобы кто-либо еще услышал то, о чем я могу сказать. Но глава Сената ко мне не приходил. Даже его дочь, Марис, пыталась выспросить у меня про платье. Она хотела подкупить меня обещанием, что я смогу работать на нее. — Делия издала короткий смешок. — Я одеваю императорскую семью. Император никогда меня не отпустит.

Ее глаза изучали Арина, проверяя, осмелится ли он обещать, что что-то изменится, что он изменит что-нибудь для нее.

Его горячий стыд охладился и стал черным комом — твердым и обгоревшим.

Арин сделал шаг к двери.

— С ней произошло что-то плохое, — внезапно сказала Делия.

Арин остановился.

— Что ты имеешь в виду?

— Еще за несколько недель до того, как ты приехал, служанки леди Кестрел принесли мне платье. Оно было белое с золотом. И грязное. Подол будто тащился по чему-то, по чему — я не уверена. Еще грязь была сзади. И на коленях. А один рукав оказался вымазан в рвоту. Несколько швов порвалось.

У Арина пересохло во рту.

— Служанки хотели знать, смогу ли я починить платье, — сказала Делия. — Но это оказалось невозможно. Платье было испорчено. Я пустила его на тряпки.

Арин с трудом проговорил:

— Когда?

— Я уже говорила.

— С кем Кестрел встречалась в тот день, когда надевала то платье?

Делия беспомощно развела руками.

— Я не знаю точно, когда она его надевала или с кем тогда была. Об этом можно было бы спросить ее горничных, но я тебе не советую. По крайней мере, одна из них находится в кармане у принца, и лишь боги знают, сколько из них докладывают обо всем императору.

— Не может быть, чтобы ты больше ничего не знала.

— Я рассказала тебе все.

— Ты часто видишь ее. Когда ты подгоняешь для нее платья... ты видишь ее кожу. На ней не было... повреждений? — Живот Арина свело от воспоминания о выражении лица Кестрел после того, как на нее напал Плут. — Синяков, шрамов, чего-то подобного. Примерно в то время или с тех пор.

— Нет, — ответила Делия, и Арин ощутил сильное облегчение, но затем она добавила: — По крайней мере, я ничего не видела. И за последнюю неделю у нее не было примерок.

— Понаблюдай за ней.

— Я не могу. Я не могу тебе все сообщать. Император...

— Я губернатор Герана.

Делия с грустью на него посмотрела.

— Мы оба знаем, как мало это стоит.

Арин прикрыл глаза рукой и покачал головой.

— Хотя бы скажи мне, не происходило ли еще что-нибудь... странное.

Делия пожала плечами.

— Все как обычно. Заказы на новое платье. Незначительные починки. Жалобы на то, что в шкафы проникли вредители и поедают ткани. И так далее.

Лицо Делии все еще сохраняло прежнее выражение, и Арину захотелось оправдаться, сказать, что Делия должна следить за Кестрел лишь потому, что дочь генерала что-то задумала, что испорченное платье — доказательство чего-то, что он пока не знает, но должен узнать. Ведь Кестрел обладала талантом запускать пальцы в чьи-нибудь замыслы, иногда тянуть за ниточки, порой оттягивать концы и наконец узнавать что-то, о чем ей знать не следовало.

Арин хотел убедить ее в том, что если какая-то тайна касается Кестрел, то она касается и императора, а это имеет отношение к Герану. Поэтому он просит Делию о помощи. Ради своей страны. И только ради этого.

Не из-за его беспокойства за Кестрел.

Не из-за любви.

Не потому, что описание того платья заставило Арину представить все возможное, что могло случиться с Кестрел, пока она была в нем, или что она могла попытаться сделать.

В конце концов, он так ничего и не сказал и молча повернулся к выходу из мастерской.

— Ты ей небезразличен, — внезапно сказала Делия. — Я знаю.

Ее слова были столь неправдоподобны, что прозвучали жестокой шуткой.

Арин рассмеялся.

* * *

Разум Арина помутился. Возможно, поэтому он не заметил, что в коридорах стало темно. Из всех ламп горела, разбрызгивая масло, только одна.

Арин шел куда глаза глядят. Он думал вернуться в свои комнаты, но оказался совсем в другом крыле. Он обнаружил себя в заброшенной части дворца, где на стенах висели потрепанные гобелены, которые, насколько он мог рассмотреть, восславляли валорианские завоевания столетней давности. Геран тогда находился на пике расцвета, а Валория представляла собой крохотную страну, немые воины которой так любили вид крови, что ранили ради этого самих себя.

Гобелены были грубыми. В другое время это могло бы позабавить Арину — то, насколько плохо валорианцы умели творить красоту. Они крали ее. Отбирали у других. Но им никогда не удавалось создать что-то самим.

Однако тут ему на ум пришло воспоминание о том, как подпрыгивали над клавишами рояля пальцы Кестрел и снова опускались, бросались в дикий пляс. Этот образ привел за собой раздумья об испорченном платье, и Арин решительным шагом направился дальше, вглубь темного коридора, будто мог таким образом бежать от своих мыслей. В конце коридора его встретила глухая стена.

Выругавшись, Арин поднял взгляд на резные завитки деревянного потолка, надеясь, что он не оскорбил бога заблудившихся. Он сосредоточил свое внимание на узорах и заметил странную прямую линию, пересекающую завитки. Сузив глаза, он всмотрелся в потолок в свете умирающей лампы. Металл. Поперек потолка проходил металлический прут. Хотя нет, не совсем поперек. Он был частью потолка.

Мысли о том, что бы это могло быть, отвлекли Арину, и он не заметил, как ему за спину скользнула тень.

Он услышал металлический лязг. Металлическая полоса показалась полностью — железная решетка, до сих пор скрытая в щели потолка, рухнула вниз.

Она встретилась с каменным полом и заперла Арина в тупике.

Хоть он уже почти обернулся, а в его жилах и мозгу забурлил адреналин, он не увидел, как тень позади него обрела плоть. Он не увидел лица.

Воздух всколыхнулся. Арина отбросило на решетку, и перед глазами у него потемнело.

Арин лежал на каменном полу. Его шея болела, потому что была неестественно вывернута, а голова лежала на чем-то холодном и твердом. Через несколько смазанных секунд он вспомнил о решетке, а затем о засаде.

Он не шевелился и не открывал глаз. Должно быть, он был без сознания совсем недолго — чьи-то руки ощупывали его в поисках оружия. Арин не носил на бедре кинжала. Это было слишком по-валориански. Но из его сапога извлекли нож. Нападающий встал коленями ему на грудь. Тяжелый. Из Арина выдавило воздух.

В голове у него пульсировало. Ему едва удавалось сдерживать рвоту.

Тяжесть на его груди сместилась.

— Давай-ка сделаем из тебя красавчика, — сказал мужчина и приложил кончик лезвия к губам Арина.

Кулак Арина взметнулся и врезался в кость. Арин столкнул с себя мужчину. Полностью в сознании, он поднялся на ноги. Больше он не будет валяться на полу.

Нападающий оправился от удара Арина. Лампа осветила его волосы. Мужчина был блондином. Валорианец. Одет в черную военную форму.

И хорошо вооружен. В каждой руке он держал по ножу, а на поясе у него висел короткий меч. Один из его ножей принадлежал Арину.

Арину придется вернуть его обратно.

Он по-прежнему находился в невыгодной позиции — между мужчиной и решеткой. Нападающий взмахнул рукой, в которой был зажат нож Арина, и Арин пригнулся. Нож, разбрасывая искры, ударил по решетке за ним. Промашка, судя по всему, нарушила равновесие противника, и Арин бросился на мужчину, когда тот неловко взмахнул рукой. Арин ударил валорианца коленом в живот, схватил его за запястье и отобрал свой нож.

Но мужчина успел разрезать воздух своим собственным.

Его кинжал был красивым. Арин увидел, как он блеснул. Почему-то вид этого кинжала в самый неподходящий момент отвлек его. Арин отпрянул недостаточно быстро. Клинок рассек ему лицо.

Боль вспыхнула от лба до щеки. Левый глаз залило красным. Наполовину ослепнув, Арин моргал, пытаясь понять, можно ли моргать, если тебе выкололи глаз. По его израненному лицу текли кровавые слезы. Он чувствовал, как воздух коснулся рассеченной плоти, и его ладонь сама поднялась к ране.

Это спасло его. Сам того не зная, Арин отклонил второй удар, который угодил ему в предплечье. Его развернуло. Не успев еще опомниться, Арин не мог сопротивляться инерции, и его отбросило на длинную стену коридора.

Он выронил нож. Но его рука все равно скребла по стене, хоть разум и кричал, что это глупо, что оружия там все равно нет.

Рука Арина ухватила за мертвую лампу и сорвала ее со стены. Арин размозжил ее об голову валорианца. Он услышал вскрик и ударил еще раз.

Теперь первенство в схватке принадлежало ему. Теперь Арин вспомнил все самые подлые приемы рукопашной, которым он когда-то научился. Он забыл, что его никогда не учили держать оружие, лишь когда он был мальчишкой, а рука того мальчишки дрожала под тяжестью детского меча, и маленький Арин умолял, чтобы его не заставляли делать это. Так

что он мог знать о мече, который выхватил из ножен мужчины? Что Арин знал о валорианском кинжале, который оказался у него во второй руке, будто его туда вложил какой-то бог? Что он мог с ними сделать? Тем не менее, оба клинка взметнулись в темноте, валорианец воскликнул: «Пожалуйста!» — и Арин заколол его, будто это было искусство. Его ли искусство?

Впитав всю грациозность мира, тело Арина сказала: его, и вырезало из груди мужчины душу.

Что случилось с дыханием Арина?

Он задышался. Неповрежденным глазом Арин посмотрел на лежавшее у его ног кровавое месиво, в которое превратился валорианец. Он уронил меч и попытался стереть с левой стороны лица черно-красную слепоту. Кровь все лилась. Сколько бы Арин ни смахивал влажный занавес, он все равно ничего не видел.

Он сдался.

Он по-прежнему держал в руке валорианский кинжал. Он держал его так, будто клинок принадлежал ему, хоть это было невозможно. Тем не менее, пальцы сжались и не желали выпускать рукоять.

Все еще тяжело дыша и ощущая жгучую боль, Арин поднял кинжал к слабому свету.

Он узнал клинок.

Но откуда?

Кинжал был легким и хорошо сбалансированным. Его ковали не для сильной руки. Арин был кузнецом. Он немедленно узнавал качество. Острие было простым, но упругим. Рукоять позолотили, но не слишком сильно — ничто не нарушало легкости кинжала и не противоречило его первичному назначению.

И этот кинжал любили. Кто-то очень хорошо ухаживал за лезвием, которое рассекло Арина лицо.

Но это не объясняло, почему Арин с такой силой сжимал оружие. Он нахмурился и стер с рукояти кровь. Под красным было еще что-то красное. Рубин.

Это был герб.

Герб на кинжале изображал согнутые когти пустельги.

Оправившись от вида крови, капающей с Арина на ковер их общих покоев, Тенсен стал на удивление спокойным.

— Дай взглянуть, — сказал он и легонько подтолкнул Арина к стулу.

Арин держал у лица пропитавшийся кровью лоскут ткани. В том темном коридоре он оторвал рукав от своей нижней сорочки, прижал его к пульсирующему порезу и с тех пор больше не отнимал. Он боялся узнать, что под ним. Ему было слишком больно, чтобы он мог понять, насколько серьезны нанесенные повреждения.

— Арин.

Тенсен попытался оторвать пальцы Арина от лица. Тот со вздохом ему позволил. Он думал о глубинном зрении, о том, каково будет сражаться с одним глазом. Он думал о лице чудовища.

Порез сильно кровоточил. Пока Тенсен осматривал его, кровь затекала Арину в рот и бежала по шее.

— Открой, — сказал Тенсен.

Ресницы Арина слиплись от крови.

— Открой, — повторил Тенсен, но Арин так и не разжал веки. Тогда министр принес из ванной комнаты кувшин воды и полил ею Арину на лицо.

Арин зашипел и закашлялся. Промокший, он вжался в спинку стула и дрожал, как животное, когда Тенсен поднес пальцы к уголку его глаза и поднял веко.

Арин успел увидеть вспышку света, а затем все снова залила кровь.

— Глаз не пострадал, — сказал Тенсен. — Порез идет от середины лба и рассекает бровь и щеку. У тебя даже немного поцарапано веко. Но большую часть удара приняла на себя лобная кость.

Арина окатило волной облегчения.

Тенсен достал чистый носовой платок и стал промакивать им левую часть лица Арина.

— Придется наложить швы. И... — он внимательно взгляделся в правую руку Арина, которую тот держал сжатой у бедра, — нужен пинцет.

Осколки лампы. Они глубоко впились в его ладонь, когда он поднимал железную решетку, чтобы выйти из ловушки.

Тенсен сказал:

— Тебе, должно быть, улыбнулся бог удачи.

— Не говори так.

— Воздай богам должное, Арин, иначе они могут отвернуться от тебя во время следующего нападения.

— Не думаю, что он хотел убить меня. По крайней мере, не быстро.

«Давай-ка сделаем из тебя красавчика», — сказал мужчина. Арин представил свое лицо в качестве листа бумаги, на котором валорианец собирался вырезать некое послание. Арин рассказал Тенсену об этом и о том, что на нападавшем была форма дворцовой стражи. Однако о кинжале и гербе на нем Арин умолчал.

Он спрятал кинжал в сапог, однако клинок плохо сидел в ножнах его собственного ножа и болтался при ходьбе, а головка торчала. Арин опустил штанины, чтобы скрыть его.

Тенсен принялся обрабатывать его раны. Предплечья Арина клинок противника коснулся лишь вскользь, а удар был приглушен шерстяным камзолом. Тенсен промыл рану, плотно ее забинтовал, да так и оставил. Затем он стал намыливать ладони, пока на них не образовалось дрожащее белое облако пены с тихонько лопающимися пузырьками. Это облако было красивым. Оно пахло летними цветами, напоминало воздушное стихотворение и выглядело совершенно безобидно. Но Арин знал, что Тенсен собирается с ним сделать.

— Сейчас, — произнес Тенсен, — будет очень неприятно.

Он приложил руку с пеной к порезу на лице Арина.

Мыло с кровожадностью вгрызлось в рану. Арина будто лизнул огненный язык. Он не мог вздохнуть. Если вздохнет, то закричит.

Тенсен смыл пену. Затем снова намылил рану. Снова смыл. К тому времени как он закончил, Арин обмяк на стуле. Он с отчаянной радостью встретил свежий лоскут, который Тенсен приложил к ране. Жжение постепенно успокаивалось. Не открывая глаз, Арин снова скользнул в объятия знакомой растекающейся боли, будто это была теплая ванна. Насколько более приятной теперь показалась ему эта боль. Она успокаивала, будто друг. Арин почти полюбил ее.

Но Тенсен отошел в другую часть покоев, и Арин знал, что будет теперь. Он открыл здоровый глаз и увидел, как Тенсен обеззараживает над пламенем масляной лампы иглу.

— Нет, — прохрипел Арин. — Позови Делию.

— Ты не одежда.

— Позови ее, — повторил Арин, хотя и видел раньше, как Тенсен зашивал раны на полях сражений. Поэтому он и соглашался брать пожилого мужчину на каждое военное предприятие в Геране — из-за этого и еще из-за пыла в зеленых глазах Тенсена, из-за искренности в его голосе, когда он клялся сделать ради своей страны все. Тенсен обладал свойственным актеру талантом становиться кем угодно. Если нужен был доктор, то он врачевал. Он шутил, что это удавалось ему, потому что однажды он сыграл в театре роль лекаря. Арина не заботило, где Тенсен приобрел эти навыки. Он ценил их. Но не собирался позволять Тенсену накладывать швы на свое лицо.

— Не думаю, что это мудро, чтобы Делия знала, — проговорил Тенсен.

— По-твоему, мне удастся сохранить это в тайне?

Тенсен слегка улыбнулся, признавая правоту Арина: тот больше никогда не будет выглядеть так, как раньше.

Министр ушел.

Когда он вернулся вместе с Делией, лоскут на лице Арина полностью пропитался кровью, а самого Арина клонило в сон. Делия бросила на него мрачный усталый взгляд, будто Арин был ребенком, который поранился, потому что нарушил ее наказ. С таким выражением на лице она немного напомнила Арину мать. Именно это Арин представлял, когда она вдела в иголку нитку и коснулась его лица своими прохладными ладонями. Прищурив второй глаз, на котором выступили слезы, он увидел в Делии свою маму. Игла вонзилась в кожу. Вышла. За ней протянулась шершавая нитка. Тугая боль. Тенсен промокнул кровь, чтобы Делии было лучше видно, и все повторилось. Щеку Арина прошило молнией.

Возможно, так было из-за того, что эта половина его лица теперь казалась ему чужой. Возможно, он просто слишком сильно пытался забыть о том, что делает Делия, и поверить, что все может быть хуже. Арин вспомнил, как его избили за день до того, как Кестрел

купила его. Вместе с остальными рабами он разравнивал гравий — они прокладывали новую валорианскую дорогу. Он не поднимал головы и вел себя хорошо... пока не раздался шаркающий звук.

Арин поднял взгляд. Два валорианца тащили к остальным рабам жителя востока. Среди геранцев раздалось бормотание. Арин слышал, что этот раб с востока несколько дней назад сумел бежать. Его только что поймали.

Валорианские законы были строги по отношению к беглецам.

Арин бросился вперед. Он начал кричать на валорианцев. Проклинать их.

Его наниматели тогда не понимали его языка, а иначе его наказали бы сильнее. Надсмотрщик ударил Арина кулаком в лицо. Валорианцы приказали геранцам держать Арина неподвижно. Те повиновались. Они бросили Арина на гравий. Надсмотрщик снова ударил, но даже со своего места на земле Арин видел, как остальные валорианцы готовят восточного беглеца. Его голову оттянули за волосы назад.

Когда один из валорианцев обнажил кинжал, беглец встретился взглядом с Арином.

— Не беспокойся, — крикнул он Арину на геранском, который мало отличался от восточного языка Дакры. — Император получит по заслугам.

А затем валорианцы отрезали ему уши и нос.

— Все, — сказала Делия, перерезая нить. — Тринадцать стежков, два отдельных шва: на лбу и на щеке. Глаз я не трогала.

Теперь кровь только сочилась. Арин открыл левый глаз, который по-прежнему болел. Теперь, когда его взгляду больше ничего не мешало, Делия больше не казалась ему похожей на погибшую мать. Портниха смыла с рук кровь водой из миски.

— Хорошая работа, — сказал Тенсен.

— Больше меня о подобном не просите, — отозвалась Делия и ушла.

Тенсен пододвинул к стулу Арина свой, сел и начал извлекать из правой ладони Арина осколки стекла. После всего остального эта боль приносила странное удовлетворение.

— Чуть раньше сегодня Делия рассказала мне кое-что интересное, — сказал Арин. Пинцет Тенсена ухватился за большой осколок и вытащил его.

— И что же?

Тенсен бросил стекло на стоявший рядом стол.

Арин пересказал ему их разговор. Старик слушал. На столе образовалась небольшая кучка окровавленных осколков.

— Об этом стоит разузнать поподробнее, — произнес Арин.

— По-моему, платье, которое выбирает леди Кестрел, не является главнейшим приоритетом Герана.

Арин сжал кулаки и поморщился, почувствовав, как осколки стекла глубже вошли в плоть. Тенсен, подняв пинцет, бросил Арину прохладный взгляд, будто говоря, что Арин получил по заслугам.

— Ты неправ, — проговорил Арин. — Тот факт, что глава Сената, должно быть, знает о платье, важен. Сделав удачную ставку, на выигрыш он сможет купить небольшой остров, и это будут деньги не из имперской казны. Тринн подслушал какой-то разговор главы Сената с императором. Что, если глава Сената оказал императору услугу, а тот расплатился подкачкой для выигрышной ставки? Мы должны узнать, что это была за услуга.

Тенсен вытащил на поверхность ладони Арина крошечный осколок и всмотрелся в него.

— Кроме того, есть испорченное платье, — продолжил Арин. — Кестрел связалась с

чем-то опасным.

— Рвота на рукаве и грязь на коленях? Давай не будем искать драму там, где ее нет. Леди выпила слишком много вина и споткнулась во время пьяной прогулки по Зимнему саду. Тебя это не касается.

— Она что-то замышляет, — настаивал Арин. — Я чувствую.

Тенсен отложил пинцет.

— Ты видишь то, что хочешь видеть.

— Нет, неправда. Это странно. Я не хочу, чтобы она оказалась в беде.

— Может быть, на самом деле ты как раз и хочешь, чтобы она была в беде? Чтобы новая жизнь приносила ей несчастье? Что бы ты тогда сделал, Арин? Спас бы ее от этого?

Арин ничего не ответил.

— Мне кажется, она вполне довольна своей жизнью, — заметил Тенсен.

— На платье порвались швы. Юбки были вымазаны. В Зимнем саду грязи нет. Дорожки вымощены плитами. Откуда тогда пятна?

Тенсен посмотрел на Арина в упор.

— Арин. Я не хочу показаться грубым и знаю, что ты считаешь информацию Делии важной, но я вижу только одержимость невестой принца и тем, что она предпочитает носить.

Арин захлопнул рот. Внезапно его окатило холодом сомнения, и он содрогнулся.

— Пожалуйста, — произнес Тенсен. — Оставь шпионские игры мне.

— Но ты так ничего и не узнал с того времени, как рассказал мне о Тринне.

— Все мое время.

— Что-то от твоего новобранца? Он что-то выяснил? — Арин увидел, как Тенсен слегка переменялся в лице. — Или она?

— Пока ничего. Но я ожидаю вскоре получить какие-нибудь вести.

— Мне это не нравится. Мне не нравится то, насколько ты радуешься отсутствию результатов от человека, чье имя я даже не знаю.

— Про себя я зову его Молью.

— Я хочу знать имя.

— Я понимаю. Ты обеспокоен тем, можем ли мы этому человеку доверять. Не волнуйся. У Моли достаточно причин предоставить нам то, что нам нужно.

Арин хлопнул здоровой рукой по столу.

— Я вышлю тебя обратно в Геран. Клянусь, я посажу тебя на первый же корабль, если ты сейчас же не скажешь мне, кто твой информатор.

Тенсен смел разлетевшиеся осколки обратно в кучку и откинулся на спинку своего стула. Его маленькие зеленые глаза ярко блестели.

— Я видел, ты на днях разговаривал с принцессой Ришей.

Он замолчал, и его молчание многое Арину сказало.

— Да, — медленно ответил Арин. — Она была расстроена.

— Разумеется. На равнинах произошла настоящая трагедия. Их жителям пришлось искать убежище в восточной столице. За время пути погибли сотни человек.

— Ты хочешь сказать, что...

— Нелегко быть ножом, который держат у горла твоего собственного народа. А ведь именно ради этого Ришу похитили ребенком. Императору достаточно сделать шаг, чтобы причинить боль восточной королеве. Я удивлен, что он до сих пор не убил ее младшую

сестренку. Однако эту карту можно разыграть только однажды. Должно быть, он ждет подходящего момента. Я хотел бы знать, что происходит в голове у Риши, пока он ждет.

Арин впитывал в себя слова министра — или то, что он за ними прочитывал. Внезапно он подумал, что подозревать собственного куратора шпионской сети не так уж глупо. Работой Тенсена было торговать ложью. До войны он был актером. Но Арин не видел причин, почему Тенсен стал бы врать, что Моль — Риша. Он вполне мог понять, почему Риша готова действовать против империи.

Старик по-доброму на него посмотрел. Неожиданно для себя Арин понял, насколько ему необходима сейчас эта доброта. Его охватило знакомое ужасное чувство. Этот кулак сжимал его уже десять лет. Арин так устал от него. Почему он до сих пор его не перерос? Он больше не ребенок. Нечего ему чувствовать себя одиноко.

Из-за потери крови у Арина кружилась голова. Ему казалось, что его мысли качаются на волнах и куда-то плывут.

Тенсен встал и поднес Арину миску чистой воды, куда Арин опустил правую руку.

— Риша очень красива, — заметил министр.

— Да, — согласился Арин. — Красива.

Ему было сложно говорить. Он так устал.

— Ладно, я пойду спать, — сказал Тенсен. — Если, конечно, не должен собирать вещи и срочно садиться на корабль, который понесет меня через бушующее зимнее море.

— Нет. Иди спать.

Тенсен улыбнулся и вышел.

Арин долго сидел на своем стуле. Он раздумывал над тем, что знает, что только считает известным и чего понять не может. Затем он начал все заново.

Его мысли стали принимать странные формы. Они хлопали крыльями и разлетались. Они подняли на своих крыльях Арина и понесли его в страну снов.

Ему снилось, что по его лицу ползают моли, и их лапки оставляют за собой черные швы. Насекомые откладывали яйца на его лбу и щеке. Из яиц вылуплялись личинки.

Ему снилась Кестрел. Ему снилась Риша.

Ему снилось, что Кестрел превратилась в Ришу, а солнце стало луной, но он не мог понять, что его ослепило: свет или мрак.

Рана воспалилась. У Арина началась лихорадка.

«Люди не смотрят на рабов», — сказал Арин. Кестрел же начала присматриваться к своим очень внимательно и наконец остановилась на одной кандидатуре. Эта женщина на самом деле была не рабыней, а нанятой служанкой, валорианкой, избранной, чтобы быть горничной Кестрел. То, что тебе прислуживают представительницы твоего же народа, было признаком высокого положения. Сами же валорианские горничные получали достойную плату, а их голубые платья имели белую окантовку.

Кестрел не помнила имени женщины. Но та была примерно одного с ней размера и роста. Она подойдет.

Однажды утром, вскоре после приема в императорской галерее, Кестрел устроила так, чтобы оказаться с горничной наедине и опрокинула на нее стакан воды.

— Прошу прощения! — воскликнула Кестрел. — О, я такая неуклюжая.

— Все в порядке, миледи, — ответила взволнованная женщина. — Это всего лишь вода.

— Но вода очень мокрая. Вам, должно быть, неприятно. Ну-ка, переоденьтесь в это.

Кестрел предложила горничной одно из своих платьев, которое заранее старательно выбрала: оно было простого кроя, без оборок, однако сшитое из богатой ткани.

— Что вы, — отказывалась служанка.

— Переодевайтесь. И оставьте его себе. По-вашему, мне будет его жалко? Нет, вы оскорбите меня, если действительно будете так думать. Давайте же, можете воспользоваться моей гардеробной.

Горничная по-прежнему не соглашалась, но Кестрел настойчиво вложила платье ей в руки. Выражение лица женщины изменилось. Кестрел наблюдала за мыслями служанки: даже если та будет работать целый год, она все равно не сможет позволить себе такого платья. Оно было сокровищем. Она сможет носить его и выглядеть великолепно. Или она может продать его. Оно было пошито из бархата. За него дадут хорошую цену.

Служанка отправилась примерить платье Кестрел.

Когда она вернулась в гостиную, Кестрел увидела, что ей едва хватает самообладания, чтобы не начать кружиться в водовороте юбок.

— Оно прекрасно подходит, — сказала женщина. — Вы уверены, что я могу оставить его себе?

— Разумеется.

Кестрел забрала у служанки ее рабочее платье.

— Ой, я должна вернуть свое рабочее платье экономке.

— Я о нем позабочусь.

— Но я не могу позволить вам...

— Я настаиваю.

Кестрел улыбнулась. Позже она принесет свои извинения экономке. Объяснит, что понятия не имеет, куда дела это платье. Возместит его стоимость.

Когда служанка ушла, Кестрел отнесла мокрое рабочее платье в свою спальню и высушила его перед очагом. Она спрятала его в шкафу с летней одеждой, который не будут открывать еще два сезона.

Возможно, именно эта служанка рассказывала обо всем Верексу — или, что было бы еще хуже, капитану дворцовой стражи или императору. Но Кестрел не считала, что обмен

платьями покажется кому-либо достойным внимания. Это был всего лишь каприз доброй госпожи.

* * *

Кестрел дожидалась вечера, когда не была бы приглашена ни на какой прием. Такой случай выдался нескоро. Во дворце постоянно проходили званые обеды, вечерние игры и дружелюбные бескровные дуэли на мечах, которые устраивали для аплодирующей публики. Невеста принца должна была посетить все мероприятия до единого.

Губернатор Герана же, судя по всему, подобного давления не испытывал.

Арин не приходил никогда. С тех пор как она видела его в картинной галерее, прошло более недели. Кестрел не смела спрашивать о нем. Когда однажды она поверх голов толпы придворных встретила взглядом с Тенсеном, тот покачал головой.

Пока у нее не появится для Тенсена информация, она будет держаться в стороне — особенно после того, что произошло в прошлый раз. Кестрел все еще явственно помнила, как впился ей в кожу ноготь императора.

Он не выполнил свою угрозу — по крайней мере, так она думала. Но его настроение ухудшилось. Это сказалось на всем дворе. Кестрел была не единственной, кто почувствовал облегчение, когда однажды вечером никто не был приглашен на званый ужин или на прием у императора. Во дворце воцарилась атмосфера праздника. Стали ходить слухи о любовниках, которые ждали возможности обменяться в лабиринте Зимнего сада морозным поцелуем. Некоторые придворные клялись, что заберутся в свои постели пораньше, подложив к ногам горячие кирпичи.

У Кестрел были собственные планы. Этим вечером она стерла со лба отметину помолвки и завязала волосы шарфом. Затем она надела грубое, белое с синим, рабочее платье и нашла пару удобных туфель.

Увидев себя в зеркале, она помедлила. Ее лицо казалось каким-то маленьким и слишком бледным.

«Ты ослушалась меня», — услышала она слова императора.

«Слова "нет" больше не существует. Есть только "да"», — в один голос сказали ее отец и капитан стражи.

Но...

«Ты не такая», — произнес Арин. А потом она услышала собственный голос, выкрикивающий ставку на торгах, чтобы купить его. Она услышала спокойные размеренные интонации, которые использовала, чтобы убедить императора отравить лошадей. Внутри нее поднялось чувство вины.

Кестрел покинула свои покои. Она шла быстро, опустив голову.

Леди Кестрел никто не видел. Аристократы в коридорах на нее не глядели. Слуги обращали на нее больше внимания, но видели кого-то знакомого, кого узнать, тем не менее, не могли. Это было вполне обычно во дворце, где работали сотни слуг и рабов.

Она была всего лишь служанкой. Даже если ее походка могла показаться несколько горделивой, на это не обратили внимания. Пусть иногда она терялась в крыле для слуг, это приняли за неопытность новенькой.

Служанка завязала шарф потуже и вышла из дворца через один из кухонных дворишков. Она проходила мимо стражников, которые не обращали на нее внимания. Хотя женщинам,

не принадлежавшим к армии, в одиночку ходить не полагалось, едва ли кого-то волновало, что служанка нарушила правила. Она не стоила того, чтобы ее заметили.

Кестрел вышла в замерзший город.

* * *

— Наконец-то, — сказал Тенсен. — Свободный вечер. — Он обратился к Арина, лежавшего на диване у камина гостиной, оценивающий взгляд. — Ты выглядишь лучше. Почти готов выйти в общество.

— Сомневаюсь.

— И все же, у тебя больше нет лихорадки, верно? И отек на лице спал. Ты больше не выглядишь таким опухшим. Еще одна ночь отдыха, Арин, и потом снова в бой. Ты не сможешь постоянно избегать двора. Кроме того, его реакция о многом скажет.

— Да, придушенные вздохи и открытое презрение окажутся весьма информативными.

— Ты вызовешь волнения. Они пойдут нам на пользу. Они поднимут всевозможные слухи, догадки... и даже немного правды.

— Я удивлен, что нужен тебе для этого. Я полагал, что у тебя есть идеальный источник информации. Где твоя Моль, Тенсен?

Министр ничего не ответил.

Арин встал и подошел к камину. Он ощущал слабость из-за лихорадки, и его движения были слишком резкими. Сердце пламени было таким же алым, как и рубин на рукояти кинжала, который Арин носил в сапоге.

— По-прежнему ни слова о том, кто устроил засаду?

Тенсен пожал плечами.

— Император недоволен. Я могу себе представить почему. Ты жив, а тот, кто на тебя напал, мертв.

— У нас нет доказательств, что за этим стоял император.

— Эмблема дворцовой стражи на мертвце — недостаточное для тебя доказательство?

— Если за этим стоял император, почему он ничего не делает? Ничего не говорит?

— Я полагаю, — ответил Тенсен, — что он не хочет признавать неудачу. — Он прищурил свои зеленые глаза. — Что заставляет тебя думать, что за всем этим стоит не император? У тебя есть другие враги, о которых я не знаю?

— Нет. Это был он.

— Значит, ты просто в настроении поспорить.

— Порой со мной такое случается.

Тенсен встал с кресла.

— Пойду-ка я посету художественную галерею.

— Ты часто туда ходишь.

— Пятнадцать лет назад, на геранском театральном фестивале, я как-то сыграл ценителя искусств. Привычка — вторая натура.

— Значит, тебе нравится смотреть на прекрасные диковинки императора.

Положив ладонь на дверную ручку, Тенсен помедлил и обернулся к Арину:

— Ты можешь мне не верить, но таким, каким ты выглядишь сейчас, некоторые начнут уважать тебя больше. Император еще пожалеет о том, что оставил на тебе эту отметину. Завтра будь готов, Арин. Пришло время тебе покинуть эти покои. Ты поправился, и у тебя

больше нет причин избегать двора.

Еще долгое время после ухода Тенсена Арин раздумывал над словами министра. Ему на ум пришли лихорадочные сны, которые он почти не помнил, хотя во время болезни они наполняли его безымянной необходимостью. Тревогой.

В сапоге Арина были ножны, а в ножнах — кинжал Кестрел с засохшей в желобке кровью.

В городе была таверна, а в таверне — счетовод, хранившая у себя книгу учета ставок.

Арин надел зимнюю куртку, убедился, что при нем все, что нужно, и отправился в город.

Бодрящий холод щипал Кестрел за щеки и гонялся за ней по спускающимся вниз улицам. Девушке хотелось смеяться. Дворец на высоком холме остался позади, а Кестрел пробиралась через богатый квартал города, с его надменными домами и ослепительными масляными лампами. На мощеных улицах лежали мраморные полотна льда. Экипажи двигались медленно, но Кестрел не задерживалась. Она спешила как можно быстрее покинуть этот район.

Ей нужны были узкие грязные улицы Теснин и рыбный запах верфи. Туда Кестрел и направилась.

«Я хотел почувствовать себя свободным», — сказал ей однажды Арин в Геране. Кестрел вдыхала холодный живой мороз и чувствовала себя свободной и живой.

Она гадала, что будет, если она больше никогда не вернется во дворец.

Обхватив себя руками, она вошла в более мрачный городской квартал. Фонари здесь попадались редко, а вскоре и вовсе пропали. Кестрел выбирала те дороги, которые шли под уклон, потому что они вели к морю. Улицы стали переплетаться в густую сеть — начались Теснины.

Она отступила в сторону, когда в укрытие теней скользнул кот. Холод здесь шумел. Его звон отражался от битком набитых зданий. Он треснул от грохота распахнувшейся двери таверны. Кестрел увидела вывеску, на которой была изображена сломанная рука, и затем наблюдала, как мужчина, судя по виду, валорианец, спотыкаясь, вышел наружу и его вырвало прямо на улицу. Он поднял голову, вытер рот и осоловело уставился на Кестрел, на самом деле ее не замечая.

Затем он прищурился. Взгляд его замутненных глаз медленно сфокусировался.

— Я тебя знаю? — спросил он.

Кестрел поспешила прочь.

* * *

— Ты плохо выглядишь, — сказала женщина-счетовод. Она сидела, засунув руки в карманы брюк и положив ноги на стол, и изучала Арина поверх стальных носков ботинок.

Для такого времени суток в «Сломанной руке» было слишком людно. Однако к берегу причалил корабль, и моряки уже напились. В углу несколько валорианских солдат спорили над игрой в «Клык и Жало».

Тем не менее, счетовод была спокойна: она с невозмутимым видом отклонила стул на задние ножки и выжидаяще курила, наблюдая за открывшейся картиной. Люди сами к ней подходили.

— Хочешь сделать ставку? — спросила она Арина. Счетовод была приблизительно его возраста или же немного старше и не могла похвастать чистотой валорианской крови. Цвет ее распущенных волос, довольно редкий, валорианцы называли воинственно рыжим, но плоское лицо с черными глазами и светло-коричневая кожа говорили о наследии севера.

Арин улыбнулся, отчего швы на его лице болезненно растянулись.

— Чего я хочу, — сказал он, — так это одно слово.

— Всего лишь? Ты показался мне одним из тех, кто хочет больше, чем им положено.

Отметина на твоём лице ещё свежая.

— Я хочу увидеть ставки.

Счетовод выдохнула облачко дыма.

— Я была права. Ты сумасшедший. Я никому не показываю ставки... разве что, когда меня очень хорошо попросят.

— Я могу хорошо попросить.

Женщина кивнула на пустой стул возле себя.

Арин сел.

— Я могу поделиться информацией.

Счетовод пожала плечами.

— У меня нет причин доверять ей.

— Я мог бы работать на тебя.

— То, что мне нужно, не в твоих силах. В моём деле есть место только мне. Разумеется, у меня есть вышибалы, которые напоминают людям, что пора платить. Ты бы подошел. Но — без обид — это не стоит того, о чем ты просишь.

Арин помедлил, а затем сунул руку в карман. Он раскрыл ладонь. В ней лежала изумрудная серьга, камень которой был размером с птичье яйцо. Серьга принадлежала его матери.

— Это подойдет? — спросил Арин.

* * *

К тому времени как Кестрел вышла к верфи, её радость по поводу холода испарилась. На девушке было столько слоев одежды, сколько ей удалось скрыть под рабочим платьем, однако, приближаясь к дому капитана порта, она дрожала. Под её ногами хрустели камешки и раковины устриц.

Вход в дом был расположен со стороны моря и выходил на освещенную факелами набережную. Кестрел держалась теней позади здания. Она слышала, как шутят моряки, которые входили, чтобы отметить в журнале капитана порта. Тот записывал всех, кто входил в гавань или покидал ее: моряков, которые спускались на берег в увольнительную, и корабли, бросавшие якорь. Также он помечал, откуда корабли приплыли и какие товары привезли.

В его журнале должно быть то, что Кестрел хотела узнать о судне главы Сената. Тот не привез из своего путешествия на южные острова никаких даров своей дочери. Возможно, он был скуп или злился на Марис... или же его корабль не привез вообще ничего, что было бы действительно странно, так как главной причиной плавания на южные острова были местные товары.

Что, если глава Сената не посещал острова? Он мог направиться в другое место, где солнце зимой тоже было жарким, достаточно жарким, чтобы затемнить его кожу. Что, если он побывал на самой южной оконечности Геранского полуострова, где рос печной орех? Кестрел вспомнила, как Арин тревожился за урожай и за то, какую его часть заберет император. Возможно, глава Сената втайне оценил, чего урожай будет стоить.

Кестрел дождалась, пока моряки покинут дом и минуют изгиб набережной, за которым начинался город. Затем она нащупала на земле камень с вкраплениями крошечных ракушек, взвесила его в руке и разбила заднее окно дома капитана порта.

Из дома раздался грохот: стул, который был отклонен на задние ножки, опустился на все четыре.

Шаги тяжелых ботинок. Скрип петель побитой погодой двери. Приближающиеся по камням шаги.

Кестрел могла не сомневаться, что капитан порта обнажил кинжал. Она тоже вытащила свой. Она выбрала самые простые ножны, которые у нее были, и обернула рукоять с драгоценными камнями шарфом, но ей казалось, что даже через ткань на нее все равно направлен колющий взгляд алмазов.

Капитан порта обошел угол дома. Это был крупный мужчина — бывший солдат, как и все капитаны портов. Он держал в руке меч, а не кинжал. И девушку пока не видел.

Если Кестрел сделает хоть один неверный ход, она проиграет. Драка с этим мужчиной будет обозначать смерть... или арест. Ее заставят предстать перед императором.

Ее попросят объяснить.

Кровь Кестрел похолодела. По жилам побежали ледяные морские воды.

Она подняла еще один камень и бросила его в тени. Он упал в стороне.

Капитан порта интуитивно повернулся, чтобы посмотреть, что произвело звук.

Кестрел ударила его рукоятью кинжала по затылку.

* * *

Счетовод присвистнула.

— А ты умеешь удивить девушку. — Она прикоснулась к изумруду в ладони Арина. — Откуда мне знать, что он настоящий?

— Тебе придется рискнуть. Мое предложение в силе только сегодня. Возьми камень и предоставь то, что мне нужно... или усомнись во мне, и я уйду.

Он сжал серьгу в кулаке. Арин знал, что счетовод жаждет увидеть камень снова. Судя по ее виду, она испытывала к изумруду те же чувства, что и он.

— Серьги обычно в парах, — сказала женщина. — Где вторая?

— Утеряна.

— У тебя есть еще подобные сюрпризы?

— Нет.

Ее черные глаза сверкнули в свете свечей. Несмотря на то что, с тех пор как они начали этот разговор, в «Сломанной руке» стало еще более шумно, Арину показалось, что все вокруг стало очень спокойным, будто все звуки кто-то приглушил, а весь мир задержал дыхание, дожидаясь решения женщины-счетовода. Арин отчаянно надеялся, что она скажет «да». Он столь же отчаянно хотел, чтобы она сказала «нет».

— Давай ее сюда, — сказала женщина.

Сначала рука Арина не шевельнулась. Затем он медленно ослабил свою хватку на украшении. Позволил серьге со сверкающим зеленым камнем выскользнуть из ладони. Он хватался за воспоминание кончиками пальцев: лицо его матери в ночи и зеленые звезды-близнецы по бокам. Она положила ладонь ему на лоб и благословила его сны. Затем она отстранилась, и Арин раскрыл свою ладонь и уронил серьгу в ожидающие руки счетовода.

* * *

Кестрел тащила бессознательное тело капитана порта. Мышцы ее рук горели, а больное колено протестующе вопило, но Кестрел упиралась каблуками в гальку и тянула, пока мужчину не скрыли темные тени позади дома. Частое дыхание обжигало горло. Оказавшись в доме, она заперла дверь и подошла к письменному столу, где лежал открытый журнал.

Девушка отвернула страницы, обращаясь к записям начала зимы. Она нашла корабль главы Сената — «Марис».

Место отправки: южные острова. Товары: прочерк.

Кестрел выпустила страницу, и та улеглась на свое место.

Она ошиблась в своем подозрении, что глава Сената путешествовал в Геран вместо южных остров. Перед ней было доказательство.

В чем еще она могла ошибиться? Ее сердце пустилось в галоп; девушка испугалась за себя, за свой выбор, за свою уверенность. Один удар сердца обгонял другой, будто переворачивающиеся страницы книги.

Чего стоит ее ложь Арину, если она не может разглядеть истину? Она думала, что знает, как будет лучше для Арина. Возможно, больше всего она обманывала саму себя.

Но затем...

Кестрел снова принялась листать журнал.

Что, если глава Сената соврал капитану порта? Что, если капитан порта соврал своей книге?

Кестрел открыла последние записи. Корабль «Марис» сейчас стоял в порту. В журнале был отмечен номер причала.

Девушка оставила книгу открытой на той же странице, на которой нашла ее. Она шарил по ящикам стола до тех пор, пока не нашла кошелек с серебром. Забрав его, она полностью вытащила ящик и вывалила его содержимое на пол.

«Вы слышали, на капитана порта напали? — будут говорить городские стражники. — Мелкая кража».

Кестрел покинула дом и направилась к причалу.

* * *

— Ты же понимаешь, — сказала счетовод, убирая в карман изумруд, — что ты не сможешь делать ставки, после того как заглянешь в мою книгу. Уж у меня-то точно. — Теперь она стала серьезнее, направив все свое внимание на дело и опустив стул на четыре ножки. Она извлекала из внутреннего кармана жилета тонкую книгу. — Хочешь увидеть что-то конкретное?

— Покажи мне ставки, касающиеся свадьбы.

Счетовод приподняла бровь, и Арин задался вопросом, уж не знает ли она, кто он. Женщина нашла нужный список и протянула книгу Арину, держа палец на развороте.

Ставки на этой странице относились к свадебной ночи. Они были весьма подробными. Игроки демонстрировали такую широту любопытства и воображения, что Арин уже пожалел о своем интересе.

— Не это, — сказал он. — Я имел в виду не это. Я хочу увидеть ставки на платье.

Теперь счетовод приподняла обе брови, и на ее лице отразилась презрительная скука. Она перевернула несколько страниц и снова протянула Арину книгу.

Арин увидел ставку, которую сделал глава Сената. Запись находилась между несколько

другими. Многие ставили на тот же цвет, который выбрал глава Сената — красный, — но никто не пытался угадать количество пуговиц, форму выреза, длину шлейфа, стиль ножен...

Арин снова взгляделся в страницы. Кое в чем он ошибся. Он просмотрел записи слишком быстро в поисках имени главы Сената и, пытаясь прогнать воспоминание о предыдущих ставках, которые ему показала счетовод. Теперь же он увидел, что чиновник был не единственным, кто так подробно описывал платье невесты. Еще один человек сделал такую же ставку, и совсем недавно.

Арин указал на имя.

— Кто это?

Счетовод заглянула в свою книгу.

— Дворцовый инженер. Она работает с водой. Водопроводы, каналы и все тому подобное.

Арин закрыл книгу и отдал ее обратно.

— Все? — спросила счетовод.

— Да, — ответил Арин и добавил: — Если хочешь совета, то правильная, именно эта ставка.

Счетовод подтянула к себе ногу, поставив сапог на сиденье стула. Она уперла локоть в колено, положила подбородок на кулак и посмотрела на Арина.

— По-моему, ты мне переплатил. Как насчет того, чтобы я вернула тебе сдачу, перед тем как ты уйдешь?

* * *

По верфи ходили моряки. Кестрел держалась поодаль, растирая руки, чтобы согреть их. Пирс тянулся в даль черного зеркала моря, и о борта больших торговых кораблей, что стояли на якоре у причала, плескались волны.

Кестрел следила за одним кораблем. Она увидела, как несколько моряков спустились с «Марис» на пирс, радуясь увольнительной на берег, но девушка позволила им пройти мимо.

Вскоре она высмотрела подходящую жертву. Этот моряк шел один, и его щеки были красными от холода и выпивки. Его радостная походка была не совсем уверенной. Он что-то напевал.

— Эй, моряк, — позвала Кестрел, когда он проходил мимо, — не хочешь сыграть в карты?

Он остановился, и Кестрел увидела, что на самом деле он не был пьян. Его глаза оказались вполне ясными, а на лице отражалась смесь дружелюбия и хитрости. Моряк потянулся в карман куртки за трубкой, и по тому, как медленно и внимательно он забил ее табаком, девушка поняла, что он будет непростым противником.

Так она насладится игрой еще больше.

— Ну что? — спросил она. — Ты будешь играть?

Он бросил ей довольную улыбку.

— Конечно.

Они спустились с набережной на каменистый пляж, где обнаружили несколько стоящих рядом деревянных ящиков. Виднелись признаки прошлой заброшенной игры: пустая бутылка из-под вина и рассыпавшийся табачный пепел.

Кестрел села.

— Надеюсь, у тебя есть колода.

— У моряка она всегда есть.

Он сел напротив, запалил трубку, втянул через нее воздух, чтобы заставить табак заняться, и потянулся за кошельком.

Кестрел сказала:

— Давай сыграем на что-нибудь другое.

— Я ждал, когда ты предложишь.

— Попридержи коней, морячок. Ставками будут вопросы и ответы.

— А я могу задавать такие вопросы, которые спускают этих коней с привязи?

— Если выиграешь.

— Предупреждаю тебя, я играю довольно хорошо.

Кестрел улыбнулась:

— А я — лучше.

* * *

Счетовод забралась к Арину на колени. Она прижала свои колени к его бедрам, поднесла к его лицу пальцы, пахнувшие дымом, и запрокинула его голову назад. Ее черные глаза блеснули, а рыжие волосы скользнули по его щеке и прикрыли швы, охлаждая их. Арин подумал о своем обезображенном лице и о том, что сейчас он вовсе не ощущал себя таким уж безобразным.

— Я хочу сделать ставку, — сказала счетовод, наклонившись к его уху.

Арин положил руки ей на талию.

* * *

— Ты как будто разочарован, — сказала Кестрел.

Моряк бросил свои карточки поверх выигрышного набора Кестрел, разложенного на ящике.

— Я надеялся на что-то более захватывающее, чем просто сказать тебе, что да, «Марис» плавала в южный Геран около месяца назад. Почему хотя бы мой проигрыш не может быть поинтереснее?

Изо рта Кестрел вылетело белое от холода облачко смеха:

— Можем сыграть на твою куртку.

— Ох, милая, я бы предпочел пропустить то, как ты выиграешь, и сразу отдать ее тебе.

* * *

Арин поднял женщину со своих колен и бережно опустил ее на стул.

— Грустно, — сказала она, — видеть, как человек действует против своих же интересов.

Иногда ему казалось, будто он все еще принадлежит Кестрел. Арин подумал о серебре, которое она за него заплатила. Ощутил его ужасный вес. Он не мог простить ей этих денег. Они неподъемным, блестящим грузом лежали у него на сердце. Когда он в Геране узнал Кестрел получше, серебро начало тонуть в переменчивых водах. А затем теплое течение

сделало толчок. Арин всплыл. Серебро лежало глубоко на дне, и мысль о том, чтобы нырнуть за ним, была равносильна утоплению. Но иногда — особенно после перемирия, особенно в этом проклятом городе, особенно сейчас — монеты казались ближе и блестели, как драгоценный клад.

Однако Арин слышал зов крови. Он отвернулся от счетовода.

— Я знаю, что в моих интересах, — сказал он ей.

Женщина улыбнулась и снова положила ноги на стол.

— Однажды ты поймешь это лучше.

Арин встал из-за стола, вышел из таверны и шагнул в ночь.

* * *

Моряк поднялся и, взмахнув рукой, протянул ее Кестрел. Девушка позволила ему помочь ей встать. Он накинул свою куртку ей на плечи и завязал свободные полы затейливым узлом.

— Милая дворцовая служанка, не отправишься ли ты в море вместе со мной?

— Я потоплю корабль. Разве ты не видишь? Я приношу неудачу.

— Как раз такая, какая мне нужна. — Он чмокнул ее в щеку и побежал по камням к набережной. — Я замерзаю! — крикнул он, направляясь в сторону города. Он рванул вперед и начал напевать ту же мелодию, что и раньше. Он пел громко и звучно. Его голос более-менее попадал в ноты, и Кестрел с удовольствием слушала, как песня скачет по волнорезам, прерываясь вместе с дыханием бегуна.

Мелодия не была красивой. Голос, под завязку залитый спиртным, совсем не напоминал голос Арина. Но он звучал счастливо. Он наполнил Кестрел весельем, и девушка подумала о том, что можно радоваться и тому, что у тебя есть.

Кестрел получила то, что хотела. Теперь пора было возвращаться во дворец. Однако ноги не хотели нести ее обратно. На холм она едва поднималась.

Она не хотела возвращаться. В ней поднялось неповиновение и неподвижным камнем встало в горле, причиняя боль. Девушка стояла перед высоким мостом над рекой, которая спускалась с горы и петляла через город. Кестрел следовало перейти ее. Следовало сойти с противоположной стороны моста и миновать аристократический квартал с его масляными лампами, стенки которых состояли из множества небольших стеклышек в форме алмазов.

Но Кестрел осталась стоять на месте.

Она прикоснулась к кованым железным перилам, которые обрамляли реку. Холодный металл обжигал. Ведя по перилам рукой, Кестрел пошла вперед — медленно, а потом быстрее, спеша вдоль реки лишь затем, чтобы посмотреть, куда поток ее выведет... главное, чтобы подальше от того места, где ей полагалось быть.

* * *

Инженер-гидротехник. Арин пошел по узкой лестнице, которая вела прочь из Теснин. Поднявшись наверх, он повернулся и окинул взглядом город. Во тьме были разбросаны фонари — драгоценные камни на черном бархатном покрывале.

Арин прекрасно понял, что означали ставки на платье. Хотя Тенсен и сомневался в нем, Арин оказался прав: с главой Сената расплатились доходной информацией. Чиновник оказал императору услугу. Но какую?

И, если инженеру заплатили точно так же, что сделала она?

Арин услышал шум воды. Река.

Он вспомнил, что рядом находился канал, где река сужалась и становилась менее бурной. Последовательность шлюзов, спроектированных той самой женщиной.

Арин вышел к реке и направился вдоль нее.

* * *

Увидев шлюзы, Кестрел остановилась. Она восхитилась представшей перед ней системой: серией водных ворот, которые могли открываться и закрываться, поднимая или понижая уровень реки, чтобы баржи без затруднений доставляли товары.

Это изобретение было плодом деятельности острого ума.

* * *

Когда Арин вышел к шлюзам, то увидел дворцовую служанку, которая стояла к нему спиной. Это была валорианка: в бледном свете далекой лампы он рассмотрел белую окантовку голубой юбки, наполовину скрытой огромной курткой. Волосы служанка спрятала под рабочим шарфом. Она казалась маленьким сгустком теней.

Почему-то сердце Арина зашло при виде нее. Мальчик, каким он когда-то был, отражение которого иногда мелькало в зеркале, тихо произнес внутри него, что она одинока.

Что она красива.

Но перед ним была не картинка, а человек. Незнакомая валорианка, с которой он не хотел иметь ничего общего. Ее дворцовое платье напомнило Арину, сколько зла ему причинила империя.

Он приказал мальчику убираться.

Арин продолжил идти вперед. Он следовал вдоль канала, пока тот не изогнулся. Даже если он оглянется, то уже не сможет увидеть служанку.

* * *

Чем больше Кестрел всматривалась в шлюзы, тем больше чувствовала себя этой рекой. Она ощущал свои изгибы. Все то, чему не давали прохода врата. Железную ложь, которую она сама туго свернула и заперла.

Кестрел услышала шаги другого ночного бродяги. Они замедлились, но не остановились. Путник прошел мимо, и его шаги стали далеким эхом, а затем и вовсе затихли.

Ей тоже следовало уходить. Кестрел не сможет избегать дворца вечно.

* * *

Что-то заставило Арина повернуть назад. Рука какого-то бога? Он не знал. Но ноги понесли его обратно, не дав опомниться. Его тело ожило, наполнилось стремлением.

В голове Арина звенела загадка, но он ускорил шаг. Почему он испытывал такую потребность вернуться?

В дворцовой служанке, в одиночестве стоявшей на берегу канала, ничего таинственного не было. Что еще он должен в ней увидеть?

Но...

«Скорее», — твердили его ноги.

«Скорее», — торопило сердце.

Однако служанка уже ушла.

* * *

Арин стал искать ее. Там, где канал вливался в реку, а над ней в темноте изгибался мост, он вспомнил обувь служанки: это были черные дуэльные сапоги. Зачем служанке носить обувь, которая являлась частью церемониального костюма для валорианской дуэли?

Только если у нее не оказалось ничего более практичного. Перед мысленным взглядом Арина предстала очень необычная картина: безликая служанка копается в горах нарядных туфель в поисках удобной пары.

Почему ему такое представилось?

С ее кинжалом тоже было что-то не так. Служанки носили оружие, как и все валорианцы, но не оборачивали рукояти тканью. Рука могла соскользнуть. Арин не мог понять, зачем кому-то скрывать рукоять подобным образом... разве что ее вовсе не стоило показывать.

Теперь он бежал. Пот опалил порез у него на лице.

Хотя Арин и не видел рук служанки, они представляли в его воображении такими, какими он их помнил.

Он видел бледные тонкие пальцы. Вспоминал, как они тянулись к его собственным. Почувствовал, как они скользнули под его рубашку и коснулись кожи. Увидел, как они выбивали музыку из-под черных и белых клавиш, вызывали целую бурю, а затем замедляли мелодию, успокаивали ее и превращали в сон.

Когда Арин наконец увидел в темноте руку девушки, лежавшую на перилах у моста, ему показалось, что это призрак из его воображения. Пальцы служанки плясали по перилам. Они играли неслышную песню.

Он узнал эту привычку.

Узнал руку.

Арин замедлил шаг. Девушка была погружена в мысли. Она не услышала, как он подошел, а если и услышала, то не обратила внимания. Она была поглощена рекой. Музыка в ее голове. Она неотрывно смотрела во мрак.

Арин тихо приблизился, произнес ее имя и прикоснулся к холодной ладони. Он не хотел напугать ее.

Сначала он подумал, что ему это удалось. Арин почувствовал спокойствие внутри нее, перед тем как она повернулась к нему. Он почувствовал, что она узнала его. Но когда Кестрел наконец подняла на него взгляд, она отпрянула, будто не знала его. Она выхватила ладонь из его руки и взмахнула ею, будто хотела защититься от него. Загородить его от своих глаз.

Значит, он все-таки ее напугал. На ее губах замер вскрик. В глазах — ужас.

Перед ней стоял монстр. Теперь Арин вспомнил.

Он был этим монстром.

Кестрел увидела, как Арин резко отпрянул от ее руки, когда она хотела прикоснуться к нему. Ее ладонь будто опалило пламенем.

Она почувствовала на себе тот нож, который изуродовал его. Клинок вонзился в нее. Ударил по чему-то жизненно важному, и Кестрел внутренне съежилась. От шока она потеряла дар речи. Боль выдавила весь воздух из ее горла.

Арин прикоснулся пальцами к двум швам, которые длинным, прерванным у глаза рубцом протянулись по левой стороне его лица.

— Что с тобой произошло? — прошептала Кестрел.

Он прикрыл рану, но Кестрел успела заметить длину пореза. Мертвенно-бледную кожу, натянутую черными стежками. То, как шрам изменил его лицо. То, как Арин скрывал его.

— Арин, скажи мне.

Он молчал.

— Пожалуйста, — попросила она.

Арин наклонился, и Кестрел поняла его намерение только тогда, когда он вытащил из сапога кинжал.

Ее кинжал. Ее любимый кинжал, идеальный по весу и с ее гербом, вырезанным в рубине рукояти. Ее кинжал, который несколько недель назад забрал у нее император.

— Это, — сказал Арин и протянул клинок Кестрел.

«Я сожалею», — сказала она императору.

«Нет, не сожалеешь. Но будешь».

Кестрел уронила кинжал на землю.

Арин поднял его.

— Будь осторожна. Ты испортишь лезвие. Я недавно узнал, что оно очень острое. И я показал, насколько острое, дворцовому стражнику, у которого отобрал его. А я-то думал, валорианцам хватило бы мужества не нанимать кого-то постороннего, чтобы напасть на меня в темном углу.

— Арин, это была не я.

— Я и не говорил, что ты, — ответил он, но его голос был грубым и злым.

— Я бы никогда не стала.

Должно быть, Арин почувствовал, что она готова разрыдаться: кинжал, который он держал в руках, помутнел перед ее глазами. Арин заговорил более спокойно:

— Я не думаю, что это была ты.

— Почему? — Ее голос надломился и сорвался. — Я могла все устроить. Это мой кинжал. На нем мой герб. Почему ты веришь тому, что я говорю? Почему ты вообще мне веришь?

Он подошел к перилам и наклонился над ними, скрестив предплечья и свесив кинжал над рекой. Кестрел видела его профиль. Наконец он сказал:

— Я доверяю тебе.

— Не стоит.

— Я знаю, — пробормотал он.

Кестрел услышала в его голосе напряженность, и он понял это, судя по тому, как его глаза дернулись в ее сторону. Он встал в позу, выражающую намеренное безразличие.

— Если думать логически, — небрежно произнес Арин, — то идея, что ты наняла кого-то, чтобы убить меня, не имеет смысла. Я не могу понять, каким был бы твой мотив.

— Возможно, я хотела положить конец слухам.

— Как жаль. Мне они нравятся.

— Не шути. Ты должен винить меня. Должен.

Арин покачал головой.

— На тебя это не похоже: отправлять кого-то другого, чтобы он сделал за тебя грязную работу.

— А вдруг я изменилась.

— Кестрел, почему ты пытаешься убедить меня в своей виновности?

«Потому что вина моя», — хотела ответить Кестрел.

— Мгновение назад ты настаивала, что никакого отношения к нападению не имеешь, — сказал Арин, — и это вполне похоже на правду. Не хочешь рассказать мне, почему император забрал у тебя кинжал? Кого он хотел наказать с его помощью? Только меня... или и тебя тоже?

Кестрел не могла произнести ни слова.

— Я мог бы даже почувствовать себя польщенным, — сказал Арин, — если бы лесть императора не причиняла столько боли.

Он выпрямился и снова протянул Кестрел кинжал.

— Нет, — резко ответила девушка.

— Клинок ни в чем не виноват.

Кестрел сглотнула боль. Сглотнула чувство вины, стыд и доверие.

— Если ты отдашь мне этот кинжал, я выброшу его в реку.

Арин пожал плечами, убрал кинжал обратно в сапог и повернулся к Кестрел лицом. Порез изгибался на его щеке, будто в полуулыбке, но его губы не шевельнулись, пока Кестрел на него смотрела.

— Уверен, мой новый образ завораживает во всех отношениях, но я не хочу больше о нем говорить. Я бы предпочел поговорить об этом. — Он указал на рабочий шарф Кестрел и провел пальцем в воздухе линию до ее черных сапог. — Кестрел, что ты затеяла?

Она забыла о том, как была одета.

— Ничего.

Арин приподнял брови.

— Это был спор, — произнесла Кестрел. — Я поспорила с дочерью одного из сенаторов, что осмелюсь ускользнуть из дворца без сопровождения.

— Попробуй еще раз, Кестрел.

Она пробормотала:

— Я устала сидеть взаперти во дворце.

— Этому я могу поверить. Но сомневаюсь, что ты сказала мне всю правду.

Арин прищурился, изучая ее. Ведя рукой по перилам, он приблизился, потянулся к воротнику куртки моряка и отодвинул ткань от шеи Кестрел.

Мир пропитался сладким ароматом и замер.

Арин наклонил голову. Швы на его лице оцарапали щеку Кестрел. Он зарылся лицом в ямку между ее шеей и воротником куртки и вдохнул. Кестрел затопило теплом.

Она представила, как его приоткрытый рот прижимается к ее коже. Как он улыбается, показывая зубы. А потом она представила, что сделает сама, как забудет себя, и мир

ускользнет и разматывается, как катушка богатой ленты. Эти образы захватили ее. Она не могла пошевелиться.

Он почувствовал, что она не движется, и замер. Он поднял голову и взглянул на нее. Зрачки его глаз были огромны.

Арин отпустил ее.

— От тебя пахнет мужчиной. — Он немного отодвинулся. — Где ты взяла эту куртку?

В ее голосе не отразился охвативший ее трепет:

— Выиграла.

— Кто стал твоей жертвой на этот раз?

— Какой-то моряк. В карты. Мне было холодно.

— Не стыдно, Кестрел?

— Нет, совершенно. — Она заставила свой голос звучать тверже. — Честно говоря, он отдал мне ее.

— Какой интересный у тебя был вечер. Сбежала из дворца. Украла куртку у моряка. Почему мне кажется, что это еще не все?

Кестрел пожала плечами.

— Мне нравится играть в карты с хорошими противниками. При дворе таких не найдешь.

— На что вы играли?

— Я же сказала — на куртку.

— Ты сказала, что он отдал ее тебе. И еще, что ты выиграла. Так что же было твоим выигрышем?

— Ничего. Мы играли на интерес.

— Чтобы ты играла на интерес? Никогда.

— Почему бы и нет? Когда-то я играла с тобой на спички.

— Верно.

Он на несколько секунд закрыл глаза, и Кестрел увидела тонкую, почти вертикальную красную линию, пересекающую его левое веко. Эта полоса оцарапала ее сердце.

Арин снова посмотрел на нее. Взгляд его серых глаз впился в ее лицо. Как и раньше, Кестрел почувствовала себя жертвой перед хищником. Арин улыбнулся. Это была ненастоящая улыбка, она перекосила левую сторону его лица.

— Я предлагаю тебе сыграть в «Клык и Жало», Кестрел. Ты согласна?

Кестрел повернулась обратно к реке.

— Будет лучше, если ты уедешь из столицы.

— Плавание по бушующему морю в полном одиночестве? Как заманчиво.

Кестрел ничего не ответила.

— Я не хочу уезжать, — произнес Арин. — Я хочу сыграть с тобой. Один раз.

Кестрел разрывалась между соблазном и мудрым выбором, и скоро она больше не могла сопротивляться первому.

— Когда? — спросила она.

— При первой удобной возможности.

У них под ногами едва ли валялась колода для «Клыка и Жала». У Кестрел будет время подготовиться... хотя она не имела ни малейшего понятия, каким образом. Ведь это была всего лишь игра. Всего одна игра.

— Хорошо, — услышала она свой ответ.

— Победитель получает все, — сказал Арин.

Кестрел взглянула на него.

— Ставки?

— Истина.

Кестрел не могла на это согласиться. Она не могла даже сказать «нет», ведь тогда она бы признала, что не может рассказать ему правду.

— Она для тебя не слишком заманчива? — спросил Арин. — Ладно. Может быть, такая ставка недостаточно высока для тебя. В этом все дело, верно? Чтобы получить от меня правду, тебе надо только спросить. Ты знаешь это. Тебе незачем играть на то, что ты можешь получить и так. — Он смерил ее взглядом. — Кестрел. Ты что-то скрываешь. И я хочу узнать что. Давай договоримся так. Если ты выиграешь, я выполню любую твою просьбу. Если ты прикажешь мне уехать из столицы, я уеду. Если пожелаешь, чтобы я больше никогда с тобой не говорил, я не буду. Назови свою цену. — Арин протянул ей руку. — Дай мне слово, что отплатишь мне честно. Слово чести валорианки.

Кестрел пыталась не смотреть на протянутую ладонь Арина. Она плотнее запахнула воротник куртки, чтобы защититься от холода.

Проиграть было невыносимо. Но если она выиграет... Она сможет отправить Арина домой. Так будет лучше. Ему стало опасно здесь оставаться. Слишком тяжело для нее самой.

— Кестрел. — Он прикоснулся к ее голому запястью и медленно скользнул пальцами в тепло широкого манжета куртки, где бился ее пульс. — В последний раз, — попросил он.

Ладонь Кестрел расслабилась, будто ей не принадлежала. Пальцы раскрылись и соединились с его.

Внезапно ей показалось, будто внутри нее появилась пустая комната, куда теперь хлынули все ее желания. Они столпились вместе в пышных юбках из тонкого шелка, которые терлись друг о друга.

— Да, — прошептала Кестрел.

Глаза Арина в темноте зажглись. Его рука была горячей.

— Поклянись.

— Валорианцы дорожат своим словом.

— Пойдем.

Он потянул ее к спускающемуся вниз переулку.

— Сейчас?

— Или ты предпочтешь играть во дворце? Как думаешь, где будет лучше, в твоих покоях или в моих?

Кестрел выпустила его руку и потерла ладонь, пытаясь заставить себя забыть его прикосновение.

Он наблюдал за ней, и выражение его лица изменилось.

— Мы сыграем позже, — сказала Кестрел, и в этот момент поняла, что, может, она согласилась просто ради удовольствия сыграть с ним или ради отравленного приза — возможности выслать его из столицы, — но какая-то малая часть ее приняла его предложение из-за предательской надежды проиграть. — Позже, — повторила она.

— Нет. Сейчас.

— Не можем же мы бродить по Теснинам, пока нам не попадется колода карт.

— Не беспокойся, — сказал Арин. — Я знаю подходящее место.

Арин не был уверен, что лихорадка покинула его полностью. Он находился в иступлении.

В смятении.

Он вел Кестрел обратно в Теснины. Его шаг был длиннее. Он пошел с Кестрел в ногу... а несколько мгновений спустя уже снова практически бежал.

Арин больше не знал, что существует на самом деле. Что реально? Отвращение на лице Кестрел, когда она только увидела его? Но затем на нее упал луч света фонаря, и Арин заметил потрясение и печаль.

Или это ему только показалось. «Ты видишь то, что хочешь видеть», — сказал ему Тенсен.

Когда Арин отогнул воротник той украденной (взятой на время, выигранной?) куртки от шеи Кестрел, в воздухе между ними будто вспыхнула искра. Разве не так? Но потом Кестрел превратилась в камень. Как тогда на балконе, в первую ночь. Наверное, искры были только у Арина в голове. Возможно, они были подобны тем искрам, что сыпятся из глаз, когда тебя ударят в лицо.

Арин не лгал, когда сказал, что доверяет Кестрел. Но это доверие всегда лежало внутри него тяжелым камнем. В доверии ей не было смысла. Арин мог назвать множество причин. Его доверие было глупостью. Болезнью. Арин сам полностью не понимал его природы. Он даже не был уверен, что это упрямое стремление исходило от настоящей надежды, а не от привычки попрошайки, который так и заснул с рукой, протянутой за мелкими монетами.

Арин быстро оглянулся через плечо. Кестрел бросала на узкий переулок вокруг обеспокоенные взгляды: на помой и мусор в канаве, колеблющийся свет фонарей из игорных домов, разваливающиеся лестницы. Опасные на вид пятна льда под ногами.

Она поймала его взгляд и поправила рабочий шарф, чтобы прикрыть лицо, будто Арин был незнакомцем. Будто не знал, кто она, и его могла обмануть ее маскировка.

Маскировка! Арин замер на месте и восхитился тем, как Кестрел выглядела в платье служанки. Ее яркие волосы были спрятаны, открывая лицо и чистый лоб. Она смыла ту проклятую метку.

Он испытал непонятное оживление. Почти головокружение. Оно наполнило его легкие и пришпорило пустившееся вскачь воображение, которое создавало фантазии, показывающие, насколько далеко зашел его разум.

Арин представил, что Моль Тенсена — это Кестрел.

Да, усмехнулся он, так все и есть. Это все объясняет.

Пораженный своей способностью к самообману, Арин рассказал себе коротенькую нелепую историю. Намеки Тенсена на то, что Моль — Риша, были всего лишь намеками. Тенсен ничего не говорил прямо. А Кестрел находилось в прекрасном положении, чтобы собирать информацию для куратора шпионов Герана, не так ли? Любимица двора. Дочь генерала. Приближенная императора. Невеста его сына. Тенсен никогда бы не рассказал Арину, что источник информации — она.

Все прекрасно сходилось. И только посмотрите на нее сейчас. Платье служанки. Эта куртка. Какая-то загадка во взгляде. О да. Из Кестрел получилась бы великолепная шпионка.

И давайте не будем забывать то испорченное платье, которое описывала Делия.

Разорванные швы, рвота и грязный подол.

Разве это не похоже на Кестрел — рисковать собой?

Ради чего? Герана?

Ради Арина?

О боги лжи и безумия! Арин сошел с ума.

Он рассмеялся вслух.

* * *

Кестрел тоже остановилась. Она видела, как его лицо осветилось странным, жестким весельем, еще до того, как он засмеялся.

— Арин, — произнесла она, — в чем дело?

— Ни в чем. — Все еще улыбаясь, он встряхнул головой. — Во всем. Я не знаю.

— О чем ты?

— Просто шутка. Глупая шутка. Неважно. Не обращай внимания.

Ей не хотелось выведывать. Не хотелось снова услышать тот безрадостный смех.

Они сделали еще несколько шагов под деревянными табличками, что висели над дверями различных заведений, подобно неподвижным знаменам. Когда Кестрел поняла, куда Арин ведет ее, она остановилась. Она уставилась на таверну под изображением сломанной руки на противоположной стороне улицы. Это оттуда вышел тот пьяный лорд, который почти узнал ее.

— Мне нельзя туда.

— Для тебя недостаточно роскошно?

Глаза Арина все еще блестели сатирическим светом.

— Кто-нибудь может узнать меня.

— Вряд ли.

— Неужели простая одежда настолько меня изменила?

Она услышала в своем голосе высокомерную нотку и смутилась.

— Кестрел, я могу заподозрить, что ты считаешь себя слишком высокородной, чтобы войти в «Сломанную руку». Или что ты боишься проиграть мне, что вполне понятно.

Она бросила на него сердитый взгляд и шагнула вперед.

Таверна бушевала шумом и светом. Здесь были толпы людей. Воздух загустел от табачного дыма, мясного запаха дешевых свечей на сале и влажной дрожжевой смеси алкоголя и пота. Кестрел шла сквозь толпу.

— Ты знаешь, куда идти? — с весельем в голосе сказал Арин ей на ухо.

Кестрел продвигалась вперед. Около барной стойки дышать стало легче, но, приблизившись, она увидела трех растрепанных пьяных придворных, которые громко шумели. Одного из них Кестрел знала по имени. Он занимал высокое положение и был в числе приближенных к императору на приеме в Зимнем саду.

Кестрел опустила голову, опасаясь быть узнанной.

Но она не успела. Взгляд придворного упал на нее... и скользнул дальше. Он не заметил ее, по крайней мере, не увидел ничего, что стоило бы его внимания. Один из его товарищей рассмеялся его шутке. Сенатор отвернулся к нему.

Они весело потребовали еще выпивки, и никто из них больше не взглянул в ее сторону.

— Ты остановилась, — пробормотал Арин Кестрел на ухо.

С готовым выскочить из груди сердцем Кестрел повернулась к Арину так резко, что столкнулась с ним. Он поймал ее за плечо.

— Я ухожу, — сказала она.

— Ты обещала. Одна игра.

— Не здесь. Не сейчас.

Хватка Арина усилилась.

— Значит, ты сдаешься. Я выиграл.

Биение пульса в ушах изменилось. Ее сердце ускорилося от его прикосновения. Она стояла перед соблазном и перед... чем-то еще, что, наверное, было более мудрым вариантом, если бы она не забыла каким.

Это что-то еще изменило форму, затвердело внутри Кестрел. Оно настаивало на «да», изгоняло «нет» и называло Кестрел трусихой. Оно взялось за руки с соблазном.

— Я никогда не сдаюсь, — сказала Кестрел. Арин улыбнулся. Она повела его в дальний угол, где стояло несколько столов. Все были заняты. За самым дальним от сенаторов столом сидели двое валорианских торговцев. Кестрел подошла к ним.

— Уступите нам свои места, — сказала она и уронила на стол кошелек, который украла у капитана порта. Торговцы посмотрели на кошелек, потом на нее и решили пить стоя. Они забрали кошелек и ушли.

— Грубо, но действительно, — признал Арин, когда Кестрел уселась спиной к придворным. Арин остался стоять. Девушка ожидала, что он скажет что-нибудь насмешливое. То металлическое веселье еще не до конца покинуло его, но смягчилось, пока они пробирались через толпу в таверне. Арин выглядел каким-то усталым, будто бегун, который только что пробежал дистанцию. Какая бы мысль ни овладела им в переулке, эта мысль оставила его... если не до конца, то почти. Кестрел больше не видела ее отражения на его обезображенном лице.

На его милом лице, которое она так любила. Как оно могло нравиться ей еще больше из-за шрама? Что за человек мог видеть чужое страдание и чувствовать, как сердце раскрывается еще шире, с еще большей готовностью, чем раньше?

С ней было что-то не так. Почему ей хотелось прикоснуться к порезу и назвать его красивым?

Арин на нее больше не смотрел. Его что-то отвлекло.

Кестрел проследила за его взглядом и увидела рыжеволосую женщину с черными глазами, которая холодно смотрела на Арина. Выражение его лица не изменилось, но что-то внутри него дернулось. Кестрел почувствовала это. Ее сердце сжалось.

Когда Арин снова обратил свое внимание на Кестрел, она изучала щербатую поверхность стола.

— Я пойду раздобуду колоду карточек, — сказал он. — И вина. Принести вина?

Ее ответом должно было стать решительное «нет». Кестрел нуждалась в ясности сознания для игры, которую она не должна была — не могла — проиграть. Но внезапно она почувствовала себя очень жалкой и поняла, что нервничает с тех пор, как Арин нашел ее у реки. Она ответила «да».

Он помедлил, будто хотел разубедить ее, а затем отошел от стола.

Его поглотила толпа. Кестрел не видела, куда он направился.

Арин не хотел оставлять ее надолго. Она привлечет к себе внимание. Таковой была ее природа. Но когда он вернулся с вином и набором для игры, Кестрел сидела в молчании и одиночестве: тишина вокруг нее была почти зловещей посреди бушующей таверны.

Он увидел ее раньше, чем она его. Он увидел, как она печальна. Арин понял, что именно это привлекло его внимание у канала, когда он посчитал ее безымянной служанкой: ощущение, будто эта незнакомка потеряла что-то для нее настолько дорогое, как и то, что потерял он сам.

В своем сознании Арин уже проиграл Кестрел в «Клык и Жало» и позволил всем своим вопросам уйти.

Он произнес: «Скажи, чего ты хочешь».

А она ответила: «Уезжай из города».

Она сказала: «Забери меня с собой».

Кестрел подняла голову. Встретившись взглядом с ее глазами — светло-светло-кариими, почти золотыми, — Арин понял, что он глупец. Тысячу раз глупец.

Он должен остановиться. Эти сны наяву причиняли боль. Почему он позволял себе такие фантазии? Они все искажали. Сейчас Арин испытал стыд, вспомнив, как притворился, пусть даже на мгновение, что Кестрел была Молью. Он изгнал эту милую маленькую ложь из своей головы. Зарекся когда-либо еще так думать. Такие мысли разрывали его на две части, подобные тому, каким было его лицо: одна сторона — невредимая, а другая — изуродованная и пульсирующая.

Он сел, положил колоду на стол, поставил стакан и налил вино.

— Только один стакан? — спросила Кестрел.

Он протянул стакан ей.

— Мне не стоит пить. Как оно?

— Отвратительное, — ответила Кестрел, но сделала большой глоток.

Арин распечатал колоду. Кестрел взяла одну грубую деревянную карточку и покрутила ее в руках, попыталась стереть большим пальцем какое-то пятно. Арин смотрел, как она снова сделала глоток вина.

Арин вспомнил об испорченном платье, описанном Делией. Тенсен нетерпеливо отмахнулся от этой истории, показывая Арину, что искать в ней что-то зловещее нелепо. Рвота на рукаве платья? А разве придворным не нравится вино? Арин видел десятки валорианцев пьяными в стельку. Что же касается грязи на подоле и разорванных швов... любой может споткнуться. Верно, в Зимнем саду грязи нет, но Арин видел далеко не все открытые площадки дворца. В некоторые его части ему не позволялось входить. Кестрел могла упасть где угодно.

Неловкость и пьянство никак не вязались с Кестрел. Но Арин видел, как она почти осушила стакан.

«А вдруг я изменилась», — сказала она у реки.

Арин забрал у Кестрел карточку и с излишним усердием перемешал колоду. Игроки набрали раздачи.

Набор Арина был жалок. Единственным, что спасало его от неизбежного поражения, была пара мышей, но мышь считалась едва ли не самой низшей карточкой. В остальном его набор состоял из разнообразия карточек Жала, с которыми любила играть Кестрел, и играла хорошо. А он — не очень.

У Кестрел была лучшая комбинация. Арин знал. Ее лицо ничего не выдавало, но именно на это Арин и обратил внимание: на сгусток отсутствия любых эмоций. Кестрел изменилась, но незаметно. Она облачилась в энергию.

— Кестрел.

Она отложила одну карточку и взяла другую, не глядя на Арина. Он заметил — как он мог не заметить? — что теперь она избегала смотреть на него. И неудивительно. Его лицо болело. Швы зудели. Он испытывал огромное желание вырвать нити из швов.

— Посмотри на меня, — сказал он. Кестрел повиновалась, и внезапно Арин пожалел об этом. Он прочистил горло и сказал: — Я больше не буду пытаться убедить тебя не выходить за него.

Кестрел медленно добавила к своей раздаче еще одну карточку. Взглянув на нее, она ничего не сказала.

— Я не понимаю твоего выбора, — сказал Арин. — А может, и понимаю. Неважно. Ты этого хочешь. Это ясно. Ты всегда делаешь только то, что хочешь.

— Ты так считаешь?

Ее голос был ровным и бесстрастным.

Арин решил рискнуть:

— Я подумал...

У него была одна идея. Появилась уже некоторое время назад. Она ему не нравилась. Слова оставили на языке горечь, но он все думал об этом и думал, и если так и будет молчать...

Арин заставил себя снова всмотреться в карточки. Он пытался понять, от какой карточки Жала Кестрел получит меньше всего выгоды. Он отложил пчелу. И в то же мгновение пожалел об этом.

Следующей он взял из колоды одну из высших карточек Жала. Это могло бы воодушевить его, но у Арина было такое ощущение, будто он несется сломя голову к неизбежному моменту, когда Кестрел выиграет, и он спросит, чего она хочет.

— Я подумал...

— Арин?

Она выглядела обеспокоенной. Это заставило Арина решиться. Он глубоко вздохнул. Мышцы его живота превратились в железо. Его тело будто готовилось к прыжку в глубокую воду. К удару под дых. К самым сложным, самым высоким или низким нотам, которые он только мог спеть. Его организм знал, что должен выдержать это.

— Выходи за него, — сказал Арин, — но втайне будь моей.

Кестрел отдернула руку от карточек, будто обожглась. Она откинулась на спинку стула и потеряла сгиб локтя. Допив остатки вина из стакана, она продолжила молчать. Наконец сказала:

— Я не могу.

— Почему? — Арин горел от унижения и ненавидел себя за то, что спросил. Порез на щеке пылал. — Это не сильно отличается от того, что ты готова была выбрать раньше. Когда ты поцеловала меня в своей карете в Первозимнюю ночь, ты думала оставить меня своей тайной. Если ты вообще о чем-то думала. Я стал бы одним из тех особых рабов, которых вызывают ночью, когда весь остальной дом спит. Ну? Разве все было не так?

— Нет, — тихо ответила она. — Не так.

— Тогда скажи мне. — Арин проклинал себя за каждое слово. — Скажи мне, как все

было на самом деле.

Кестрел медленно ответила:

— Все изменилось.

Арин наклонил голову набок, подняв подбородок так, чтобы на его раненую левую щеку падал свет.

— Из-за этого?

Кестрел ответила таким тоном, будто ответ был очевиден.

— Да.

Арин рывком встал из-за стола.

— Кажется, мне нужно выпить.

Он пошел прочь, но потом оглянулся через плечо и сказал так, чтобы его слова прозвучали оскорблением:

— Не трогай карточки.

* * *

Кестрел не понимала, почему он так злится. Разве ему не было ясно, что рана — ее вина? И что может произойти что-то еще хуже?

Арин все не возвращался.

Кестрел размышляла над тем, чего не могла понять. Она подумала, что, возможно, Арин был ранен гораздо глубже, чем это было видно. Она вспомнила его вопрос и свой ответ. Прокрутила их в памяти еще раз.

Постепенно она начала разбираться в причине недопонимания. Ее «да» относилось к посланию императора, вырезанному на лице Арина. Арин же спрашивал о шраме, а не о том, что он обозначал. Он злился на то, каким она его видела... по его мнению.

В ее душу вцепился ужас. Кестрел не могла дождаться, когда Арин вернется. Она должна найти его. Должна объяснить ситуацию.

* * *

Арин пробился к барной стойке, чтобы попросить еще один стакан. Хозяйка таверны, валорианка, проигнорировала его. Сначала она обслужила всех остальных. Когда к ней подошли еще валорианцы, она обслужила и их тоже. Арин был почти готов сам обратиться на себя ее внимание. Голос Кестрел у него в ушах все повторял: «Да».

Поверхность барной стойки была липкой и пахла кислятиной. Уставившись на нее, Арин думал об изумрудной серьге и о том, как она блестела, будто была зачарованной. Сарсин нашла ее в густом ковре с узорами, который скрутили и оставили в неиспользуемой части его дома в Геране. Изумруд нашелся, как в одной из сказок про вмешательство богов. Арин поклялся, что никогда с ним не расстанется.

Но он отдал серьгу и теперь понял, что на самом деле пытался купить не информацию, а доверие. Арин больше не мог доверять самому себе. Он верил, что ставки в книге счетовода имели большое значение. Изумруд подарил ему обещание, что, если эта его вера оправдается, он снова сможет полагаться на свои предположения.

Ладони Арина тоже стали липкими от поверхности стойки. Он немного остыл и вспомнил Кестрел, которую знал в Геране. Он не думал о том, какой она была сейчас. Но и

не совершал больше свою частую ошибку: не представлял вместо теперешней Кестрел — валорианки до мозга костей, которая прекрасно себя чувствовала при дворе и в столице, — человека, которым хотел ее видеть.

Он просто вспомнил девушку, которой она была. Он задал этой Кестрел тот же вопрос, который задал Кестрел-служанке, и она ответила так же. Но на этот раз в ее «да» было и «нет» тоже. На этот раз ее ответ представлял собой шкатулку с двойным дном, и его истинное значение пряталось гораздо глубже, чем Арин полагал.

Он все неправильно понял.

Арин пожалел, что ушел из-за стола. Он решил, что должен немедленно вернуться.

И вернулся бы, если бы его не отвлек отрывок разговора из-за стола неподалеку.

Там выпивала группа сенаторов. Этой ночью в «Сломанной руке» собралась очень разнообразная публика, и придворных было больше, чем обычно. Эти говорили о востоке.

— ...впечатляющая победа, — говорил один. — Как раз такая, какую стоит ожидать от генерала Траяна.

— Не все почести должны достаться ему, — ответил другой. — Идея принадлежала его дочери.

— В самом деле?

— Я присутствовал при этом. Утром после бала в честь помолвки в Зимнем саду был прием. Разумеется, пригласили только самых высокопоставленных лиц двора. Некоторые из нас обсуждали, каким образом будет лучше взять восточные равнины. Император даже спросил моего мнения. Я считаю, что моя идея была очень неплоха. Но не думайте, что я такой завистливый. Я понимаю, почему императору больше понравился план леди Кестрел. Это она предложила, чтобы генерал отравил лошадей. Она сказала, что восточные дикари не смогут без них выжить. Все мы поняли, что это сработает. И так и вышло, не правда ли?

Смех.

— За леди Кестрел, — поднял свой бокал сенатор.

— За леди Кестрел!

* * *

Кестрел встала из-за стола, чтобы разыскать Арина, но вдруг раздались возгласы в ее честь.

Неужели ее узнали?

Никто не смотрел на служанку в углу. Но Кестрел все равно еще больше встревожилась.

Арина не было видно. Он растворился среди сборища людей у бара.

Или он вообще ушел из таверны? Неужели она так сильно его оскорбила?

Кестрел успокаивала себя тем, что Арин не оставил бы незаконченной партию. Внезапно он с пустыми руками появился из толпы.

Он подвинул свой стул обратно к столу.

— Арин... то, что я сказала, про твою рану...

— Я не хочу об этом говорить.

Он сел и разложил свои карточки в другом порядке.

— Но я должна сказать тебе. Арин, твое лицо...

— Мне плевать на мое лицо!

Кестрел закрыла рот. Арин не смотрел на нее. Охваченная тошнотворным страхом,

причину которого она сама еще не понимала, она опустила обратно на свой стул.

— Почему те сенаторы пили в мою честь?

Арин не ответил.

— Ты знаешь почему?

Арин устремил на нее решительный взгляд:

— Давай играть.

— Ты так и не взял себе стакан.

Кестрел налила в свой еще вина, расплескав несколько капель. Она вытерла их со стекла большим пальцем и протянула стакан Арину, который сделал вид, что не заметил ее жеста.

Кестрел играла, наблюдая, как Арин отбрасывал одни карточки и набирал другие, и чувствовала, как пульсирует его ярость. Она все нагнеталась, почти затвердела. Ее сила могла заставить дрожать. Игра вышла из-под контроля Кестрел.

В конце концов, она обрадовалась проигрышу. Она расскажет Арину правду. Кестрел поклялась себе в этом. Все можно объяснить. Кестрел боялась, боялась клокочущей в нем ярости и того, что он сделает, когда узнает правду. Но она все ему расскажет. Она не могла больше молчать.

Арин произнес:

— Это ты посоветовала генералу отравить лошадей жителей восточных равнин?

— Что?

— Ты?

— Да, — сбивчиво ответила Кестрел, — но...

— Ты понимаешь, что ты сделала? Сотни людей — невинных людей — умерли во время бегства в город королевы.

— Я знаю. Это было ужасно...

— Ужасно? Дети умирали от голода, а их матерям оставалось только рыдать. Это нельзя описать словами.

В горле Кестрел поднялось чувство вины.

— Я могу объяснить.

— Как можно объяснить намеренное убийство?

— Ты меня спрашиваешь? — парировала Кестрел, испытав вспышку ярости. — Люди умирали и из-за тебя тоже, Арин. Ты убивал. У тебя на руках есть кровь. Первозимнее восстание...

— Это не одно и то же.

Он будто подавился своими словами, и Кестрел ужаснулась тому, как все, что она говорила, приобретало в его глазах извращенный смысл.

— Я имела в виду, что у тебя были на то свои причины.

— При чем здесь мои причины? Не могу поверить, что ты упомянула их, не говоря уже о том, чтобы сравнивать... — Его дрожащий голос стал тише. — Кестрел. Единственное, что нужно империи, — это порабощение. И ты приняла в этом участие.

— У меня не было выбора. Иначе бы мой отец...

— Подумал, что ты слабая? Отрекся от тебя из-за того, что ты не дева-воительница, всегда имеющая в запасе идеальный план для атаки? Твой отец. — Арин сжал губы. — Я знаю, что ты жаждешь его одобрения. Что ты ради этого готова выйти замуж за принца. Но руки твоего отца по локти в крови. Он монстр. Как можно кормить монстра? Как можно его любить?

— Арин, ты меня не слушаешь. Ты не так понял.

— Ты права. Я во многом долгое время ошибался. Но теперь я понимаю. — Арин оттолкнул от себя карточки, и его выигрышная комбинация рассыпалась по столу. — Ты изменилась, Кестрел. Я больше не знаю, кто ты. И не хочу знать.

Вспоминая этот момент позже, Кестрел проговорила все так, как надо. И Арин в ее воображении это понял.

Но на самом деле все было не так.

Ярость Арина переросла в отвращение. Кестрел видела, что его начало мутить. Он резко встал, будто пытаясь избежать заражения. Несмотря на то, что она позвала его, он повернулся к ней спиной и ушел, позволив двери таверны захлопнуться за ним.

* * *

В дворцовой галерее было тихо. Кестрел подумала, что в таком же молчании, наверное, пребывают кости, лежащие глубоко под землей.

Она стояла перед картиной Тенсена дольше, чем обычно. Наконец она посадила на рамку моль. Кестрел сказала себе заведомую ложь. Она решила, что так лучше, если Арин будет думать о ней подобным образом.

Да. Все, что произошло, все к лучшему.

— И что же представляет для вас такую важность, — произнес император, — что вы должны вернуться в Геран сейчас?

— Мой долг перед вами, ваше императорское величество, — ответил Арин.

— Он красиво говорит, — объявил император перед двором, и сенаторы, лорды и леди спрятали свои ухмылки таким образом, чтобы показать их еще больше. Губернатора Герана больше нельзя было назвать красивым.

Риша не улыбнулась. Арин поймал с противоположного конца комнаты ее взгляд — серьезный и мрачный.

— Я не знаю, что думать по поводу вашей просьбы позволить вам уехать, — сказал император. — Губернатор, неужели... с вами плохо здесь обращались?

Арин улыбнулся обезображенной стороной лица.

— Все нет.

Придворные стали восторженно перешептываться. Происходящее напоминало им игру. Изуродованное лицо. Скользкие насмешки императора. Притворство, будто все так, как надо.

— Что, если нам доставляет удовольствие ваше присутствие при дворе? — спросил император.

Арин вышел на свет. Он будто со стороны наблюдал, как стоит перед императором в этой приемной зале. С тех пор как он оставил Кестрел этой ночью в городе, он не спал, но его разум был на удивление ясным. Он замечал, как в свете утреннего солнца парят пылинки вокруг него. Лучи бросили на шрам у него на лице резкий взгляд. Отметили обтрепавшиеся швы его одежды. И помедлили на кинжале у его бедра, на том, как Арин скрывал ладонью герб на рукояти. Двусторонний клинок был без ножен. Гарда предназначалась для защиты ладони меньше, чем у Арина, и была изогнута по валорианскому образцу. Кинжал был валорианским во всем.

Придворные переговаривались.

«Его лицо».

«Как это произошло?»

«Этот кинжал».

«Чей он?»

«Это женский клинок. Как он у него оказался?»

«Наверное, украл».

«Или... а вдруг это подарок?»

Арину не нужно было слышать, чтобы знать о чем.

— Ваше гостеприимство превзошло все мои ожидания, — сказал Арин. Император слегка улыбнулся. Его глаза не отрывались от ладони Арина на рукояти кинжала. Арин был рад этому. Он не сомневался, что император доволен помолвкой сына с любимицей армии. Брак сделает генерала Траяна частью императорской семьи... и усилит верность солдат.

Но слухи все не затихали. Даже чеканка монеты в честь помолвки не положила им конец. Сейчас Арин впервые взглянул на разговоры о нем и Кестрел со стороны. Он пытался придумать, как можно их использовать. Да, Арин рассчитывал на то, что, если он уберет ладонь с рукояти и герба Кестрел, кинжал узнают. Придворные ахнут.

Арин мог добавить слухам обоснование.

Валорианцы носили кинжал всегда и снимали только на ночь или принимая ванну. Чем бы придворные не посчитали клинок — подарком или кражей, — им придется хорошенько постараться, чтобы представить, насколько близок Арин должен был быть к Кестрел.

— Как бы сильно мне ни хотелось остаться, — сказал Арин, — я должен вернуться в свою страну, чтобы управлять ею так, как угодно вам.

— Вы серьезный молодой человек, не так ли?

— Да.

Арин передвинул ладонь на рукояти, не показывая герб, но давая понять, что может.

Императору это не понравилось. Как не понравилось бы и Кестрел, будь она здесь, или Тенсену, который снова отправился в свою любимую галерею и, скорее всего, находился там до сих пор. Министр не одобрил бы действий Арина. Шантажировать императора? Перед всем двором?

У Арина не должно было быть этого кинжала. Арину полагалось быть мертвым или изуродованным до неузнаваемости. Или и то, и другое. Он с удовлетворением напомнил императору о его ошибке. С удовлетворением пригрозил, что объяснит двору, каким образом кинжал невесты его сына оказался у бедра другого человека.

— Вы позволите мне уехать? — спросил Арин.

— Мой дорогой губернатор, что за вопрос! Разумеется, нам будет вас не хватать, но мы ни в коем случае не смеем вас задерживать здесь.

Арин было подумал, что император позволит ему покинуть залу, так и не упомянув о выступающем черно-красном рубце, ползущем вниз по его лицу. Но затем император с улыбкой произнес:

— Какие аккуратные швы.

А потом Арину позволили уйти.

* * *

— Пусть сопутствуют тебе добрые ветра, — произнес чей-то голос позади него в пустом коридоре, куда выходила приемная зала.

Арин обернулся и увидел Ришу. Ее слова, хоть и теплые, прозвучали несколько высокопарно. Должно быть, она перевела эту прощальную фразу на валорианский со своего языка.

— Я рада, что ты уезжаешь, — сказала Риша. — Тебе здесь не место. Тем, кто здесь не к месту, приходится расплачиваться.

Арин безотчетно прикоснулся к раненой щеке и поморщился. Затем он сжал зубы. Его лицо уже не станет таким, как прежде, — ну и что? Может, так ему идет больше. Может, раньше Арин был слишком мягким, слишком доверчивым, слишком нерешительным, как тот мальчик до войны, который заставил его вернуться и найти Кестрел у освещенного луной канала.

Арин не сожалел о том, что этого мальчика больше нет. Он был рад, что стал другим.

— Я не представляю себе, как ты терпишь это, — сказал он Рише по-валориански. Слова были медленными и тяжелыми. Арин ненавидел ощущение этого языка.

Риша нахмурилась.

— Терплю что? Жизнь при императорском дворе? — Она покачала головой. — Мое

место здесь.

Арин не смел упоминать о Тенсене или информации, которую, как намекал министр, могла предоставить Риша. Сейчас они были наедине, но двери приемной залы могли открыться в любое мгновение. Арин быстро сказал на своем языке:

— Спасибо.

По лицу Риши пробежало смятение.

— Я не говорю по-герански, — напомнила она Арину на валорианском.

Арин мог бы сказать что-то еще, но вдруг двери залы действительно открылись. Придворные начали выходить в коридор, бросая взгляды на Арину и Ришу. Арин отвернулся, так и не произнеся слов, которые жгли его изнутри. Он снова хотел сказать ей «спасибо». Он удивлялся, что Риша готова рисковать собой ради чужого народа.

«Как же она отличается», — думал Арин, идя прочь. Его челюсти сжались, а во рту стоял металлический привкус, будто он прикусил язык.

Как сильно Риша отличалась от Кестрел.

* * *

Рыба билась на доске. Кестрел увидела, как торговец с силой опустил на нее молоток. Девушка вздрогнула, хотя понимала, что дворцовую служанку эта картина не смутила бы. Служанка не обратила бы внимания на розовую от крови замерзшую жижу у оснований прилавков на Мясном Ряду. Она не смотрела бы с таким выражением на скользкие органы в канаве, осознавая, что никогда раньше не видела внутренностей курицы и даже не задумывалась об этом.

Кестрел заставила себя не отрывать взгляда от грязи под ногами. Причина того, почему у нее перехватило дыхание, была прямо перед ней. Эта отвратительная улица. Мокрый деревянный молоток торговца рыбой. А вовсе не то, что произошло вчера в «Сломанной руке», и не то, как Арин отвернулся от нее. Не то, что она сделала, чтобы заслужить такое его отношение.

Она поплотнее запахнула полы куртки моряка, приподняла бело-голубой подол рабочего платья и продолжила идти вдоль Ряда.

Ее обогнула маленькая валорианская девочка, по плечам которой рассыпались светлые косы. Она сжимала в руках тряпичную куклу. Эта девочка чем-то привлекла внимание Кестрел. Чем именно, Кестрел поняла только тогда, когда малышка догнала маму и выпросила у нее из корзины другую игрушку. Это был мальчик, одетый в черное. Затем Кестрел увидела золотой шов на лбу первой куклы и поняла, кем эти куклы были.

Кестрел прошла мимо девочки и ее матери, пытаясь забыть о куклах и высматривая Тенсена.

Когда она обнаружила его, он изучал выпотрошенного молочного поросенка, который висел на крюке над прилавком.

— О, отлично, — сказал он, увидев Кестрел. — Как раз вовремя. А иначе мне пришлось бы купить поросенка, чтобы соблюсти приличия, и понятия не имею, как бы я пронес его в свои покои.

Они слились с толпой покупателей, состоявшей в основном из слуг, которых отправили на базар за свежим мясом. Кестрел и Тенсен пробрались к концу ряда прилавков и стали подниматься на холм, где людей было меньше.

— Глава Сената побывал в южном Геране, — сообщила Кестрел. — Мне на ум приходит только одна причина. Император поручил ему оценить будущий урожай печного ореха. Должно быть, он планирует забрать его полностью. Он узнает, если вы попытаетесь удержать какую-то часть на собственные нужды.

В боковом свете Тенсен казался старше, его морщины — глубже, а глаза, будто вовсе не были обрамлены ресницами.

— Это будет означать голод.

Кестрел медленно произнесла:

— У меня есть идея.

Тенсен ждал. Когда Кестрел так и продолжила молчать, он приподнял брови.

— Возможно, это не очень хорошая идея, — признала Кестрел.

— Наверняка лучше, чем ничего.

— Не уверена.

Кестрел подумала о лошадях жителей восточных равнин. Она услышала, как Арин обвинил ее в убийстве. Его слова, будто полоснули по ней острыми когтями, впиваясь все глубже.

Тенсен положил руку ей на плечо. Несмотря на то, что его рука была легкой, а у генерала — тяжелой, этим жестом он напомнил Кестрел отца.

— Вы можете собрать урожай раньше и спрятать его, — сказала она Тенсену. — Но некоторое количество ореха оставьте на деревьях. А затем заразите их. Выберите своего любимого паразита. Орехотворок, жуков, гусениц... то, что быстро размножается. Когда император потребует урожай, вы будете не виноваты, что вам нечего ему дать.

Улыбка Тенсена стала теплее. Кестрел подумала о том, каким был отец ее отца или матери, и, если бы у нее был дед, смотрел бы он на нее так же, как Тенсен.

— Если император подумает, что вы лжете, то сможет сам увидеть опустошенные поля. Но... вредители могут уничтожить деревья. Возможно, на следующий год вам придется голодать, потому что на ваших полях расплодятся одни черви.

— О следующем годе мы будем беспокоиться тогда, когда до этого дойдет, — ответил Тенсен. Он прищурился и посмотрел в небо. Начинался снег. — Арин пытался выведать у меня, кто предоставил мне информацию о несчастном Тринне.

Сердце Кестрел подскочило.

— Что вы ему сказали? Вы не можете назвать ему мое имя. Вы обещали.

— Не беспокойтесь. Мы оба знаем, когда ложь бывает необходима. Я не открою ему вашу тайну. Я настоял на анонимности моего информатора. Назвал его Молью. Вас, надеюсь, это не обижает? Что я назвал вас мелким домашним вредителем?

Уголки губ Кестрел приподнялись.

— Я не против, быть молью. Я бы тотчас начала есть шелк, если бы это означало, что я смогу летать.

* * *

Манжет рукава вконец обтрепался. Арин убрал рубашку в сундук и снял с пояса кинжал, легкость которого заставляла его чувствовать себя неловко. Ему не нравилось иметь при себе кинжал Кестрел. Но ему также не хотелось убирать его в сундук или оставлять здесь. Он снова оглянулся на свой багаж. На самом верху лежала распускающаяся рубашка.

Отложив кинжал, Арин снова взял рубашку и начал вытягивать нитку, как из паутины. Он намотал ее на палец, перекрывая циркуляцию крови, и резко дернул, обрывая, а затем уставился на нее.

Мысль о том, что всего одна ниточка могла помочь Герану, была безумием. Но Арин покинул свои покои, разыскал Делию и попросил ее о катушках разноцветных нитей.

* * *

— От тебя пахнет рыбой, — сказал Арин Тенсену, когда министр вошел в покои.

— Наверное, от туфель. Я на что-то наступил. — Тенсен поднял взгляд от пола и увидел закрытый и перевязанный ремнями сундук, ожидающий у двери. — Арин, ты меня покидаешь?

— От меня здесь нет никакой пользы.

— Ты думаешь, в Геране от тебя будет пользы больше? Не хочу показаться грубым, но ты наверняка уже понял, что обязанности губернатора заключаются в том, чтобы давать императору то, что он хочет. Твоя кухня в твое отсутствие прекрасно справляется.

— Я поеду не в Геран, а на восток.

Тенсен моргнул и, нахмурившись, провел рукой по сундуку и потянул за ремни.

— Что тебе там могло понадобиться?

— Союзники.

— Восток ни с кем не заключает союзов. Восток — это восток. Они не любят чужеземцев.

— Я не спрашиваю твоего совета.

— Я вижу. Потому что, если бы спрашивал, то я напомнил бы тебе, что люди, которые отправляются в ту страну, редко возвращаются, а те, кому это удается, становятся другими.

— Перемены пойдут мне на пользу.

Тенсен внимательно на него посмотрел.

— Тебя всю ночь не было. Хотел бы я знать, что вдохновило тебя на такое решение.

— Тенсен, мы на войне. Давай смотреть фактам в лицо. Геран должен освободиться от империи, но мы ей не ровня. А вот восток — возможно.

— Чужестранцам запрещается въезжать в Дакру.

— Я не обычный чужестранец.

Тенсен собрал руки лодочкой, а затем развел их, будто рассыпая по полу семена. Таким жестом геранцы выражали скептицизм.

— Не сомневайся во мне, — сказал Арин.

— Я сомневаюсь не в тебе, а в твоей идее. Она небезопасна.

— Ничто небезопасно. Оставаться здесь небезопасно. А возвращаться домой бесполезно. Когда мы только приехали сюда, ты спросил, что я выберу: себя или свою страну.

— Верно, — медленно ответил Тенсен. — Было такое.

— Вот мой выбор.

— Легко сделать подобный выбор, когда ты на самом деле не знаешь, чего он будет тебе стоить.

— Легко это или сложно, не имеет значения. Важно то, что это мой выбор.

Тенсен поджал губы. Кожа под его подбородком собралась аккуратными складками.

Внезапно он встретился взглядом с Арином и снял с пальца золотое кольцо.

— Возьми его.

— Я не могу.

— Я хочу, чтобы ты взял его.

— Оно принадлежало твоему внуку.

— Поэтому я отдаю его тебе.

— Тенсен. Нет.

— Мне нельзя за тебя беспокоиться? — Тенсен не смотрел на кольцо в протянутой руке. Его глаза не отрывались от Арина. — Ты отправишься на восток, что бы я ни сказал. Если ты не слушаешься моего совета, то, по крайней мере, окажи старику честь и прими его дар.

Арин неохотно взял кольцо. Оно наделось на его мизинец.

— Итак, в путь.

Тенсен с намеренной легкостью похлопал ладонью по перевязанному ремнями сундуку, одновременно скрывая свои эмоции и выказывая их: попытка скрыть их свидетельствовала о наплыве чувств. Он больше не смотрел на Арина, и Арин пожалел, что взял кольцо. Оно заставило его вспомнить об изумруде матери. Заставило задуматься, что большее: отдать что-то дорогое сердцу или видеть, как это что-то у тебя забирают. Вспышкой, которой Арин хотел бы воспротивиться, он вспомнил Кестрел в таверне и то, как побелели ее губы, когда он обвинил ее. Она казалась обеспокоенной. Загнанной в ловушку.

Нет, пойманной. Это был виноватый вид.

— По пути на восток загляни в Геран, — сказал Тенсен, и Арин был рад отвлечься от своих размышлений. — У меня для тебя есть работа.

Министр рассказал Арину об урожае печного ореха.

— Откуда у тебя эта информация? — спросил Арин.

Тенсен улыбнулся.

— Ты встречался с Молью, — сказал Арин. — За пределами дворца. Поэтому от твоих туфель пахнет рыбой.

— Надо было их почистить, — угрюмо отозвался Тенсен.

Арин попытался представить Ришу, разговаривающую с Тенсеном у верфи или, может, на Мясному Ряду, но не смог.

— Когда произошла эта встреча? Сейчас уже почти полдень. Тебя не было этим утром в приемной зале.

Как и Кестрел.

Внезапно Арин рассвирепел на самого себя. Он прекрасно понимал, в каком направлении стремятся его мысли. Он не мог в это поверить. Даже сейчас, даже когда он узнал, что Кестрел сделала, даже после того, как она признала это, как он услышал слова от нее самой, разум Арина продолжал играть во все ту же безумную игру. Он отметил, что от Риши рыбой не пахло, в отличие от Тенсена. Как легко воображение Арина проигнорировало возможность того, что Риша могла встретиться с Тенсеном, а затем сменить туфли, перед тем как идти на прием к императору. Нет, сознание Арина не хотело принимать это логичное объяснение. Вместо этого оно выдало Арину образ Кестрел в платье служанки. Образ того, как она встречается с Тенсеном. Раскрывает ему тайны.

— Хватит, — огрызнулся Арин. Тенсен со смятением во взгляде закрыл рот. — Просто хватит. — Арин прижал пальцы к вискам и с силой потер. — Не говори мне, где и когда ты

был. Мне не нужно это знать.

— Арин, я тебя разозлил?

— Нет.

— Тогда на кого ты злишься?

— Только на себя самого. — Арин сжал переносицу, надавив большим пальцем на закрытый левый глаз и не обращая внимания на то, как воспалилось оцарапанное веко. Он хотел прогнать образ Кестрел. — Это глупо.

Арин был вымотан. Он плохо себя чувствовал, не спал. Его тело будто отяжелело.

— О боги, Арин, сядь. Ты же сейчас рухнешь.

Да, его уставшее сознание шутило шутки. Арин знал это. Он отнял руку от лица, нашел стул, сел и почувствовал себя лучше. Более сосредоточенным.

— Прошлой ночью я был в городе, — сказал он Тенсену. — Спросил у счетовода о ставках на свадебное платье. Главный дворцовый инженер знает, на что ставить.

Тенсен выслушал рассказ Арина о том, что он узнал от счетовода.

— Значит, если император расплатился с сенатором за тайное путешествие в Геран золотой ставкой, — проговорил Тенсен, — то, возможно, дворцовый инженер получила награду за подобную услугу.

— Разузнай об этом.

— Постараюсь, но что мне делать с тем, что я выясню? Я не смогу отправить тебе послание в город восточной королевы.

— У Дакры есть храмовый остров, — произнес Арин. Дакранцы поклонялись одной богине, и, так как почитать ее позволялось всем, чужеземцы могли причаливать к священному острову, расположенному у южного побережья страны. Остров превратился в крупный центр торговли. — Отправляй свои послания туда.

— Но все равно мы рискуем, что оно попадет не в те руки. Почтовых ястребов перехватывают, шифры рассекречивают...

— Сначала им нужно будет понять, что перед ними шифр. — Арин достал мешочек с катушками ниток. — Ты помнишь Хранителя Услуг?

Шли часы. Миновало время обеда, но Арин и Тенсен не обращали внимания на растущий голод, разрабатывая узелковый шифр. Каждый цвет должен символизировать определенного человека, как это было в связке Хранителя Услуг в годы рабства. В соответствии с каждой буквой геранского алфавита Арин завязывал разное количество узелков. Он выражал различные значения, переплетая один цвет с другим, и, в конце концов, у него вышло нечто вроде отделки, которую можно пришить на рукав рубашки и носить на виду. Новая мода. Для большинства людей это будет всего лишь украшение.

Черный цвет обозначал императора. Желтый — принца. Для себя Тенсен выбрал зеленый.

— А это, — Арин протянул ему катушку серых нитей, — для твоей Моли. — И добавил: — Для Риши.

Тенсен улыбнулся.

Когда они определили какой-либо цвет почти для всех ключевых фигур при дворе, Тенсен медленно произнес таким тоном, который Арин не смог бы забыть:

— Ты не будешь выбирать цвет для леди Кестрел?

— Нет. Не буду.

Когда Кестрел выглянула в этот день из окна, она увидела, как знамя на барбакане развевается на теплом ветру, дующем в сторону моря. Мелкий дождь — не снег — размывал картинку. Первовесенний день придет раньше, чем Кестрел того хотела. А затем Перволетний день, и свадьба.

Находясь в своих покоях в одиночестве, Кестрел вытряхнула на мозаичный мраморный стол мертвых молей из бумажного конверта. Половину она отдала на базаре Тенсену, на случай, если он захочет оставить послание на картине в галерее для нее.

Кестрел наблюдала, как моли на столе изменили цвет, повторяя узоры мозаики. Затем она аккуратно передвинула одно насекомое и смотрела, как оно раскрасилось заново.

Она испытала вспышку ярости на молей за то, что они так хорошо маскировались. Ей пришлось сопротивляться порыву раздавить их.

Не стоит ли ей попытаться объяснить все Арину? Прошлой ночью она была готова все ему рассказать. Еще не поздно.

Пребывая в неуверенности, Кестрел смела молей обратно в конверт.

Пришла Делия. Кестрел забыла, что у нее назначена примерка платья. Геранка закалывала материю булавками. Кестрел наблюдала, как окно затуманивается дождем.

Делия остановилась.

— Я думаю, что вам стоит знать. Арин сегодня уехал. Корабль отплыл, когда поднялся ветер.

Взгляд Кестрел дернулся. Затем она снова посмотрела в окно, будто могла разглядеть гавань, а за ней — волны и плывущий по ним корабль. Но она не увидела ничего, кроме зубчатых стен дворца. Дождь прекратился. Его серая завеса поднялась. Небо очистилось и стало болезненно ясным.

Юноши и девушки двора мастерили для сирот войны воздушных змеев. Черный воощеный пергамент приклеивали к рамкам из прутиков и рисовали на нем золотые глаза и перья хищных птиц. В Первовесенний день Кестрел и Верекс подарят их детям в приютах столицы.

Все происходило на большой застекленной террасе, которую пристроили к дворцу после вторжения в Геран: вместе со страной император присвоил и всю историю геранской архитектуры. Кестрел мастерила бумажную цепь для хвоста воздушного змея. Придворные за другими столами тихо переговаривались. Кестрел сидела одна. Ее пальцы работали ловко, но ей казалось, будто ими управляет кто-то другой, а сама она — всего лишь тряпичная кукла, которая была у девочки на Мясном Ряду.

Кестрел думала о том, как пойдет навещать детей. Как будет говорить им, что их родители принесли империи славу. Она думала о корабле, который уплыл далеко-далеко.

Ее пальцы замерли. Дыхание перехватило. Кестрел попросила, чтобы ей принесли другие краски. Она начала покрывать своих змеев зелеными, голубыми и розовыми завитками.

Кестрел слышала шорох шелка: на стул рядом с ней кто-то уселся.

— Очень красиво, — прокомментировала Марис. — Но это не цвета армии.

Кестрел опустила кисть в баночку, со звоном поболтала ею в воде, а затем набрала на нее фиолетового.

— Это дети, а не солдаты.

— О, конечно же, вы правы. Так гораздо веселее! Позвольте мне помочь.

Кестрел бросила на Марис быстрый взгляд, но та пока работала в молчании. Превратив второго змея в яркую бабочку, Марис произнесла:

— У вашей подруги потрясающий брат. Расскажите мне о нем. Его сердце свободно?

Кестрел подняла кисточку. Ей на рукав упала капля краски.

— Что?

— Лорд Ронан. Очень удачно, не так ли, что завоевание Герана подарило нам стольких титулованных молодых людей? Новая территория, щедро разделенная императором десять лет назад между новоназначенными вельможами. К сожалению, те земли нам больше не принадлежат. Но лорд навсегда остается лордом. И каков он! На днях я видела, как Ронан сражался в городе, и...

— Вы не видели его. Не могли.

Глаза Марис сверкнули:

— Он вам не принадлежит.

— Я говорила о другом.

— Все не могут стать императрицами. Я должна выйти замуж. Мне почти двадцать. — Марис понизила голос. — Я не хочу на войну.

— Я имела в виду, что, должно быть, вы видели в городе кого-то другого. — Кестрел пыталась говорить ровно, но сама перестала верить своим словам. — Ронан не в столице. Он уехал с Джесс и родителями на юг.

— Уверяю вас, это не так.

— Они уехали. — Губы Кестрел онемели. — Чтобы Джесс поправилась.

Выражение лица Марис изменилось. Кестрел увидела, как смятение сменилось любопытством и догадкой, которые затем превратились в снисходительность, и у Кестрел свело желудок.

— Леди Кестрел, — проговорила Марис, — вы ошибаетесь. Я все гадала, почему их семья избегает двора, но Джесс и Ронан посещают многие приемы в городе. Я несколько раз их видела. Они в столице со времени бала в честь вашей помолвки.

* * *

Кестрел посетила городской дом Джесс. Лакей взял ее тисненую карточку с гербом и провел гостью в гостиную, вдоль стен которой стояли отполированные скрещенные копыя. В комнате не было ни следа пыли. Дом не выказывал никаких признаков того, что его не использовали, так как семья уехала на юг.

— Леди дома нет, — сказал лакей.

— Но семья сейчас проживает здесь? — требовательно спросила Кестрел. — Обычно Джесс дома?

Лакей переступил с ноги на ногу, но не ответил.

— Ее брат дома? — спросила Кестрел.

Когда лакей снова промолчал, Кестрел произнесла:

— Вы знаете, кто я?

Лакей признал, что Ронан не придерживался какого-либо распорядка дня.

— Его часто здесь не бывает. А его сестра...

— Раз ее нет, то я подожду ее в салоне, — сказала Кестрел, хотя теперь рисковала увидеться с Ронаном.

Лакей замялся.

— Не думаю, что это разумно, миледи. Насколько я знаю, ни брат, ни сестра не планировали возвращаться в ближайшее время.

— Я подожду.

Кестрел погрузилась в ожидание. Если придется, она ляжет спать на диване в приемной.

Огонь в камине догорал. Ее чай остыл.

Кестрел вспомнила, как Джесс хмурилась во сне. Она вспомнила, как растерла в пыль стеклянные лепестки ожерелья Джесс на мраморе каминной полки.

Неужели причина молчания Джесс — ее отсутствия, лжи — заключается в испорченном подарке? Возможно, это и есть проступок Кестрел. Но она призналась Джесс, и та простила ее. Разве нет?

Или же...

Что она могла узнать от Ронана? Кестрел думала, что гордость не позволит ему рассказать сестре о том, как он сделал Кестрел предложение руки и сердца на Первозимнем балу — и как она ему отказала, и кого ему предпочла.

Ее пожирал страх. Когда часы отметили уже третий час ее пребывания здесь, она поерзала на подушках. От них исходил легкий аромат духов Джесс. Аромат белого цветка из Герана. Он расцвел перед глазами Кестрел.

Аромат был оставлен недавно.

Окна салона выходили на дорогу. Кестрел видела свою карету и свиту, ожидающую

снаружи.

Девушка боролась с осознанием. Она не хотела понимать. Но затем... она четко представила себе, как Джесс сидела на этом самом диване, когда подъехала карета Кестрел. Джесс переговорила с лакеем. А потом ушла в другую часть дома. И сейчас ждет там. Ждет когда Кестрел уедет.

От запаха духов у Кестрел заслезились глаза.

— Я вернусь в другой день, — сказала она лакею, выходя. Поднявшись на ступеньку кареты, она оглянулась через плечо и заметила, как всколыхнулась занавеска одного из окон на верхнем этаже. Кто-то отодвинул ее в сторону и наблюдал за Кестрел.

Как только Кестрел подняла взгляд, занавеска вернулась на свое место.

* * *

Когда Кестрел шла через барбакан, она слышала смех дворцовых стражников.

— Где он пропадает последнее время? — спросил один из них.

— В псарне, — ответил другой. — Он играет в дерьме с щенками. По-моему, отличное место для нашего славного принца.

Кестрел остановилась. Повернувшись, она приблизилась к стражникам. Это их не смутило. Значит, они считали, что она разделяет их презрение.

Кестрел посмотрела на стражника, который говорил последним, и ударила его по лицу. В ошеломленном молчании, которое последовало, она сжала ушибленную руку в кулак и ушла прочь.

* * *

Верекс сидел на грязной соломе в углу одного из загонов для собак и пытался кормить щенка, поднося к его мордочке пропитанную молоком тряпку. Щенок с морщинистой кожей безвольно лежал у него на руках с закрытыми глазами.

Когда Верекс увидел Кестрел, он сам стал похож на настороженное животное, загнанное в угол.

— Ничего не говори.

— Не говорить чего?

— Того, что ты собиралась сказать.

Кестрел перегнулась через барьер деревянного загона.

— Покажешь мне, как это делать?

Верекс от удивления поднял руку с тряпкой. На щенка упало несколько капель молока.

Кестрел вошла в загон, села на солому рядом с Верексом и вытянула вперед ладонь, сложенную лодочкой.

— Нет. — Верекс соединил обе ее ладони. — Вот так.

Он положил щенка ей в руки. Маленькое животное было мягким комочком тепла. Когда оно дышало, шевелилось все его тело. Кестрел подумала, была ли она такой же, когда отец держал ее, новорожденную, на руках, и испытывал ли он такое же успокоение, как она сейчас.

— Он самый маленький в помете, — сказал Верекс. — Его мать не будет его выкармливать.

Он показал Кестрел, как вложить тряпку с молоком в рот щенку.

— Я должна тебе кое-что сказать.

Принц потерял соломинку.

— А, я сам понял. Несложно догадаться, какую власть мой отец имеет над тобой. — Он заметил ее изумленный взгляд. — Особенно, когда ты знаешь его так хорошо, как знаю его я. Он бы скрутил этому щенку голову, даже если бы сучка сама его вскармливала. Он не любит слабых. Но получает удовольствие, когда ему удастся узнать чью-то слабость. А теперь твой губернатор уехал.

Кестрел не отрывала затуманенного взгляда от щенка.

— Я не это имела в виду. Я хотела сказать другое.

— Но это правда. Ты любишь его. Вот твоя слабость. Как бы то ни было, именно поэтому ты согласилась выйти за меня.

Кестрел провела большим пальцем по крошечному мягкому ушку. Она смотрела на слепого щенка, который во сне сосал молоко.

Верекс проговорил:

— Никому не нравится, когда его используют.

— Прости. Я не хотела тебя использовать.

— Честно говоря, я привык к этому. Мы находимся при дворе. Я никогда не думал... ну, я ведь сын своего отца, верно? Разумеется, моя женитьба будет по расчету. Разумеется, мне не дадут никакого выбора. Я знаю, что злился. Я до сих пор злюсь, и это гложет меня, но... после помолвки я бы понял, Кестрел. Сейчас я тебя понимаю. Ты могла все объяснить.

— Ты считаешь, что причины важны?

— А по-твоему, нет?

— Верекс, я сделала кое-что ужасное.

По мере того как вздымались и опускались ребра щенка, Кестрел рассказала Верексу о своем плане отравить лошадей жителей восточных равнин, и почему она предложила такой план.

Верекс молчал. Одна его рука сжимала солому. Кестрел подумала, что сейчас он заберет у нее щенка, но он этого не сделал.

Она сказала:

— Я слышала, что ты не согласен с войной на востоке.

— Отец говорит, что я слишком мягкий. Он прав.

— Должно быть, ты теперь винишь меня еще больше.

— За то, что ты тверже? — Он отвел с лица свои светлые волосы, чтобы лучше ее видеть. — Такой ты себя считаешь?

— Если бы я не предложила яд, то, возможно, равнины не были бы сожжены. Может быть, наша армия ничего бы не сделала.

Принц цинично рассмеялся.

Кестрел сказала:

— Если бы у меня не произошло того разговора с твоим отцом, то, по крайней мере, что бы ни случилось дальше, это не было бы моей виной.

— Не думаю, что незнание — то же самое, что невинность. — Верекс с шуршанием откинулся на вонючую солому. — Я считаю, что ты сделала лучшее из того, что могла. Риша тоже будет так считать, когда я расскажу ей.

— Нет. Не говори ей. Пожалуйста.

— Я рассказываю ей все, — просто ответил Верекс.

Взгляд Кестрел снова упал на щенка. Она представила, каково это: рассказывать кому-то обо всем. Она погладила мягкое создание.

— Он выживет?

— Я надеюсь.

По пальцам Кестрел потекла быстрая горячая струя. Девушка вскрикнула. Моча щенка пропитала ее рукав. Верекс расширил свои и без того большие глаза:

— Тебе повезло.

— Повезло?

— Ты же знаешь, это не все, что делают щенки. Могло быть и хуже.

Кестрел улыбнулась.

— Верно, — сказала она. — Ты прав.

Ее улыбка превратилась в смех.

* * *

Служанки были в ужасе. Они набрали ванну и практически сорвали со своей госпожи одежду. Но Кестрел цеплялась за то воздушное ощущение прощения, которое подарил ей Верекс. Оно поддерживало ее в теплой ванне.

Она попросила, чтобы ее оставили в одиночестве.

Ванна остыла. Потемневшие от воды волосы облепили ее грудь, будто доспехи.

Арин изменил ее. Пришла пора это признать.

Кестрел встала в ванне. С нее стекала вода. Девушка завернулась в халат, почему-то смутившись своего обнаженного тела.

Каким образом Арин ее изменил?

Она вспомнила прошлое лето и то, как Арин чуть ли не насильно открывал ей глаза, чтобы она увидела мир. Она подумала о щенке, слепом бархатном комочке, и о своем желании вернуться назад и никогда не слышать планов, касающихся восточных равнин, чтобы не нести ответственность за то, что произошло.

Кестрел подумала, что должна открыть глаза еще шире.

Она взглянула на мир.

На ней был роскошный халат: невесте принца должны быть доступны любые удобства. В окнах ванной комнаты стояли витражные стекла: валорианка должна наслаждаться красотой. На сморщенных пальцах Кестрел влажно блестели золотые кольца: победы генерала принесли богатство его дочери.

А во влажном воздухе невидимым грузом висели правила. Но кто их устанавливает? Кто решил, что валорианцы должны чтить свое слово? Кто убедил ее отца, что империя должна продолжать пожирать целые страны и что рабы принадлежат Валории по праву завоевания?

Ее отец держался за свою честь так крепко, будто она была материальным предметом, чем-то твердым и неизменным. Кестрел вдруг подумала, что когда-то пыталась представить, на что похожа честь ее отца и на что — Арина, но формы собственной она не знала.

Она решила, что в безоговорочном принятии чужого понятия о чести заключается бесчестье.

Кестрел наклонилась и прикоснулась к крану и трубе, через которые наполнялась ванна. В геранских домах тоже строили водопроводы, в основном для фонтанов, но императорский

дворец был пронизан гениальной системой труб, которые качали теплую воду из термальных источников в толще горы, нагревали ее в печах и поднимали на верхние этажи. Эту систему изобрела главный водный инженер, та самая женщина, которая проектировала каналы.

На следующий день после того, как уехал Арин, Тенсен попросил Кестрел кое-что разузнать:

— Главный водный инженер оказала императору услугу, — сказал он. — Вы можете выяснить какую?

Кестрел убрала руку со все еще теплой трубы, которая исчезала в полу. Девушка подошла к окну и встала в разноцветном свете, льющемся через витражи. Ее руки сияли голубым и темно-розовым. Кестрел отодвинула щеколду и распахнула окно. Теперь она видела все ясно. Воздух был свеж. Кестрел чувствовала аромат того, что унесет ее вперед во времени, в тепло, к распускающимся цветам, к пыльце и листочкам на деревьях.

Пришла весна.

На шестой день пребывания на корабле морская болезнь отпустила Арина. Этой ночью в небе не было облаков, лишь иней звезд. Море успокоилось.

Арин стоял на палубе, крутя в руках кинжал Кестрел. В конце концов, он решил взять его с собой. Теперь кинжал по праву крови принадлежал ему. Так Арин сказал самому себе.

Он убрал кинжал в ножны, запрокинул голову и уставился на широкую ленту звезд, которая протянулась вверх блестящим мазком.

Когда Арин остановился в Геране по пути из столицы, Сарсин казалась очень усталой. Вид ее изнуренного лица и запавших глаз обеспокоил его.

— Это из-за еды, — фыркнула она тогда.

— Что не так с едой?

— Ее слишком мало, — вздохнула Сарсин и сказала, что изнурен весь Геран.

— Это изменится, — пообещал ей Арин и объяснил, как спасти урожай печного ореха. Сарсин благодарно прикоснулась к тыльной стороне его руки. А затем сурово на него посмотрела.

Ее глаза сверкнули. Она сказала:

— Невероятно, что они с тобой сделали.

— Это не имеет значения.

Но она продолжила говорить о его изуродованном лице, что только испортило его настрой. Но он не перебивал кузину. Он не знал, что еще сделать.

Позже Сарсин произнесла:

— А теперь расскажи мне, о чем умолчал.

И он рассказал ей о Кестрел. Арин вспоминал их разговор, наклонившись над черным зеркалом моря.

Сарсин молчала. Они находились не в салоне, а в библиотеке фамильного дома Арина. Рояль Кестрел стоял в салоне. Но несмотря на это, инструмент все равно висел в сознании Арина — массивный, блестящий. Лишний. Арин хотел избавиться от него.

Сарсин сказала:

— Это на нее не похоже.

Арин бросил ей холодный взгляд.

— Ты знаешь ее лучше, чем я, — признала Сарсин.

Арин покачал головой.

— Я обманывал себя.

Он так долго пребывал в заблуждении. Кажется, последним, что он сделал в здравом уме, было объявить перемирие императора уловкой. Арин знал, что его армия проиграла бы сражение. Валорианцы уже пробили городскую стену. Но схватка была бы не на жизнь, а на смерть. Геранцы готовы были сражаться до последнего и забрать с собой столько валорианцев, сколько смогли бы. Перемирие стало бескровной победой императора — способом истощать Геран, не потеряв больше ни одного валорианского солдата.

«Возможно, это уловка, — сказала тогда Кестрел, — но ты согласишься».

В тот день шел снег. Снежинки оседали на ее ресницах. Арин подумал, что будет, если он протянет руку и смахнет их. Он представлял, как снежинки будут таять под кончиком его пальца. Теперь эти воспоминания принесли с собой чувство стыда.

Арин не заснул на палубе удивительно неподвижного корабля, но видел сны. Будто сны, воспоминания и ложь слились воедино.

Он вздрогнул от звука того, как над водой взлетела рыба. Арин понятия не имел, сколько здесь уже простоял. Звезды в небе изменили свое положение.

Замерзший и усталый, Арин спустился в каюту.

* * *

Он оставил зиму позади. Ветер поднялся и надул паруса. Наполнил их полотняные утробы. Геранский капитан, которого до войны считали почти легендой, обрадовался. Корабль понесся по волнам.

Солнце казалось расплавленным маслом. Арин снял жаркий потертый камзол отца. Он не хотел больше его надевать.

Море стало зеленым и удивительно прозрачным. Арину открылся целый водный мир. Рыбы расплывались в разные стороны и снова собирались в стайки, будто кусочки разноцветной мозаики.

Однажды из воды выскочило какое-то существо с розовым гребнем на спине. Оно издало странный свистящий крик и снова нырнуло.

Рана Арина наконец зажила. Он сам снял швы.

* * *

Теперь он находился в восточных водах. Ветер, море и солнце позволяли ему не думать. Хотя не всегда. В один жаркий день, когда солнце поднялось высоко над его головой, Арин увидел в воде тень, которую принял за тень корабля. Затем она шевельнулась и скользнула непонятно куда. Арин не отрывал глаз от воды и понял, что на самом деле это было огромное морское существо, которое проплыло глубоко под кораблем. Он так и не узнал, что это было за существо.

Он снова услышал слова Тенсена: «Ты видишь то, что хочешь видеть».

Арин подумал о Кестрел и о ранах, которые, наверное, никогда не заживут. В его ушах стучал пульс. Арин снова был поражен своей яростью.

«Но что бы Тенсен хотел, чтобы ты увидел?» — прошептал голос внутри него. Сама эта мысль была оскорбительной в отношении Тенсена, который с самого начала предупреждал Арина о Кестрел.

Сейчас Арин мог признать — с неохотой и недовольством, — что Кестрел была с ним честна. Она долгое время пыталась все прояснить. Бежав из Герана, она отправила на его страну войска. Она рассказала Арину о помолвке. Она ни разу — эта мысль принесла Арину отвращение — не ответила на его знаки внимания. А когда он спросил о валорианской атаке на восточные равнины, она не отрицала своего участия. На ее лице отразилось явное чувство вины.

Полуденное солнце пекло Арину голову. Он выковал из своих мыслей забытье — гладкий отполированный щит.

Арин крутил на пальце кольцо Тенсена, но не снимал его.

* * *

Корабль вошел в нефритовые воды дельты у города восточной королевы. Дальше ему путь был закрыт. Арин отдал капитану кольцо Тенсена, завернув его в платок, к краю которого пришил зашифрованное послание.

Оно сообщало Тенсену, что Арин без неприятностей прибыл в город королевы. Белая ложь, почти правда. Арин не хотел, чтобы старик волновался. Что же касается кольца...

«Я бы не смог вынести, если бы потерял такой дар», — выплел Арин на платке.

Затем он надел кинжал Кестрел, который и хотел бы потерять.

Арина спустили на воду одного. Он греб прочь от корабля, который отправится обратно в Геран. Капитан передаст кольцо и послание в следующие руки. Существовал небольшой риск, что кольцо так и не достигнет Тенсена. Его могли перехватить валорианцы. Но Арин мог доверить его себе еще меньше и не беспокоился, что кольцо узнают. Оно было очень простым.

Отдаляясь, Арин смотрел на корабль. Когда его лодка вошла в узкую реку, заросшую водорослями, корабль скрылся из глаз. Дважды из ниоткуда приходили бурные потоки дождя, пропитывали Арина до нитки и прекращались.

Река превратилась в извивающиеся каналы. Начался город. Его строили из скользкого белого камня. Через каналы были переброшены небольшие мосты, напоминающие браслеты на дамской руке. Из какой-то башни послышались удары колокола.

Арин как раз начал рулить в водном лабиринте города, но не мог избавиться от взглядов. По каналу скользили юркие корабли, в сравнении с которыми его лодка казалась утенком. Даже если бы это не выдавало в нем чужеземца, его опознали бы по цвету кожи. Люди прекращали свои занятия и смотрели на него. Какой-то ребенок стирал в канале белье и был так напуган, что выпустил из рук рубашку. Ее отнесло немного по течению, где она и затонула.

Весть, должно быть, обогнала Арина, по воде или по суше.

Крюки-кошки взлетели над водой и вцепились в его лодку. Один крюк впился ему в руку и оставил небольшую красную полосу.

Лодку Арина подтащили к причалу, а его самого схватили.

Тюрьма не была такой уж ужасной. Через крошечное окно было видно небо.

Когда его вытащили из лодки, Арин пытался все объяснить, но местные смотрели на него с тем же непониманием, которое испытывал он сам. Несмотря на то, что его язык был близок к дакранскому, их будто разделяла тонкая кожица, которая не позволяла Арину и жителям востока понять друг друга.

Их черные глаза были обрамлены цветами заката. И мужчины, и женщины коротко обрезали волосы и носили одинаковые белые брюки и рубашки свободного покроя. Когда внезапно начался мощный ливень, капли которого заскакали по мощным берегам канала, вода пропитала белую ткань, и через нее проявились точеные мускулы.

Кинжал Кестрел у него отобрали. Когда дакранцы увидели оружие империи, напряжение между ними и Арином усилилось.

Какая-то женщина задала ему резкий вопрос.

— Посмотрите на меня, — сказал Арин. — Я не валорианец.

Дакранцы должны были обратить внимание на его темные волосы и серые геранские глаза. Должны были понять, что когда-то он был рабом их врагов.

Но когда он произнес последнее слово, все стало только хуже. Теперь на него смотрели с еще большей неприязнью.

— Пожалуйста, — попросил Арин. — Мне нужно поговорить с вашей королевой.

Теперь его поняли.

Внезапно на него набросились. Арину связали руки за спиной и утащили его прочь.

Арин заслонил рукой прямоугольник голубого неба, который был виден из окна его камеры. Он убрал руку и снова ее поднял, убрал и снова поднял. А затем он полностью впустил цвет в помещение. Стены его комнаты для занятий в Геране были покрашены в такой же оттенок. Арин вспомнил, как иногда отец приходил на его уроки логики и просил преподавателя уйти. Он продолжал урок сам.

Тихое успокоение, которое пришло с этим воспоминанием, попыталось составить Арину компанию. Но затем оно ускользнуло, и Арин понял, что боится.

Чужеземец, вооруженный имперским кинжалом, попросил о встрече с королевой?

Арин повел себя так глупо. Но теперь он прекрасно понимал, что может ждать его, когда дверь откроют.

Арин потерял щеку и свежий выступающий шрам на ней. Он был хорошо знаком с болью. Валорианцы научили его, как тело может предать собственного хозяина.

Когда Арин был рабом на карьере, Плут тоже пытался его этому научить. Он сказал, что это ради самого Арина. Арину нужно научиться сопротивляться боли. Плут полоснул острым камнем по внутренней стороне руки Арина. Арин ахнул при виде крови и попытался вырваться из хватки Плута. «Пожалуйста, — просил он, — не надо».

«Хорошо, хорошо. — Плут наконец выпустил его. — Мне тоже это не нравится. Но что мне остается? Ты мне слишком дорог».

И Арин, которому было двенадцать лет, испытал чувство стыда и благодарности.

У истории этой восточной тюрьмы, этой камеры с окном было несколько возможных концовок. И большинство из них — несчастливые. Арин не знал, как поведет себя под пыткой.

Он вспомнил, как рассказал свой план Тенсену. Он отправится на восток. Добьется сочувствия и помощи королевы. Ничего сложного. Собственный голос в памяти Арина казался ему жизнерадостным.

Нет, не совсем.

Арин стремился покинуть столицу. Отчаянно этого хотел. Ему нужно было бежать, и он знал от кого. Как мог Арин доверять своим инстинктам, когда Кестрел доказала, насколько часто они ошибочны? Арину следовало знать, что плавание на восток — плохая идея. Он поклялся, что теперь будет с сомнением воспринимать все, во что ему захочется поверить.

Раздались шаги нескольких человек, приближавшихся с обратной стороны мощной двери его камеры.

«Логика — это игра, — услышал Арин голос отца. — Давай-ка посмотрим, умеешь ли ты в нее играть».

В его камере было окно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пленника должно тянуть к нему, как насекомое к свету. Как Арина.

Кто бы ни зашел, он ожидал увидеть Арина у окна.

Арин отодвинулся в сторону.

Он расположился на пути открывающейся двери. Когда она отворилась и кто-то сделал шаг в камеру, Арин с силой толкнул дверь обратно на него, а затем подтащил мужчину к себе и пережал ему рукой горло.

Стражник вскрикнул на его языке.

— Выпусти меня, — сказал Арин, хотя сам сейчас держал мужчину. — Помоги мне выбраться отсюда.

Дыхание дакранца превратилось в свист. Он царапал Арина по рукам и лицу. Он снова заговорил, и только теперь Арин вспомнил, что слышал шаги нескольких человек.

Еще один мужчина стоял в дверном проеме.

— Сделай что-нибудь, — попытался выговорить стражник, которого держал Арин. Потому что второй дакранец стоял на удивление неподвижно. Арин взглянул на него, не понимая, почему он не бросился на помощь товарищу и не пытается убедить Арина отпустить его.

Молчаливый сделал шаг в камеру. На его лицо упал свет. Арин сильнее сжал своего пленника.

Лицо мужчины в дверях напоминало голый череп. Носа у него не было, и ноздри представляли собой неестественно широкие щели. Шрам на верхней губе показывал, какой путь проделало лезвие, чтобы отрезать нос. На месте ушей мужчины остались одни дыры.

— Ты, — сказал мужчина Арину по-герански. — Я тебя помню.

День, предшествовавший тому, когда Кестрел купила его. Восточный раб, который попытался бежать.

«Император получит по заслугам», — сказал он тогда Арину.

— Я вижу, что ты тоже получил отметины, — сказал дакронец в дверях. — Но до моей красоты тебе еще далеко.

— Кто ты?

— Твой переводчик. Ты собираешься его отпустить? — Он кивнул на стражника, который уже потерял сознание.

— Что со мной будет, если я отпущу его?

— Тебе будет лучше, чем если не отпустишь. Пошли, птенец. Неужели ты думаешь, что моя королева стала бы отправлять кого-то, кто говорит на твоём языке, если бы желала тебе зла?

Арин опустил стражника на пол.

— Хороший мальчик, — сказал человек с лицом-черепом и поднял руку. Арин подумал, что он хочет прикоснуться к его шраму или положить ладонь ему на щеку, как было принято среди геранцев-мужчин. Этот жест был неуместен между незнакомыми людьми, но Арин решил не пытаться помешать мужчине.

У того на пальце было тяжелое кольцо, и его рука потянулась не к лицу Арина, а к шее.

Кольцо укололо Арина небольшой иглой, впившейся в артерию.

Конечности Арина налились свинцом. Тьма вскарабкалась по его телу, разинула свой широкий рот и поглотила Арина целиком.

* * *

Рыдала женщина. Ее слезы падали ему на лоб, на ресницы, на губы.

«Не плачь», — попытался сказать Арин.

«Пожалуйста, послушай», — произнесла она.

Он слушал, конечно, слушал. Как она могла подумать, что он не станет? Но когда Арин попытался ответить ей, воздух лишь прошелестел по его горлу. Арин подумал о листьях. Он вспомнил бога музыки, наказанием которого было заточение в дереве на сто лет — целый цикл пантеона в молчании. Арин почувствовал, как его кожа превращается в кору. Из него начали расти прутья. Распустились листья. Их зеленью ему забило рот. Его ветви раскачивались на ветру.

Арин открыл глаза. Капала вода. Он моргнул и понял, что на самом деле никто не рыдал. Он находился в лодке, и шел дождь. Он был туго связан и лежал на спине. Медленное узкое судно напоминало каноэ.

Дождь прекратился. Над Арином пролетела стрекоза с крыльями такими же большими, как у птиц. Они мерцали красным на фоне внезапно очистившегося голубого неба.

Арин напрягся, пытаясь разорвать веревки.

Лодка качнулась, и над ним склонилось лицо. В свете дня увечья восточного мужчины бросались в глаза еще сильнее. Он прищелкнул языком.

— Маленький геранец, неужели ты не подумал, что королева могла отправить меня

переводить вовсе не дружелюбный допрос? Ты слишком доверчив.

Мужчина ногтем открыл крошечный флакон на внутренней стороне своего кольца. Он прикоснулся к Арину, и лицо, небо и красная стрекоза исчезли.

* * *

Император был в ярости. И проявлял это по-разному.

Геранский министр земледелия, на долю которого выпало передать новость об испорченном урожае, получил персональное приглашение на театральную постановку завоевания Герана. Тенсен сидел на переднем ряду и оказался обрызган кровью животных во время убийства геранской королевской семьи.

Чтобы умиловать императора, придворные использовали лесть. Это разозлило его и привело к разрушительным последствиям. Многие аристократы столкнулись с тем, что их сыновья и дочери неожиданно «решили» вступить в армию и были отправлены на восток.

— Просто не попадайся ему под руку, — сказал Верекс Кестрел.

— Никто не виноват, что орехотворки испортили урожай. Он не может обвинить меня.

— Он винит всех.

Но с Кестрел император был безупречно добр, даже заботлив, до того дня, когда объявил, что она должна посетить в конце недели военный парад.

— Ваш отец возвращается домой.

Кестрел снова стала маленькой девочкой, которая забралась на пони, чтобы отправиться навстречу отцу и быть первой, кто увидит его, храбро восседающего на лошади, покрытого пылью сражений. У Кестрел был детский меч, который он сделал для нее. Генерал улыбнулся ей, назвал своим маленьким воином.

— Осторожно, Кестрел, — сказал император. — Разумеется, со мной ты можешь быть собой. Нет нужды что-то скрывать. Но общество не поймет такой очевидной радости на твоём лице, особенно когда твой отец был ранен.

— Он ранен?

Кестрел спрашивала, казалось, сотню и тысячу раз, что произошло с ее отцом, насколько серьезно он ранен, где это произошло, как. Зачем он возвращался в Валорию: отдохнуть или умереть?

Император пожал плечами, улыбнулся и сказал, что ничего не знает.

* * *

По городу ползла черная змея. С дворцовой стены Кестрел могла рассмотреть ее сверкающую золотом чешую. Она пыталась разобрать, кто из одетых в черное солдат шел впереди. Ей казалось, будто кто-то закрыл ее рот и нос, страх не давал ей дышать.

Верекс нежно прикоснулся к ее руке.

Император заметил. Выражение его лица было каменным. Верекс ответил ему вызывающим взглядом, и Кестрел почувствовала себя немного лучше.

Батальон поднимался на гору, сапоги более чем тысячи солдат били по каменной дороге. В воздухе развевались черные знамена и флаги с раздвоенными концами. Кестрел достала из кармана юбки небольшую подзорную трубу.

— Недостойно, — сказал император. — Ваш отец не захочет, чтобы вы увидели его

лицо до того, как он увидит вас. Разве он враг, чтобы изучать его так? Вы должны выказать моему другу уважение.

Кестрел вспыхнула и убрала подзорную трубу.

На стене их было трое: император, принц и леди. Остальные придворные собрались во внутреннем дворе, выстроившись по званию. Они стояли по стойке «смирно» и молчали. Многие из них знали, что такое война. Остальные думали, что знают.

А затем Кестрел услышала, как извивающееся черное войско приблизилось. Теперь она могла рассмотреть во главе колонны всадника.

Кестрел показалось, будто ее сердце треснуло и из него вылупилось нечто воздушное. Должно быть, с ее отцом все в порядке. Его рана не может быть серьезной, иначе его несли бы ко дворцу на носилках.

Кестрел забыла о том, что достойно, а что нет. Она ринулась вниз со стены. Она бежала по каменным ступеням, спотыкаясь о подол платья, хватаясь за перила и проклиная высокий каблук туфель.

Кестрел вылетела во двор как раз в тот момент, когда медные рога заиграли фанфары. Ворота укрепления распахнулись, и батальон вошел в замок.

Генерал вел свою лошадь прямо к Кестрел. Крылатое ощущение внутри девушки улетучилось. Лицо ее отца было серым. Широкая повязка, которая обхватывала нижнюю часть его туловища, оказалась пропитана кровью.

Генерал остановил лошадь. Батальон позади него не шевелился. Стены двора звенели тишиной.

Кестрел сделала шаг вперед.

— Нет, — сказал ей отец. Кестрел остановилась, и он спешил. Девушка с болью смотрела, как медленно он двигается. Его седло было измазано кровью.

Кестрел снова хотела приблизиться к нему. Когда он встанет на мощеную дорогу, она подаст ему руку. Не слишком очевидно. Разве дочь не может пройти под руку с отцом? Но генерал поднял ладонь.

Кестрел все равно подошла.

— Позволь мне помочь.

— Не позорь меня.

Генерал сказал эти слова тихо, сквозь сжатые зубы. Их никто больше не услышал. Но Кестрел чувствовала себя так, будто их слышали все, и каждый из собравшихся знал все без остатка о ней и ее отце, который повел батальон во дворец, а Кестрел осталось только следовать за ним.

Он отказался от лекарств.

— Между лекарством и ядом слишком тонкая грань, — сказал он.

Чашка была в руке лекаря, а не Кестрел, но девушка все равно отреагировала так, будто обвинили ее.

— Никто не собирается тебя травить, — сказала она отцу.

— Он имеет в виду не это, — проговорил Верекс.

Все обратили взгляды на него, включая императора, лицо которого приняло такое же выражение, как когда Верекс поддержал Кестрел на стене. Однако в глазах императорского врача ясно читалось уважение к принцу. Отец Кестрел просто прищурился и с изнуренным видом откинулся на запятнанную кровью кровать. Что выражало ее собственное лицо, Кестрел не знала.

— Почти все, что исцеляет, также может принести вред... в зависимости от количества, — произнес Верекс. — Даже при правильной дозе генералу может не понравиться побочное действие.

— Это всего лишь лекарство против инфекции, — сказал врач. — Кроме того, оно поможет вам уснуть.

— Именно, — сказал отец Кестрел. По тому, как он смотрел на чашку, было ясно, что он сделает, если ее подадут ему еще раз.

— Я должен промыть рану.

— Можете сделать это, пока я в сознании.

— Пожалуйста, отец, — произнесла Кестрел. Он проигнорировал ее.

— Старый друг, — сказал император, — ты уже тысячу раз показывал себя. Нет нужды в этом упрямстве.

— Его можно заставить, — предложил Верекс. Все посмотрели на него с ужасом.

— Ты выпьешь это, — сказал император генералу Траяну. — Я приказываю.

Отец Кестрел вздохнул:

— Ненавижу, когда меня превосходят численностью, — сказал он и выпил лекарство.

Затем генерал медленно моргнул и перевел взгляд на Кестрел. Девушка не знала, хотел он заговорить или просто посмотреть на нее, не знала, что он хотел увидеть или увидел. Но она задержала дыхание в ожидании слова. Жеста. Жеста будет достаточно.

Он закрыл глаза. Его лицо будто расслабилось. Он заснул.

Кестрел осознала, что никогда раньше не видела своего отца спящим. Почему-то именно это заставило ее, в конце концов, расплакаться.

— Все не так серьезно, — произнес император, но выражения лиц врача и Верекса говорили об обратном. — Хватит. Не надо больше слез.

Император предложил ей носовой платок, его голос был мягок.

Верекс отвел взгляд.

Когда император ушел, врач сказал Кестрел:

— Вам тоже не стоит оставаться, миледи.

— Я останусь.

Врач попытался скрыть свое нетерпеливое неодобрение.

— Я не стану падать в обморок, — произнесла Кестрел, хотя сама не полностью верила в свое обещание.

— Ты не будешь возражать, если я тоже останусь? — спросил ее Верекс. Несмотря на мягкость его вопроса, именно этим все решилось. Лекарь принялся за дело.

В течение всего времени Верекс разговаривал с Кестрел. Он описывал назначение каждого инструмента врача и обеззараживающие свойства омывающего раствора.

— Раны в живот опасны, — говорил он, — но клинок не повредил никакие внутренние органы.

— Откуда ты знаешь? — спросила Кестрел.

— Иначе он бы уже был мертв, — коротко ответил лекарь.

Рана была глубокой и длинной. Разрез открывал розовые слои плоти и достигал желтого сала. Обеззараживающее средство врача зашипело в ране, и из нее пошла кровь.

Кестрел испытала тошнотворное головокружение. Она поняла, что все-таки упадет в обморок. Но затем девушка взглянула на лицо своего спящего отца и подумала о том, кто вместо нее защитит его, пока он без сознания. Она заставила свои глаза остаться открытыми, и ноги — твердо стоять на полу.

— Слишком глубокая для швов, — пробормотал лекарь.

— Вместо того чтобы зашивать, он вложит в нее влажную стерильную марлю, — объяснил Верекс. — Порез будет медленно заживать изнутри. — Голос принца был сильным и уверенным. Он обращал мрачные слова лекаря во что-то более обнадеживающее. — На самом деле это лучший способ избежать заражения, потому что рану нужно будет ежедневно промывать.

Врач бросил на него косой взгляд.

— Не думаю, что мне нужны комментарии.

Но Кестрел они были нужны, и Верекс знал это.

Когда все было сделано, засохшая кровь смыта, а рана спрятана под полосами бинтов, Кестрел показалось, что ее отец стал одновременно и больше, и меньше, чем она когда-либо его видела. Его лицо всегда было будто высечено из камня. Сейчас оно смягчилось. Морщинки у уголков глаз расправились и были белыми, будто шрамы. В светло-каштановых волосах не было ни следа седины. Когда Кестрел родилась, генерал был молод. И сейчас его никто не назвал бы старым. Но в этой комнате он казался древним.

Врач ушел, но пообещал, что скоро вернется. Верекс принес стул, чтобы Кестрел могла сидеть у постели отца. Теперь принц снова чувствовал себя неловко. Он еще больше сгорбился и спросил, остаться ли с Кестрел еще.

Девушка покачала головой.

— Но... спасибо тебе. Спасибо, что помог мне.

Верекс улыбнулся. В его улыбке было что-то удивленное. Кестрел подумала, что, наверное, он не привык, чтобы его благодарили.

А затем она осталась с отцом наедине. Его дыхание было медленным и ровным. Одна рука лежала сбоку ладонью вверх, а пальцы были слегка сжаты.

Кестрел не могла вспомнить, когда в последний раз держала его за руку. Когда была ребенком? Должна же она была держаться с ним за руки хоть когда-то.

Она помедлила, а затем вложила свою ладонь в его. Другой рукой Кестрел закрыла его безвольные пальцы, сделав так, чтобы они сжали ее ладонь.

* * *

Он проснулся посреди ночи. Лампа была притушена. Веки генерала приподнялись, и глаза блеснули в слабом свете. Генерал открыл их шире. Он увидел Кестрел, но не улыбнулся, не совсем, однако изгиб его губ изменился. Его рука сжала ладонь Кестрел.

— Отец. — Кестрел хотела сказать больше, но генерал на мгновение прикрыл глаза, как будто хотел сказать «нет», но ему не хватало сил покачать головой. Он тихо произнес:

— Иногда я забываю, что ты не солдат.

Он думал о том, как въехал во двор замка и как Кестрел приветствовала его. Девушка сказала ровным голосом:

— Ты считаешь, что я не знаю, как вести себя с тобой.

Мгновение он молчал.

— Может быть, это я не знаю. — Он снова замолчал, и Кестрел подумала, что больше он ничего не скажет, но затем он снова заговорил: — Только посмотри, как ты выросла. Я помню тот день, когда ты родилась. Я мог удержать тебя одной рукой. Ты была лучшим, что существовало в мире. Самым ценным.

«А сейчас это уже не так?» хотела спросить Кестрел. Но вместо этого она прошептала:

— Расскажи мне, какой я была.

— Даже тогда у тебя было сердце воина.

— Я была младенцем.

— Все равно. Ты плакала так яростно. С такой силой сжимала мой палец.

— Все младенцы плачут и крепко хватают за что-то.

Генерал выпустил ее руку, чтобы поднять свою и провести костяшками пальцев по ее щеке.

— Не так, как ты.

* * *

Он снова заснул. Когда на рассвете пришел врач, чтобы промыть рану, боль разбудила его.

— Еще? — спросил врач, кивнув на пустую чашку из-под лекарства. Отец Кестрел бросил ему мрачный взгляд. Когда лекарь снова ушел, генерал потер глаза. Его лицо было обрюзгшим от боли.

— Сколько времени я спал?

— Около четырех часов после того, как врач в первый раз промыл твою рану. После того как просыпался, еще часа три.

Генерал нахмурился.

— Я просыпался посреди ночи?

— Да, — настороженно ответила Кестрел, напрягшись, будто перед ударом.

— Я... говорил что-нибудь, чего не следовало?

Кестрел поняла, что он не помнил ни того, как просыпался, ни разговора, который у них произошел. Она теперь не знала, насколько искренними были его слова. Даже если он действительно думал так, собирался ли говорить это вслух?

Ведь он тогда находился под одурманивающим действием лекарства.

Из пореза, который Кестрел не успела закрыть, просочилась эмоция.
— Нет, — ответила она отцу, — не говорил.

Арин очнулся от того, что его бросили на что-то твердое. От удара головы о поверхность мир превратился в странный пазл, состоящий из неба, камня и воды. Затем перед глазами у него прояснилось, и он понял, что лежит на каменном причале. Мужчина с лицом-черепом сошел с узкой лодки, которая была привязана к причалу. Он что-то пробормотал.

— Что ты сказал? — прохрипел Арин.

Мужчина нагнулся и дважды нежно шлепнул Арина по щеке.

— Что мне бы пригодилась тележка.

Куда бы ни лежал их путь, Арин хотел идти сам.

— Произошла ошибка.

— Чужеземцам запрещено появляться в Дакре. Ты нарушил закон, приехав в мою страну. Тебе придется за это заплатить.

— Просто дай мне объяснить, зачем...

— О, причины. У всех есть свои причины. Твои мне не интересны.

Восточный мужчина уставился на Арина, и, хотя его глаза не были повреждены, выдержать его взгляд оказалось нелегко. Арин вспомнил, как видел его в течение нескольких минут в Геране. Как восточного раба, предпринявшего побег, тащили мимо дороги, которую Арина заставили мостить. Сверкнул валорианский кинжал. Арин обругал своих хозяев. Его избили. Лицо мужчины было целым, а затем стало изуродованным.

— Ты снова бежал, — произнес Арин. — Ты освободился.

Мужчина выпрямился и посмотрел на Арина с высоты своего роста.

— Ты думаешь, что в тот день что-то для меня сделал?

— Нет.

— Хорошо. Потому что, как я считаю, тебе нравились твои цепи, маленький геранец. Иначе ты бы сражался до последнего. Ты бы выглядел так же, как и я.

Он нагнулся и ухватился за веревки, которые обвивали грудь Арина, и тот понял, что мужчина собирается его тащить.

— Дай мне идти самому.

— Хорошо.

Такое легкое согласие удивило Арина, но затем мужчина достал из мешка, который висел у него на плече, кинжал Кестрел, разрезал веревки, стягивавшие лодыжки Арина, и с улыбкой на него посмотрел.

Только теперь Арин осознал, что совершенно не чувствует своих ступней. Встать будет непросто. Перспектива идти самому больше не казалась ему такой приятной.

Руки Арина были связаны спереди в запястьях. Еще одна веревка обвивала верхнюю часть его туловища и плечи. Арин решил считать это разумным проявлением уважения после того, как он напал на тюремного стражника.

Восточный мужчина по-прежнему смотрел на него с насмешкой.

Извиваясь, как червь, Арин сумел встать на колени. Поднялся на ноги. И чуть было не упал.

В его ступни воткнулась тысяча крошечных ножей. Арин качался из стороны в сторону.

Он снова заметил в руке восточного жителя кинжал Кестрел. Внезапно он разозлился на девушку, будто это она отравила его наркотиком, связала, смотрела, как он пытался идти и не мог.

Арин до боли сжал зубы и сделал шаг.

Дакранец сказал что-то на своем языке.

— Что? — спросил Арин и сделал еще один заплетающийся шаг. Он согнул обе руки в локтях, подняв связанные запястья. Так ему было легче держать равновесие. Арин напряг пальцы — с ними было все в порядке. Он мог сжимать и разжимать ладони. — Что ты сказал?

— Ничего.

— Я хочу знать, что ты сказал.

— Тогда выучи мой язык.

Мужчина был раздражен. Очевидно, тем, что сказал, пока Арин пытался идти. Дакранец опустил взгляд и открыл сумку, чтобы убрать в нее кинжал Кестрел.

Арин видел возможность, когда она перед ним представала.

Он изо всей силы врезался в мужчину плечом, так что они оба рухнули. Кинжал упал на камень. Мужчина пытался столкнуть с себя Арина, но тот ударил дакранца коленом в живот и перекатился, чтобы дотянуться до кинжала.

Позже Арин осознал, насколько ему повезло. Но в тот момент он не думал вообще ни о чем. Кинжал был у него в руках, он повернул его, чтобы взяться за рукоять. Острое как бритва лезвие рассекло веревки на запястьях.

Дакранец задыхался на земле, хватаясь за живот. Арин навис над ним и не мог вспомнить, когда и как он поднялся на ноги. Когда успел сорвать веревки, которые обвивали его грудь? Они лежали в куче на причале. Арин уставился на них. На них и на мужчину, который так же смотрел на него.

Нет, дело было в другом.

На самом деле дакранец смотрел не на Арина, а ему за плечо.

Арин обернулся и в первый раз обратил внимание на то, где находился: это был большой остров посреди реки. Величественный причал был окружен низкой зубчатой стеной полупрозрачного камня. Отсюда вела тропа к замку с крутыми скатами крыш и стенами, которые сверкали, как стекло.

Но причал, тропа и замок не имели значения.

Значение имели ряды облаченных в белое стражников, которые целились в Арина из небольших заряженных арбалетов.

— Хорошо, — сказал человек-череп. Он поднялся и протянул руку за кинжалом Кестрел.

Арин презирал себя за то, с какой неохотой каждый раз его отдавал.

Мужчина забрал клинок.

— Хорошо.

Удрученный, Арин пробормотал:

— Ты это уже говорил.

Начался дождь. Дакранец смотрел на Арина через ярко-серую пелену.

— Нет. Я сказал это раньше, когда ты встал и пошел.

* * *

Замок казался стеклянным потому, что был построен из того странного полупрозрачного камня. Сквозь дождевую завесу Арин видел темные силуэты людей, которые перемещались за его стенами. Но другие силуэты, казалось, замерли в самом камне.

Арин стер рукой капли с глаз.

— Здесь постоянно так дождливо?

— Подожди лета, — ответил дакранец. — Становится так жарко, что некоторые из городских каналов пересыхают, и мы можем ходить по ним, как по дорогам. Тогда по дождю начинаешь скучать.

— Летом меня здесь уже не будет.

Его собеседник ничего не ответил.

Когда они проходили через дворцовые ворота, Арин попытался разглядеть, что было внутри стены.

— Это... статуи?

— Мертвецы. — Когда глаза Арина изумленно метнулись к дакранцу, тот объяснил: — Наши предки. Да, я знаю, что некоторые народы сжигают тела своих любимых или бросают их в яму в земле. Но Дакра — цивилизованная страна.

Они вошли в замок. Арин был таким мокрым, будто на него все еще лился дождь. В ботинках хлюпала вода. Внутри дворца некоторые стены были сделаны из цельного белого мрамора, другие из стекловидного камня. Эффект получился головокружительный. Арин понял, что с трудом может судить о размере и формах предметов.

— Ну... — сказал дакранец. — Где хранятся умершие члены твоей семьи?

— Я не знаю, где они, — коротко ответил Арин. Его собеседник замолчал, и Арину стало неловко и обидно. Он спросил себя, когда он перестанет делиться тем, чем не следовало бы. Это дурное пристрастие.

Все началось с нее. Он мог поклясться, что все началось с нее.

— Земля, — сказал Арин, хотя он так и не узнал, что стало с телами его родителей и сестры. — Мы хороним своих умерших, как, я уверен, ты знаешь, раз ты жил в моей стране достаточно долго, чтобы выучить наш язык.

Дакранец не признал этого, как и того, что он мог просто подстрекать Арина вопросами, ответы на которые знал. Это еще больше разозлило Арина.

— Ты не многим цивилизованней меня.

— Ты просил идти самому. И вот, ты идешь сам. Ты просил разговора с королевой. И ты поговоришь с ней. Ты нарушил наш закон трижды...

— Трижды?

Мужчина стал загибать пальцы, начав с мизинца.

— Ты проник в нашу страну. С тобой было оружие нашего врага. И ты напал на члена королевской семьи. — Арин недоуменно уставился на него. Мужчина медленно улыбнулся. — Но мы были вежливы, — сказал он.

— Кто ты?

Мужчина вел его по коридору, стены которого покрывали росписи размером с ладонь.

— Стой. — Арин ухватил мужчину за руку.

Дакранец опустил взгляд на ладонь Арина, вцепившуюся в его руку, затем посмотрел на Арина так, что тот разжал пальцы.

— Не положено также прикасаться к члену королевской семьи. Это не такой тяжелый

проступок, как нападение, но все же. Я не знаю, что моя сестра собирается с тобой делать. Королева едва ли может приговорить человека к смерти больше одного раза.

— Твоя сестра?

— Твое последнее оскорбление влечет меньшее наказание, но я не думаю, что и оно тебе понравится.

Арин остановился, лишь смутно осознавая, что они вступили в зал с высокими сводами.

— Но если ты брат королевы, значит, ты и брат Риши.

Дакранец тоже остановился.

— Риши?

Какая-то тихая энергия, царившая в этом зале, не позволила Арину сказать что-то еще.

Это была настороженность. Бдительные взгляды стражи.

Это было жесткое выражение лица молодой королевы, которая смотрела на Арину так, будто уже приговорила его к смерти.

— Не произноси больше это имя, — пробормотал человек-череп Арину.

Королева задала резкий вопрос. Ответ ее брата был медленным, запутанным. Он был отмечен паузами. Каждая пауза давала жизнь новому тону голоса.

Дождь, должно быть, прекратился. Отверверхий потолок, сделанный из того же прозрачного камня, засверкал в неожиданно появившемся солнце. Комнату заполнили блики света. Арин наблюдал за тем, как изменялось лицо королевы, пока говорил ее брат. Ее черные глаза, подведенные замысловатыми цветными узорами, сузились. Она прервала мужчину.

— Сейчас я буду переводчиком, — обратился дакронец к Арину, — и тебе стоит надеяться, что я не буду лгать.

Королева заговорила:

— Вы нарушили три наших закона, — при этом ее брат прервал свой перевод, чтобы продемонстрировать четыре пальца, — и только наше любопытство сохраняет вам жизнь. Удовлетворите его.

— У меня есть предложение... — начал Арин.

— Нет, — прервал его мужчина. — Начинай не с этого. Мы даже не знаем твоего имени.

И Арин представился, упомянув и свой чин.

— Губернатор — валорианский титул, — заметила королева. — Вы валорианец.

Фраза ударила Арина по больному.

— Вы не можете этого отрицать, — сказала королева. — Мы слышали о вас. Геранец Арин, который однажды укусил хозяев за пятки, но уже снова успел стать ручной псиной. Разве вы не поклялись императору в верности?

— Сейчас я нарушаю эту клятву.

— Вы с такой же легкостью нарушаете все клятвы, которые даете?

— А вы ради своего народа поступили бы иначе?

— Я не собираюсь это переводить, — сказал Арину человек-череп. — Это оскорбление. Неужели тебе жить надоело?

Королева с нетерпением перебила его. Она приказала Арину объяснить, как у него оказался валорианский кинжал.

— Это напоминание, — ответил Арин.

— О чем?

— О тех вещах, которые я презираю.

Королева задумалась. Ее лицо было очень похожем на лицо Риши, но более худым. Глядя на нее, Арин вспомнил о своем восхищении ее младшей сестрой, которое обрел после того, как Тенсен открыл ему, кто такая Моль. Арин сказал королеве:

— Я знаю, что ваша страна многое перенесла. Я знаю, что моя слишком мала, чтобы в одиночку противостоять империи. Если бы у меня был выбор между империей и востоком, то я бы выбрал вас. Позвольте Герану стать вашим союзником.

Королева склонила голову на бок.

— Зачем вы нам?

— Позвольте нам сражаться за вас.

— Разумеется, взамен на то, что мы защитим ваш маленький полуостров. Как сказали вы сами, Геран — страна маленькая. Ваши солдаты едва ли увеличат наши войска. Неужели вы хотите, чтобы ваши люди стали пушечным мясом? Но даже если бы хотели, как бы это сработало? Мы даже говорим на разных языках.

— Мы выучим ваш язык.

Королева с сомнением подняла бровь.

— Я докажу вам это, — сказал Арин.

— Хотела бы я посмотреть, как вы пытаетесь.

— Хорошо, — ответил Арин, используя единственное знакомое ему дакранское слово.

Слово, которое услышал от человека-черепа на пристани.

Удивление королевы было очевидным. Но она не улыбнулась, а ее последующие слова заставили Арина задуматься, не нанес ли он ей только что глубокое оскорбление.

— Давайте перейдем, — произнесла она, — к вопросу вашего наказания.

* * *

За ношение вражеского оружия Арину было запрещено иметь вообще какое-либо.

За проникновение на территорию Дакры Арину запрещалось покидать ее.

Что же касалось его преступления против Рошара, брата королевы, то тот получил право назначить его сам.

— Я убью тебя позже, — сказал Рошар Арину, отведя того в выделенную ему комнату.

— Мне нужно время решить, какой способ лучше.

Арин посмотрел на него. Увечья практически уничтожили любое сходство с Ришой или королевой, если такое было. Рошар, должно быть, уловил значение взгляда Арина. То, как он изучал его лицо. Рошар ухмыльнулся.

— А может, я найду наказание лучше, чем смерть.

Арин отвел взгляд.

Рошар принялся доставать из наплечной сумки вещи Арина — за исключением кинжала — и складывать их на стол. Еда, вода, одежда.

— Что это? — У Рошара в руках был мешочек, наполненный мотками ниток.

— Для шитья.

Рошар бросил мешочек на стол и посмотрел на вещи Арина так, будто они могли внести ясность в трудный вопрос.

— Ты проделал долгий путь.

— Да.

— Всю дорогу из имперской столицы. — Рошар тихо спросил: — С моей младшей сестрой все в порядке?

— Да. Она...

— Я не хочу говорить о ней. Я просто хотел узнать, как она.

— Это ее вы обсуждали с королевой сразу после того, как мы вошли в тот зал?

Рошар посмотрел на Арина, как на сумасшедшего.

— Конечно, нет.

— Тогда что ты так долго рассказывал королеве?

— Твои преступления. В мельчайших подробностях.

— Нет, — возразил Арин, — звучало как история.

Рошар щелкнул пальцем по фляге воды.

— Видно, ты ничего не знаешь о нашей стране, раз позаботился взять это.

— Почему ты не говоришь мне, что ей рассказал?

Рошар продолжил раскачивать флягу, подталкивая ее пальцем. Он медленно произнес:

— Может, я и рассказывал историю. Может, она была о двух рабах в далекой стране, о том, как один помог другому.

— Но это не так.

Арин снова вспомнил тот случай. Он почувствовал вкус грязи во рту, ощутил гравий под щекой. Он слышал крики. Испытал стыд.

— Ты спас меня, — сказал Рошар.

Арин пришел в замешательство. Сначала он подумал, что это был сарказм. Но в голосе Рошара будто бушевало какое-то сильное желание. Он вспоминал, что тогда произошло? Может, он представлял, что валорианский нож никогда не резал его лица. Фантазия. История со счастливым концом.

— Мне жаль, — осторожно сказал Арин. — Я пытался. Но я не мог ничего сделать.

— Нет, ты смог. Ты спас во мне что-то, что помогло мне снова решиться на побег.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала, — сказал отец Кестрел.

Первовесенний день миновал. Кестрел пропустила большинство празднеств, чтобы быть с отцом в его комнатах каждый день. Единственное, что она сделала, так это посетила сиротский приют. Дети с сомнением смотрели на ярких воздушных змеев, которых она предлагала.

— Они неправильного цвета, — заявила маленькая девочка. — Я хочу черного змея.

Позже Верекс просмотрел остатки.

— Можно мне оставить одного?

Он поднял розово-зеленого змея.

— Это мой любимый, — произнес он. Кестрел улыбнулась.

Сейчас она настороженно смотрела на своего отца, лежащего в постели. Она ждала, о чем он попросит.

— Я хочу, чтобы ты пошла в дуэльные клубы в городе, — сказал он, — и нашла новых рекрутов для армии.

Кестрел отодвинула стул от кровати. Громко скрипнуло дерево. Поигрывая с вышивкой на рукаве своего платья, она представляла, что ее разочарование было нитью, которую можно завязать в узлы и плотно вышить ими узоры по ткани.

За все те часы, что она просидела рядом со своим отцом, эта просьба была первой. А на какую еще просьбу она надеялась?

Возможно, принести стакан воды. Или рассказать, что произошло с кинжалом, который он дал ей. Он не мог не заметить его замену другим. Броский клинок императора был на самом виду, пристегнутый у талии Кестрел.

Казалось невозможным рассказать отцу некоторые вещи, пока он не спросит сам.

Но некоторые слова выходили легко, потому что были наполнены злостью, и Кестрел произносила их до этого много раз:

— Я не хочу иметь ничего общего с армией.

— Кестрел.

— Посмотри, что она сделала с тобой.

— Мои раны заживут.

— А в следующий раз? Ты будешь сражаться до того дня, пока тебя не убьют, а мне придется ставить на стол пустую тарелку для духа моего отца.

— Мы не верим в духов.

— Тогда мне от тебя не останется ничего.

— Нам нужно больше солдат, — сказал генерал. — Армия слишком рассредоточена.

— Тогда прекратите захватывать новые территории.

— Это не то, чего хочет император.

— А чего хочешь ты?

— Это глупый вопрос, — ответил генерал.

Из-за того ли, что он знал Кестрел всю ее жизнь, ему было легко подобрать слова, которые ранят ее глубже? Но нет, не время давало кому-то эту силу. Арин тоже ею обладал. «Я больше не знаю, кто ты, — сказал он. — И не хочу знать».

Если она обойдет дуэльные клубы и запишет в армию новых солдат, будут ли их смерти

ее виной? Будет ли кровь людей, которых они убьют, на ее руках? А скорбь и гнев тех, кто их потеряет, тоже окажется на ее совести? Кестрел вспомнила, как сироты войны хотели черных воздушных змеев.

— Вербуй их сам, — ответила она отцу.

Он молчал, пока она шла к двери. Именно эта тишина в конечном итоге остановила ее. Хотя Кестрел стояла к отцу спиной, перед ее мысленным взором все еще висел образ его, раненого, на кровати. Бледного, изнуренного. Такого усталого, каким он никогда раньше ни был.

Если она завербует новых валорианцев... это может помочь ему, когда он вернется на поле битвы. Увеличение числа солдат может означать безопасность для него еще на год. Может, два.

Кестрел вздохнула. Не поворачиваясь, она сказала:

— Я не понимаю, почему ты думаешь, что я могу убедить кого-то пойти на войну.

— Люди любят тебя.

— Они любят тебя. Я лишь твоя дочь.

— Ты сбежала из Герана. Ты сообщила нам о восстании. И к настоящему времени каждый знает, каким образом я выиграл для нас восточные равнины.

— Мне хотелось бы, чтобы ты назвал ту идею своей.

— Я бы никогда этого не сделал.

Кестрел обернулась, прислонилась спиной к двери и скрестила руки на груди. Она вспомнила, о какой информации в последний раз попросил Тенсен.

— Ты знаком с главным водным инженером?

— С Элинором? — Генерал смотрел на Кестрел со своего места на кровати, прищурился от боли глаза. Разговор утомил его. Его дыхание сбилось. Другой человек на его месте давно попросил бы о лекарстве. — Немного знаком.

— Со времени восточных кампаний?

За исключением равнин, восточные земли были влажными, особенно в южной части, хотя валорианские солдаты никогда не достигали города королевы в дельте.

— Да, и геранской. Почему ты спрашиваешь?

— У нее есть в столице дом. Я подумала, что... может быть, после того как я обойду дуэльные клубы, тебе захочется, чтобы я нанесла ей визит. Я могла бы предложить ей присоединиться к полку, когда он будет возвращаться на восток. Вам же нужны люди, которые знают, как строить мосты и дамбы...

— Да. — Будь у него больше сил, лицо генерала выразило бы удивление. — Нужны. Но теперь Элинор работает на императора. Он не любит делиться. Не стоит терять времени на визит к ней.

Кестрел помедлила и произнесла:

— И пойду в дуэльные клубы при одном условии.

— Вот как. — Генерал опустил голову на влажную подушку. — Сделка. Что от меня требуется на этот раз?

— Вышей свое лекарство.

* * *

Дуэльные клубы были условно тайными сообществами. В городе их существовало

четыре, каждый предлагал молодым аристократам роскошный штаб для закрытых вечеринок, страстных минут в уединенных комнатах — и, разумеется, дуэлей.

Каждый клуб имел в своем распоряжении впечатляющее разнообразие оружия. Были комнаты, которые закрывались на ключ, для тех противников, кто хотел сразиться без свидетелей, и арены для публичных поединков.

Немногие правила дуэльных клубов были известны всем. Убери за собой кровь. Ставки делаются наперед. Вход только для членов. Даже леди Кестрел не удалось бы войти, если бы она не показала кольцо с печаткой своего отца.

Она чувствовала себя здесь неуютно. Не имело значения, что стены были обшиты темным деревом, а мебель обита шелками с южных островов. Комнаты насквозь пропахли вином, потом и кровью. Это напомнило Кестрел о том, как она сражалась в Геране с Айрексом. Как его сапог раздробил ей колено. Она вспомнила, как когда-то ее придавил своим весом к полу Плут.

Во рту у Кестрел появилось вяжущее ощущение.

Она попросила, чтобы ей принесли воды, а после занялась делом.

Посетив три клуба, Кестрел собрала около двадцати имен. Это было немного. Некоторые из записавшихся валорианцев дико сверкали глазами и хохотали. Кто-то поддался лести. Другие — особенно те, кому скоро должно было исполниться двадцать, — смирились с неизбежным, потому что империя бы в любом случае скоро заставила их выбирать между военной службой и браком. Если валорианка не готова рожать детей, чтобы увеличить население империи, то ей придется отправиться на войну.

В одном из клубов вместе записались две девушки. Они настояли на том, чтобы их имена были в одной строке. Кестрел поняла, что эти девушки — пара. В армию часто вступали приверженцы однополый любви и те, кто не хотел вступать в брак по расчету. Кестрел смотрела, как девушки вписывают свои имена, и думала о собственной близящейся свадьбе. Теперь она чувствовала себя еще хуже, чем раньше.

Забрав список, Кестрел убрала его в карман юбки.

В последнем клубе, куда она зашла, в самом разгаре была дуэль.

Вокруг небольшой арены плотной толпой стояли люди и громко кричали. Воздух был тяжелым. Кестрел опоздала к началу, поэтому ей пришлось остаться в задних рядах. Бросив взгляд поверх чье-то плеча, она мельком увидела бойцов. Оба были мужчинами, свои светлые волосы они собрали в пучки. Тот, кто находился к Кестрел спиной, был стройным, но быстрым.

Бой шел на кулаках. Кестрел не увидела оружия ни в руках сражавшихся, ни при них: дуэль шла не из-за чести, а ради удовольствия.

Более крупный мужчина ударил второго кулаком в лицо. Тот вскрикнул. Толпа подалась вперед.

Кестрел тоже сделала шаг поближе. Она узнала вскрик. Могла бы поклясться, что знает голос. Но промежуток между людьми, через который она получила возможность видеть бойцов, уже закрылся. Теперь ей ничего не было видно, люди кричали, а Кестрел даже не могла разобрать, кричат ли они чье-то имя.

Это имя выкрикнула она. Но его поглотил шум.

Кестрел локтями проталкивалась вперед, ближе к арене. Более стройный мужчина поднимался с пола. Он несколько раз ударил противника снизу в живот, дернул за ухо и дал кулаком в лицо.

Крупный упал и больше не пытался подняться.

Толпа снова начала кричать, и на этот раз в какофонии шума четко выделялось имя — то же, что было на устах Кестрел. Она снова произнесла его. Победитель повернулся, вытер кровь у рта и увидел ее.

Ронан.

После того как толпа разошлась, Кестрел попросила, чтобы владелец клуба выделил для нее уединенную комнату. Ронан был членом клуба, и мог бы сам об этом позаботиться. Однако он только смотрел и слушал, как Кестрел отдает указания. Его лицо выражало нечто вроде любопытства или приятного удивления от неожиданного появления старого друга. Однако его улыбка была горькой.

Он приказал, чтобы принесли графин холодного вина. Когда они с Кестрел остались наедине, он за раз выпил половину графина.

— Частная встреча с будущей императрицей, — произнес Ронан, разматывая с пальцев окровавленные бинты. — Это честь для меня.

Он вытянулся в кресле и поднял взгляд на Кестрел. У него кровоточила губа. Светлые распущенные волосы были влажными от пота, а точеное лицо покрыто фиолетовыми синяками. Он водил пальцем по кромке бокала, пока стекло не зазвенело.

Когда Кестрел была маленькой, старший брат Джесс не замечал ее. Затем, однажды вечером, когда Кестрел было, наверное, пятнадцать, они с отцом были приглашены на званый ужин в его доме. После третьей смены блюд Кестрел спросила какого-то сенатора, женился ли бы он на всех своих любовницах, если бы мог иметь больше чем одну жену.

Кестрел не хотела злить сенатора. Ей просто было любопытно. Она не знала, что его жене, которая тоже присутствовала на ужине, не было известно о любовницах.

Кестрел выгнали из-за стола сидеть в одиночестве в комнатах Джесс.

Ронан принес ей десерт. Они вместе ели пирожные, вымазываясь в сахарной пудре, и смеялись над тем, как Ронан пародировал сенатора, раздувая щеки и задерживая дыхание, пока у него не краснело лицо.

После этого Ронан стал обращать на нее внимание.

Кестрел скучала по другу. Она скучала по нему даже сейчас, когда он сидел напротив нее и вел себя игриво и беззаботно, вот только его такие выразительные глаза были холодны.

Он осушил свой бокал.

— Что тебе нужно, Кестрел?

— Ты рассказал Джесс?

Ронан изогнул бровь.

— Рассказал ли я Джесс. — Он вертел в пальцах бокал, держа его за ножку. — Посмотрим. Рассказал ли я Джесс, что слухи — правда и что всю осень у тебя был любовник...

— Это не так.

— Нет, так. Все началось летом, когда ты купила его. Рассказал ли я об этом Джесс? Рассказал ли я ей, что ты готова скорее купить кого-то, кто разделит бы с тобой постель, чем любить ее брата? Возможно, мы вместе гадали, почему брак со мной кажется тебе столь отвратительным, что ты скорее выберешь раба.

Возможно, я сказал Джесс: «Знаю, знаю, ты тоже ее любила. Но в Первозимнюю ночь ее не было рядом, когда ты выпила отравленное вино. Ее не было рядом, когда ты давилась и задыхалась, а я спрятал тебя за шторой, пока рабы убивали наших друзей. Кестрел не было рядом, когда я держал в руках умирающую сестру. Потому что Кестрел уехала с бала с ним!» — Ронан с чрезмерной аккуратностью опустил бокал на стол. — Нет, я не говорил Джесс.

Нашей семье хватит одного разбитого сердца.

Кестрел вспомнила вкус сахарных пирожных. Из-за их утраченной сладости она не могла произнести ни слова.

— Не знаешь, что сказать, Кестрел?

Хоть она и понимала, что на самом деле он не хочет услышать ее ответ, Кестрел не могла промолчать:

— Джесс не отвечает на мои письма. Когда я приезжаю к ней, слуги говорят, что ее нет. Но на самом деле она дома. Она ждет в своих покоях, пока я не уеду. Я думала, что, может...

— Я рассказал ей горькую правду. — Ронан сплел пальцы, а затем распрямил их и пожал плечами. — Ты не думала, что сама виновата в том, что происходит между вами?

«Я видела его», — сказала Джесс, когда Кестрел скользнула в кровать в ночь бала в честь помолвки. Что именно видела Джесс?

— Что это?

Ронан резко наклонился вперед и потянул за край сложенного листа бумаги, который выглядывал из кармана Кестрел. Это был список новобранцев.

— Ничего.

Кестрел попыталась забрать листок.

Ронан отдернул руку и развернул бумагу.

— О. Я знаю, что это. Гляди-ка, даже Карис здесь есть. Ладно, где ручка?

— Нет, Ронан, не надо.

Подняв список новобранцев высоко над головой, чтобы Кестрел не достала, другой рукой Ронан на ощупь искал в комнате пишущие принадлежности.

— Прекрати. — Кестрел дернула его за руку. Она попыталась преградить ему путь, но Ронан пригнулся, увернулся и рассмеялся. Он открыл бюро и обнаружил там вместо бумаг флягу вина. — Хорошо, очень хорошо, но немного не то, что мне сейчас нужно...

Ронан наконец радостно вскрикнул, когда обнаружил в одном из ящичков чернила и перо.

Ронан на войне. Ронан, истекающий кровью в грязи.

Кестрел была готова расплакаться.

— Пожалуйста, — просила она, — не подписывай эту бумагу.

Он опустил перо в чернильницу и двумя руками прижал список к письменному столу, как будто листок мог улететь.

— Умоляю тебя, — произнесла Кестрел.

Ронан улыбнулся и оставил на листе бумаги свое имя.

* * *

Служанка, сопровождавшая Кестрел, терпеливо ждала у выхода из клуба. Она ничего не сказала, когда они сели в карету и Кестрел приказала возвращаться во дворец. Но девушка следила за тем, как Кестрел расправила смятый лист бумаги и позволила ему упасть на колени.

Грубым рывком карета начала двигаться вверх по склону горы.

— Он грязный, — произнесла служанка, глядя на лист бумаги.

Список был покрыт пятнами чернил. Когда Кестрел наконец вырвала у Ронана бумагу, она опрокинула чернильницу. Напротив имени Ронана остались ржавые мазки: должно

быть, его костяшки все еще сочились кровью. И хотя служанка уже не смогла бы определить — не после того, как лист был смят, — бумага была немного покоробившейся, как если бы на нее попала вода или пот... или слезы.

Кестрел аккуратно сложила список. В его уничтожении не было смысла. Важна была не подпись на бумаге, а само действие. Новобранцы все равно явятся в городские казармы. Они дали слово, засвидетельствованное Кестрел. Валорианцы чтят данное слово.

— Что это? — спросила служанка.

— Список гостей.

Перед мысленным взором Кестрел стоял длинный пустой стол, уставленный пустыми белыми тарелками. Это она их расставила.

Внезапно Кестрел наклонилась вперед и постучала по стеклу, которое отделяло ее от возницы. Она сказала, что передумала.

Кестрел приказала вознице ехать в другое место.

* * *

— Я понятия не имела, что вы интересуетесь водной инженерией, — говорила Элинон, пока рабыня с южных островов наливала ей и ее гостье редкий спиртной напиток, который по вкусу напоминал горелую карамель, но был очень дорогим.

Кестрел сделала глоток из своего хрустального бокала с узорами. Городской дом, где жила Элинон, был скромным. Вместо обоев стены покрывала краска. Через белую кружевную лепнину на потолке протянулась длинная трещина.

Но женщина-инженер предлагала дорогие напитки. На низком столике у дивана, где сидели она и Кестрел, стояла миска, доверху наполненная сладкими бледными ягодами, привезенными откуда-то из-за границы. Разумеется, Элинон бы в любом случае выставила лучшие напитки и еду, которые у нее были, принимая гостью такого высокого положения, как Кестрел. Однако, судя по убранству ее дома, она едва ли могла позволить себе эти ягоды и напиток. Тенсен говорил Кестрел о ставках, сделанных на ее свадебное платье. Девушка подумала, что, возможно, ягоды, напиток и даже хрустальные бокалы были куплены в долг, так как покупательница ожидала прихода в течение ближайших месяцев значительной суммы денег. В конце концов, Перволетний день и свадьба были не так уж далеко.

Кестрел заставила себя улыбнуться.

— Император считает, что я должна интересоваться всем, касающимся империи. Кроме того, мой отец ценил ваши навыки во время войны.

Простое лицо инженера порозовело от гордости.

— Вы служили с генералом на востоке? — спросила Кестрел.

— Много лет назад. — Лицо Элинон утратило выражение удовольствия. Поймав вопросительный взгляд Кестрел, она объяснила: — Восток — дикая страна. Пусть инженеры технически и являются членами армии, но я была не готова, миледи. Дакранцы сражаются нечестно. Предполагалось, что я буду строить мосты и дамбы, а не участвовать в битвах, но камыши по берегам рек были высоки. Они просто кишели тиграми. В них прятались варвары с отравленными арбалетными стрелами. Ваш отец обеспечивал мне безопасность. Он сохранил мне жизнь.

Могло ли быть, что император наградил Элинон за те подвиги, которые она совершила на востоке, и это никак не было связано с Гераном?

Южная рабыня заново наполнила бокал инженера. Кестрел наблюдала за ней. Это была девушка моложе, чем сама Кестрел. Южные острова — Кейн Сарату, как когда-то их называли местные жители, — были одними из первых территорий, завоеванных Валорией. Отец Кестрел тогда был лейтенантом. Рабыня Элино́р была так юна, что, наверняка, родилась уже в рабстве. Она никогда не знала другой жизни. Возможно, она не говорила на своем родном языке — и даже не знала своей родной матери.

Внезапно Кестрел стало все равно, в чем заключалась тайна императора: в Геране, востоке или какой-то другой стране. Она захотела, чтобы сама империя стала тем длинным столом, который преследовал ее сознание. Кестрел хотела развернуть его и скинуть все те пустые тарелки на пол.

Рабыня неловко переступила с ноги на ногу. Кестрел осознала, что уже некоторое время не отрывает от девочки взгляда. Та произнесла:

— Еще, миледи?

— Нет, спасибо.

Инженер обратилась к Кестрел:

— Наверное, вы меня не помните. Когда я видела вас в последний раз, вы были маленькой девочкой. Это было сразу после колонизации Герана.

Кестрел снова посмотрела на Элино́р, отмечая ее уверенные манеры и образованность во взгляде. У нее было смутное воспоминание о том, как она стояла на коленях у фонтана в своей геранской вилле и добавляла в воду красную краску, которую украли из мастерской рабов. Ей было интересно. Предыдущим вечером, за ужином, когда ее отец разговаривал с каким-то гостем, она услышала новое для себя слово. Раствор.

— Из-за вас я выкрасила наш фонтан в розовый цвет, — сказала Кестрел инженеру.

— В самом деле?

— Я хотела, чтобы он стал красным, но мне не хватило краски. — Кестрел прижала палец к завитку, вырезанному на ее бокале, и произнесла: — Почему вы тогда были в Геране? Вы там жили?

— Нет, я разрабатывала городской водопровод. Геранская система подачи воды была слишком примитивной.

— Вы недавно посещали Геран?

— Нет, — ответила Элино́р, но отвела взгляд. — Зачем бы мне понадобилось туда ехать?

— О, я не знаю. Наверное, мне просто жаль, что вы давно там не были, и мы не можем поговорить об этом месте. Иногда я тоскую по Герану.

Элино́р нахмурилась.

— Геран — колония. Ваш дом здесь.

— Геран был колонией. Сейчас это независимая территория.

— Милостью императора.

Осторожно и беспомощно, как человек, который тянется за чем-то утраченным, что, тем не менее, всегда было рядом, Кестрел сказала:

— Я тоскую по птицам, которые поют там в эту пору года. Они носили в своих клювах травинки и строили гнезда под стрехами крыш. Я скучаю по мерцающему свету конных троп.

Инженер смотрела на нее с неодобрением, но Кестрел было все равно. Она обращалась к Арину, которого здесь не было, и к Джесс, которая не хотела ее слушать, и к Ронану,

который собирался уехать, и к отцу, с которым когда-то разделяла дом. Кестрел обращалась и к южной рабыне, которая родилась в столице, здесь же была продана в рабство и выросла, никогда не знавшая своего дома и, кроме всего прочего, лишенная и тоски по родине.

— В апельсиновой роще был холм, — говорила Кестрел. — Когда я была маленькая, то лежала на нем летом и смотрела на висевшие на деревьях плоды, напоминающие праздничные фонарики. А потом я выросла и сама могла ходить на праздничные вечера, и мы с друзьями не ложились спать даже тогда, когда гасли и светлячки.

— Как мило, — холодно произнесла Элинон.

— Геран — красивая страна.

— Проблема никогда не заключалась в самом Геране. Дело в геранцах. — А затем, будто ни одна из них не заметила появившуюся между ними после этих слов огромную расщелину, Элинон произнесла: — Попробуйте ягоды, миледи. Они очень сладкие.

* * *

Когда генерал поправился достаточно, чтобы быть в состоянии покинуть свои комнаты, император настоял на празднестве. На искусственном пруду Весеннего сада разыграли морское сражение. Две лодки, раскрашенные на манер военных кораблей и нагруженные придворными, обменивались зарядами фейерверков.

— Тебе не нравится? — спросил император, видя, что генерал молчит, пока остальные аплодируют.

— Фейерверки — напрасная трата черного пороха.

— У Валории его более чем достаточно. Нашим врагам никогда не удастся устоять перед нашими пушками. Наши запасы черного пороха огромны.

— У любого источника есть пределы.

— В столице он постоянно ведет себя подобным образом, — с весельем в голосе сказал император Кестрел. — Доволен он бывает только на поле битвы.

Кестрел хотела сказать, что ее отец был счастлив в Геране, дома. Однако на самом деле он редко бывал на вилле, и девушка ни разу не посмела спросить его о счастье.

Генерал изменил позу в своем кованом железном кресле. Кестрел видела, что дорога в сад утомила его. Хотя придворные лекари каждый день использовали при перевязке все меньше бинтов, его рана закрылась еще не полностью.

— Где Верекс?

Кестрел хотелось бы, чтобы принц был здесь.

Император пожал плечами.

Фейерверк разлетелся дождем золотых искр, осветив собравшуюся вокруг пруда толпу. Блики упали на лица Риши и Верекса, которые сидели рядом на противоположном берегу.

Император тоже их увидел. Кестрел уже научилась понимать, что, когда он злился, его гнев сворачивался плотными кольцами. Могло показаться, что его ярость дремлет, однако, в конце концов, пружина неизменно выстреливала.

— Я слышал, что вы нанесли визит моему водному инженеру, — сказал он, обращаясь к Кестрел.

Прогремел еще один залп фейерверка. Грохот, казалось, отдался у Кестрел в груди. Император смотрел на нее так же, как только что на своего сына: ему не нравилось то, что он видел.

Кестрел сказала:

— Я подумала, что, возможно, мне удастся убедить ее вернуться на восток с моим отцом.

Лицо императора осветило новым взрывом.

— Это решать мне.

— Всего лишь идея. В конце концов, я об этом так и не упомянула.

— Элинон рассказала мне, что ваша беседа все равно была занимательной.

В воздухе сильно пахло серой. Дым опалил легкие Кестрел. По угрозе в голосе императора она поняла, что затронула своими расспросами тайну, касающуюся женщины-инженера.

Кестрел перевела взгляд на своего отца. Он смотрел прямо перед собой, наблюдая, как пьяный вельможа, качаясь, выпрямился в лодке во весь рост, а затем упал в воду. Толпа рассмеялась.

Кестрел задержала дыхание. Внутри нее с треском взрывались петарды. Она ждала, когда император заговорит снова.

Девушка опасалась, что ее отец расскажет императору о том, как запретил ей посещать дом Элинон.

— Возможно, столица предлагает вам недостаточно развлечений, — сказал император Кестрел. — Я слышал, вы тоскуете по Герану.

— Это естественно, — отрывисто произнес генерал Траян. — Она там выросла.

С неба посыпались зеленые и алые искры. Мужчины уперлись друг в друга взглядами. Выражение на лице генерала было Кестрел знакомо.

Ее страх уменьшился. Она снова могла дышать. Несмотря на то, что весенний вечер был прохладным, девушке внезапно стало тепло. Ей показалось, будто отец набросил на нее мантию своей защиты. Кестрел плотно ее запахнула.

— Разумеется, — шелковым голосом сказал император, отвернулся и стал наблюдать за тем, как зажигали новый фитиль.

Когда рана генерала наконец затянулась, император преподнес ему золотые часы.

Кестрел стояла с отцом и императором на бледно-зеленой лужайке в Весеннем саду. Здесь установили мишени для стрельбы из лука, и придворные по очереди упражнялись. Небо было затянуто облаками цвета взбитых сливок. Дул легкий теплый ветер. Служанки Кестрел уже убрали на хранение ее зимнюю одежду и достали кружевные и туалевые платья.

Кестрел вспомнила об Арине. Она представила сдвоенный сад на крыше его дома и попыталась угадать, что для него там сейчас цветет.

Часы пробили положенное время.

Генерал Траян приподнял бровь.

— Они звенят.

Император выглядел довольным. Кестрел предположила, что выражение лица ее отца можно было легко спутать с изумлением. Однако сама она не пропустила, как напряглись его губы.

— Не завидуйте, Кестрел, — произнес император. — Я помню, что у вас скоро день рождения.

Ей исполнится восемнадцать. День рождения был в конце весны, перед самой свадьбой.

— До него еще больше двух месяцев.

— Верно, уже совсем скоро. Траян, я настаиваю, чтобы ты остался в столице и был на свадьбе.

Генерал захлопнул крышку часов.

— Мы только что захватили восточные равнины. Если вы хотите удержать их...

— Твои лейтенанты справятся. Ты только-только поправился. Тебе еще рано вести в бой полки, кроме того, сказать по правде, ты мне гораздо более полезен живой. Ты останешься здесь. Мы вместе отметим день рождения Кестрел. — С таким энтузиазмом, будто представлял лучшую во всем мире идею, он добавил: — Я подумал, что она могла бы сыграть для двора.

Раздался тихий отдаленный удар стрелы по натянутому полотну.

Генерал ничего не ответил. Кестрел видела, как он сжал зубы.

— У нее талант к музыке, — сказал император. — Какой был и у твоей жены.

Ненависть, которую испытывал генерал к занятиям Кестрел музыкой, всегда была очевидна. Любовь его дочери к инструменту, для игры на котором покупали рабов, ставила его в неудобное положение. Однако иногда Кестрел казалось, что дело было не только в этом. Рояль был его противником. Генерал хотел, чтобы Кестрел вступила в армию. Девушка не соглашалась. Он хотел, чтобы она прекратила играть. Кестрел противилась и этому. Рояль стал символом ее сопротивления его воле... по крайней мере, Кестрел казалось, что ее отец воспринимал это именно так. И только сейчас она догадалась: он ненавидел, как она играла, потому что музыка причиняла ему боль.

— Признаюсь, — произнес император, — что я хочу похвастаться способностями Кестрел. Я хочу, чтобы все увидели, насколько талантлива моя будущая дочь.

Он с улыбкой раскланялся и отошел поговорить с главой Сената.

Генерал Траян сжал в руке часы.

Насколько же глупый подарок для человека, который вел солдат в ночные атаки, где

скрытность порой означала разницу между жизнью и смертью.

— Отдай их мне, — предложила Кестрел. — Я найду хороший камень, на который их уронить.

Генерал слегка улыбнулся.

— Когда император вручает тебе подарок, лучше им пользоваться. — Он бросил взгляд на кинжал у пояса Кестрел. — Иногда подарок для него является способом показать, что ему принадлежит.

«Я ему не принадлежу», — хотела возразить Кестрел, но отец уже оставил ее: он медленно шел по лужайке, чтобы поприветствовать офицера флота, который был в увольнительной.

Должно быть, кто-то выстрелил прямо в центр мишени: Кестрел услышала редкие аплодисменты.

— Ты не будешь стрелять?

Это был Верекс. Он подошел так, что Кестрел его не заметила.

— Не сегодня.

Дул предательский ветер, и, кроме того, ее отец был здесь. Кестрел не хотела промахнуться.

Верекс предложил ей руку.

— Давай посмотрим, кто победит.

Пока они шли, Кестрел произнесла:

— Ты, должно быть, много знаешь о медицине.

Верекс пожал плечами.

— Ты бы предпочел стать врачом, а не императором?

Они спустились с небольшого холма. Верекс смотрел прямо перед собой. Он ничего не ответил. Кестрел гадала, обидела она его своим вопросом, или он просто не знал, что сказать. Однако затем Верекс проговорил:

— На тебя смотрит геранский министр земледелия.

Кестрел бросила быстрый взгляд по сторонам и заметила Тенсена, который сидел в кресле под деревьями, уперев трость перед собой и сложив на ней руки.

— Нет, не смотри на него, — произнес Верекс. — Будь осторожна, Кестрел.

Кестрел сбилась с шага.

— Я не совсем понимаю, о чем ты.

— Ты же знаешь, зачем мой отец держит его при дворе?

Кестрел медленно ответила:

— Чтобы следить за ним.

— Что подумает мой отец, если увидит, что министр не отрывает от тебя взгляда?

Кестрел нервно сглотнула. Ее рукам, несмотря на перчатки, было очень холодно. Однако она попыталась, чтобы ее голос звучал уверенно и беспечно:

— Люди постоянно на меня смотрят. Я ничего не могу с этим поделать.

Верекс покачал головой и повернулся к лучникам.

— Уверю тебя, — сказала Кестрел. — Меня с геранским министром ничего не связывает.

Верекс искоса бросил ей укоризненный взгляд.

— Кестрел, я знаю, с кем и что тебя связывает.

Кестрел попыталась сменить тему. Она произнесла дразнящим голосом:

— Раз уж мы сплетничаем о том, кто за кем наблюдает, не время ли тебе сказать мне, которую из моих служанок ты нанял?

— Что это изменит? Неужели ты до сих пор не поняла, что они все за тобой следят? Я подкупил одну, но кто подкупил остальных? — Теперь Верекс повернулся к ней лицом. — Ты спросила, хотел бы я стать врачом. Да. Хотел бы. Когда-то хотел. У меня даже были книги по медицине. Мой отец все их сжег. Кестрел, я знаю, ты думаешь, что спрятала свое сердце там, где его никто не найдет. — Его темные глаза удерживали ее взгляд. — Но тебе нужно прятать его получше.

Выпущенная стрела со свистом пролетела высоко над мишенью.

— Верекс, что тебе рассказала моя служанка?

— Немного... пока. — Должно быть, он увидел волнение, которое она пыталась скрыть. Выражение его лица смягчилось. — Давай остановимся на таком положении дел.

Кестрел выдавила из себя широкую напряженную улыбку.

Верекс вздохнул.

— Пойдем, — сказал он. — Я хочу посмотреть, как будет стрелять Риша.

Кестрел позволила ему провести ее к стрельбищу. Она была рада, что не обещала никому участвовать в соревновании лучников. Ее пальцы дрожали бы на тетиве.

Риша положила стрелу на тетиву. Она держалась уверенно. Кестрел внимательно следила за восточной девушкой. Если она будет с таким же увлечением смотреть состязание, как и Верекс, то, может быть, хотя бы на мгновение забудет о предупреждении принца.

Риша выстрелила. Завершив ленивый полет, стрела воткнулась в край мишени. Все стрелы, которые Риша выпустила, угодили далеко от центра. По тому, как Риша держала лук, Кестрел ожидала от нее лучшего результата. Однако сегодня действительно было ветрено.

Риша снова прицелилась.

— ...родится первым? — услышала Кестрел чьи-то слова. — Маленький принц или принцесса?

Верекс возле нее замер. Кестрел увидела придворных, которые это сказали. Она осознала, что они смотрели прямо на нее с Верексом. Ветер четко доносил их слова. Кестрел могла бы понять, о чем они говорили, быстрее. Ее щеки запылали.

Риша выпустила стрелу.

Та угодила прямо в центр мишени.

Пока Арин учил восточный язык, ему казалось, будто он возрождает какое-то знание, которое у него уже было, но о существовании которого он не подозревал. Дакранский очень сильно напоминал геранский. Некоторые словесные конструкции совпадали, и, хотя сами слова различались, они не казались совершенно незнакомыми. Арин учился быстро.

Тем не менее, пусть восточный язык и давался ему легко, многое в этой чужой стране по-прежнему удивляло Арина. Дакранская кухня обращала больше внимания на цвет, а не на вкус. Жители носили простую одежду, но пользовались декоративной косметикой — как женщины, так и мужчины. Рошар, например, любил подводить глаза яркими, выделяющимися завитками, будто чтобы показать: он знает, как это привлекает внимание к его увечьям, но ему все равно.

Арину позволили гулять по дворцу и городу.

— Все знают, кто ты, — сказал Рошар, дернув плечом. — Если забредешь слишком далеко, городские стражники с радостью тебя застрелят.

— Где именно начинается «слишком далеко»?

Рошар сказал, чтобы Арин разбирался в этом сам.

Королева же тем временем ни во что не вмешивалась.

Сначала Арин оставался во дворце, надеясь, что в нем обитает не только сама королева, но и ее сущность. Если он выучит все коридоры, уединенные уголки и покои, то, возможно, ему удастся угадать, как убедить ее заключить союз с Гераном.

Однако загадка головокружительного сочетания прозрачных и непрозрачных стен по-прежнему ему не давалась. Арин бродил по дворцу. Иногда до него доносились отдаленные звуки музыки. Играли на инструменте, напоминавшем геранскую скрипку, но с более плоским нижним порожком и струнами, натянутыми ту же, что придавало мелодии звучание ударного инструмента. Во время игры многие ноты были щипковыми, а движения смычком резкими и агрессивными.

Королеву Арин видел редко. Когда они все же пересекались, та холодно игнорировала его, и Арин лишней раз вспоминал, что совершенно безоружен. Его родители считали, что носить клинок на виду — верх невоспитанности. Однако сейчас Арин чувствовал себя неуютно без кинжала Кестрел у бедра... и еще больше его смущало именно это странное смятение.

Восточные жители всегда были вооружены до зубов. Они предпочитали небольшое оружие. Их арбалеты были меньше, чем Арин когда-либо видел. От Рошара он узнал, что они не могли сравниться в мощи с западными, но стрелять позволяли более метко, а перезаряжать их можно было быстрее.

Восточная любовь к миниатюрным вещам проявлялась во всем, в том числе и во внутреннем убранстве дворца. На стенах висели картины размером не больше ладони. Чаши, в которых собиралась стекающая с крыш дождевая вода, были украшены крошечными мозаичными стрекозами. На полках комнат для курения стояли часы размером с наручные и фарфоровые яйца, внутри которых скрывались свившиеся кольцами змеи из зеленого стекла. Из некоторых яиц вылуплялись крошечные тигры, шелкающие механическими зубами.

Однажды Арин обнаружил в уединенном уголке модель самого дворца на возвышении. При виде деталей, с которыми были выполнены покои, Арин пожалел, что у него нет

увеличительного стекла. Он ногтем повернул кран. В ванную размером с чашку полилась вода. Арин почувствовал себя слишком большим — грубым и неповоротливым.

— Мне сообщили, что ты здесь, — раздался сзади голос Рошара.

Арин выключил маленький кран.

— Он принадлежал моей сестре.

Тон Рошара не оставлял сомнений, которую сестру он имел в виду. Он устался на покой, которые могли бы быть домом маленькой принцессы. У подножия скрытой балдахинной кровати стоял сундук. Арин протянул руку, чтобы открыть его. Он ожидал, что Рошар зарычит от возмущения, но тот лишь посмотрел на него, прищурился своими темными глазами, которые напомнили Арину глаза змей из фарфоровых яиц. Арин сунул в сундук палец.

И немедленно отдернул руку. В его палец будто впились множество крошечных клыков. Из ранок выступила кровь.

Рошар достал из комнаты сундук, высыпал его содержимое себе на ладонь и показал Арину.

Крошечное оружие. Мечи размером со спички. Кинжалы — острые стальные опилки. Рошар сжал ладонь, а затем бросил окровавленное игрушечное оружие обратно в покой Риши.

— Уйдем отсюда, — сказал он.

* * *

— Обезглавливание станет прекрасным зрелищем, — проговорил Рошар, в то время как Арин вел лодку по каналу. День был ясным. — Ты так не думаешь? Ты слишком тяжел для хорошего повешения. Твоя шея переломится мгновенно.

— Но обезглавливание тоже быстрое.

— Нет, особенно если топор тупой.

Это был обычный разговор между ними. Рошар с удовольствием научил Арину словам, которые на его языке обозначали различные способы казни, и ежедневно напоминал Арину, что его жизнь находится в руках принца. Обычно такие беседы веселили Рошара, который сейчас полулежал на противоположном конце каноэ, скрестив руки на груди. Одну ногу он свесил за борт, а глаза поднял к голубому небу. Однако сегодня в его позе читалось притворство. Его фигура состояла из одних жестких линий.

Затем он опустил глаза и окинул взглядом город. Что-то привлекло его внимание. Лицо Рошара изменилось. Все его притворство мгновенно исчезло, и осталась только обнаженная ярость — та же, что заставила его сжать в кулаке игрушечное оружие Риши.

Арин тоже это видел.

Вдоль берега канала брела женщина. На ней были узкие брюки жителей равнин. В руках она несла голубой сверток — это был цвет, в который одевались дакранские дети. Женщина нежно прижимала сверток к себе, будто младенца. Однако у того не было лица. Не было рук. Ничего, кроме свернутой тряпки.

Арин прекратил грести. Вода кружилась вокруг его неподвижного весла.

Иногда Арин почти мог понять поступок Кестрел. Даже сейчас, ощущая, как лодка медленно плывет по течению, он вспомнил отчаяние, появлявшееся на лице девушки, когда он упоминал ее отца. Тоску. Арину хотелось встряхнуть ее, прогнать это выражение, особенно в первые месяцы после того, как она купила его. Он хотел заставить ее увидеть

генерала таким, каким он был на самом деле. Заставить ее признать, кем была она сама, признать неправоту, понять, что она не должна так жаждать любви отца. Его любовь была пропитана кровью. Неужели Кестрел этого не видела? Как она могла? Когда-то Арин ненавидел ее за это.

А затем ее тоска тронула его. Он познал это чувство сам: он тоже желал того, чего ему желать не следовало. Он тоже ощутил, как сердце само выбирает себе уют и не слушает голос разума. Не здесь, пытался возразить он. Не со мной. Не я. Никогда. Однако им завладела та же болезнь.

Когда он мысленно возвращался к этой ситуации, роль Кестрел во взятии восточных равнин была предсказуемой. Иногда Арин проклинал ее за то, как она добивалась расположения императора, или винил за превращение войны в игру просто потому, что она могла. Однако ему казалось, что он знает причины ее действий. Она делала все это ради отца.

Все почти сходилось. По крайней мере, когда Арин был близок ко сну, его разум утихомиривался, и становилось сложнее следить за тем, какие мысли в нем появлялись. Перед тем как заснуть, он подходил вплотную к пониманию.

Однако сейчас он бодрствовал. Он смотрел на женщину с затуманенным взглядом, прижимавшую к груди тряпичного младенца. Арин видел, как она нежно гладит голубые складки. Понимания просто не могло быть.

Арин жалел, что Кестрел не видит этой картины. Он хотел заставить ее заплатить за то, что она совершила.

Мир отворил двери весне. Тугие бутоны распустились и выпустили на свет разноцветные лепестки.

Кестрел почти не покидала дворца, но от этого не было пользы. Ход мыслей тоже зависел от поры года, и она не могла остановить те, что вырвались сейчас наружу из задворок ее сознания. О чем же она думала? Что таилось в ее душе, окруженное чувством вины? Что она держала в руках и поднимала к свету, чтобы получше рассмотреть, и что бросала, как можно скорее, будто обожглась?

Такие мысли разрастались, как цветы с огненными лепестками. Они сжигали траву вокруг себя. Горели сами от корня до кончика стебля. Кестрел избегала их.

Чаще всего. Но иногда она сама шла им навстречу. И лгала по пути самой себе.

Кестрел думала о своем рояле, который остался в Геране. О нем можно было вспоминать: вполне естественно, что она скучала по инструменту, на котором играла с детства, который когда-то принадлежал ее матери. Рояль во дворце издавал богатый, звенящий звук, и, возможно, был качественнее сделан, но Кестрел не могла не тосковать по тому, на котором играла почти всю свою жизнь. Она почти чувствовала под пальцами его прохладные клавиши.

Ее рояль остался в доме Арина. Она хорошо знала тот дом. Он был ее тюрьмой. Он почти стал ей... домом.

Однако затем Кестрел подумала, что это не так. Она вовсе не так хорошо знала дом Арина. Она была убеждена, что это правда, и поняла: солгала себе лишь для того, чтобы самой себя исправить. Ведь часть дома Арина она так никогда и не видела.

Вот где была загвоздка. Пылающий цветок.

Кестрел никогда не была в покоях Арина. Да, она обнаружила его детские комнаты. Однажды встретила его там. Но в то время он уже спал в другой части дома. Там же проводил часы уединения, принимал ванну, читал, одевался, смотрел в окно. Вид из того окна Кестрел так никогда и не открылся.

Арин жил с противоположной стороны расположенного на крыше двойного сада, который соединял его покои с ее. Он дал Кестрел ключ от той двери в стене, разделявшей их. Кестрел мысленно взяла ключ в руку. Вставила в замок. Отворила дверь.

Она представляла себе, что обнаружит там. Возможно, пол коридора, ведущего из сада в комнаты Арина, был выложен плиткой, которая блестела в темноте, будто чешуя волшебного существа. В воображении Кестрел стояла глубокая ночь. Тьма казалась физически осязаемой.

В отличие от Кестрел, Арин не стал бы зажигать лампы во всех комнатах, особенно в тех, которые не использовал в данный момент. Нет, он бы зажег всего одну, и то неярко, как человек, привыкший беречь то немногое, что у него есть. Поэтому Кестрел пошла бы на свет. Там, где она нашла бы его источник, она нашла бы и Арина.

Иногда она находила его в спальне.

Иногда ей не хватало сил, чтобы думать об этом. Ее сердце вздрагивало. Мужество покидало ее. Поэтому она предпочитала находить его в других местах: в гостиной, где он сидел в кресле или на корточках у камина, подкладываящим в пламя дрова.

После того как она находила его, всегда происходило одно и то же. В ее мыслях у него в

руках всегда было что-то, что он откладывал, когда видел ее: полено, книга.

Он был удивлен: не думал, что она придет.

Выпрямлялся. Вставал. Подходил ближе.

Той ночью в городе Арин выиграл правду. Выиграл честно. Сейчас он получит то, что Кестрел ему задолжала. Он потребует, чтобы она объяснила ему причину. И она все расскажет. Правда лежала на кончике ее языка, и не только там. Кестрел чувствовала правду в горле, корень правды держался глубоко внутри девушки. Наверное, так чувствовали себя певцы перед тем, как запеть, когда тело готовилось и настраивалось на мелодию.

Она могла спросить Арина. Уж ему-то наверняка это чувство знакомо. Но она боялась заговорить.

А Арин слушал. Он ждал ответов.

Момент настал. Это всегда происходило в один и тот же момент. Кестрел поднимала голову, и правда лилась из нее песней.

* * *

Она больше не могла выносить молчание Джесс. Слишком много писем осталось без ответа. Слишком много раз Кестрел уходила, наткнувшись на закрытую дверь Джесс. Ей не хотелось вынуждать подругу к встрече... но, в конце концов, больше ничего ей не оставалось. Он отправила свою карточку с императорской печатью. На плотной бумаге были обозначены день и час визита Кестрел в дом Джесс.

И Джесс ждала ее.

Кестрел провели в салон. Джесс сидела на вышитом диване у камина. Пламя горело ярко, несмотря на то, что день был теплым. Кестрел неловко замерла, теребя ленту своего кошелька. Джесс, казалось, еще больше исхудала, ее волосы утратили свой блеск. Она не встречалась взглядом с Кестрел: ее глаза смотрели выше, на метку помолвки на лбу у гостыи.

Джесс отвела взгляд.

— Что тебе нужно?

Всю дорогу сюда в карете Кестрел испытывала тошноту. Теперь ей стало еще хуже: ее внутренности будто превратились в клубок червей.

— Увидеть тебя.

— Что ж, я здесь, как ты и приказала. Ты меня увидела. Теперь можешь уходить.

— Джесс. — В горле Кестрел встал комок. — Я скучаю по тебе.

Джесс теребила пальцем вышитое изображение на подушке дивана. На нем была девушка-воительница, которая охотилась на лису. Джесс подцепила ногтем нить.

— Дело в ожерелье? — спросила Кестрел. Она слишком скоро — бесчувственно и беспощадно скоро — раздавила стеклянные лепестки подарка Джесс в порошок. Кестрел осознала: в ней жила надежда, что именно испорченный подарок погубил их дружбу.

— Ожерелье, — ровным тоном повторила Джесс.

— Я не понимала, как много оно для тебя значило. Я...

— Я рада, что оно разбилось.

Джесс подскочила на ноги и подошла к хрустальному подносу, который стоял на боковом столике. На подносе был стеклянный кувшин с водой и небольшой пузырек с мутной жидкостью. Джесс налила воды в стакан, немного расплескав, и наклонила над ним пузырек. В воду упали несколько капель и затуманили ее. Джесс начала пить большими

глотками. Ее суровые карие глаза блеснули.

Отец Кестрел узнал бы этот взгляд, потому что в нем стояла война.

Но он бы не увидел непролитых слез Джесс. А если бы и увидел, то притворился бы, что их не было.

У Кестрел в глазах тоже защипало.

— Скажи мне, в чем я виновата.

— Ты знаешь. Ты та, кто всегда все знает. Это я глупая. Наивная, и едва за тобой поспеваю. Почему бы тебе самой мне не сказать? Скажи мне, какая я медлительная. Посмейся над тем, как я заснула в твоей постели, как я устала, как искала тебя на твоём проклятом балу, а ты ни разу там со мной не заговорила. Ни разу. Посмейся над тем, как я пряталась в толпе и стаканами пила лимонную воду просто затем, чтобы делать хоть что-то. Расскажи мне, как я увидела этого твоего раба, когда он пробирался через толпу. Он был грязный. В лохмотьях. Черный и отвратительный.

Но он блеснул. — Джесс заговорила тихо и яростно. — Его губы блеснули. И куртка тоже. Почему бы тебе не объяснить это, Кестрел? Я слишком глупая, чтобы самой в этом разобраться.

Кестрел почувствовала, как от ее лица медленно отлила кровь.

— Я ничего не заподозрила, когда увидела, как его куртка засверкала на свету, — продолжала Джесс. — Как кристаллы, подумала я. Или осколки стекла. Как странно. Но я не хотела на него смотреть. И я отвернулась.

А потом я пошла спать. Ты разбудила меня и рассказала о разбившемся ожерелье. Я такая дура. Ты можешь этому поверить? Только утром, когда я осталась в комнате одна, до меня дошло, что всему есть простое объяснение. — На ресницах Джесс дрожали слезы. — Почему бы тебе мне все не объяснить, Кестрел? Расскажи мне правду.

Кестрел не могла понять, как правда могла быть такой двуликой, как монета. Столь чистой — и уродливой. Она стояла посреди салона, в ловушке из своего собственного молчания... И это молчание стало ее ответом.

Теперь Джесс рыдала, не сдерживаясь.

— Он забрал у меня все.

Кестрел сделала шаг к ней, но Джесс вскинула руки, будто защищаясь. Кестрел замерла.

— Джесс, — тихо произнесла она. — Это не так.

Джесс резко и грубо засмеялась и стерла со щек слезы.

— Не так? Он забрал у меня дом.

— Не сам. Это было частью императорского перемирия: отдать колонию обратно.

— Но он подписал это перемирие.

— Тот дом никогда не был по-настоящему твоим.

— Послушай, что ты сама говоришь! Мы завоевали те земли. Они были нашими. Это закон войны.

— Кто установил такой закон, Джесс? Кто сказал, что именно так все должно быть?

Джесс прищурила глаза, будто смотрела на что-то вдалеке.

— Это из-за него ты стала такой.

— Неправда.

— Ты была моей подругой больше десяти лет. Думаешь, я не знаю, когда ты лжешь?

— Никто не заставлял меня меняться.

— И, тем не менее, это произошло.

Кестрел промолчала.

— Он забрал у меня Ронана, — сказала Джесс. — Ронан вступил в ряды Всадников, ты знала?

Нет. Кестрел знала только о том, что он ушел в армию. Всадники были элитным отрядом. Они соревновались за самые опасные задания. В сердце Кестрел впился острый осколок страха.

— Ронан ушел сам, — сказала она наконец. — Никто не заставлял его записываться.

— Никто?

Голос Джесс был хриплым от ярости.

— Я умоляла его, — произнесла Кестрел. — Я умоляла его не делать этого.

— Чего стоили твои мольбы? Ронан знал. Я готова поспорить на что угодно, что знал. Он знает то же, что знаю я. Тот раб овладел тобой. На его одежде остались осколки моего подарка. На его губах — твоя метка. И ты этого хотела. Ты хотела этого, пока я умирала на полу губернаторского дворца. И даже раньше, когда я выбирала тебе платье и предложила стать твоей сестрой. Все это время ты хотела другого.

Кестрел опустила взгляд на вышивку дивана. Она не отрывала глаз от распускавшейся охотницы.

— Опровергни мои слова, — приказала Джесс.

Если Кестрел потянет за торчащую нитку, вышитое лицо полностью распустится. Если с силой дернет, то, может быть, охотница исчезнет полностью.

— Опровергни их!

— Не могу, — безжизненно ответила Кестрел.

— Тогда уходи.

Но Кестрел не могла пошевелиться.

— Уходи, Кестрел. Я больше никогда не хочу тебя видеть.

* * *

Кестрел сидела за роялем в пустой музыкальной комнате. Клавиши молчали.

Джесс все знала.

Кестрел опустила руку на клавиши, сыграв яростный аккорд. И снова раздалось то странное неприятное эхо, из-за которого казалось, что сама музыкальная комната прислушивается к издаваемым в ней звукам. Кестрел убрала руку. Ее тело напряглось. Может, ей бы удалось, как обычно, забыть об эхе и с головой погрузиться в музыку. Но сейчас ее сжимало чувство, которого она раньше никогда не испытывала.

Ей не хотелось играть.

Кестрел встала из-за рояля и осмотрела комнату. Что исправит здешнюю акустику? Гобелены на стенах? Кестрел заставила себя думать об этом, пытаясь не обращать внимания на то, как отчаянно ей хотелось, чтобы Джесс все поняла.

Кестрел рассматривала полки, размышляя, не стоит ли заставить их книгами. Внезапно она заметила, что у одной из самых высоких полок не было деревянной стенки, а у всех остальных были.

У этой вместо стенки был экран. Искусно раскрашенный экран с реалистично прорисованными сучками и темными кольцами.

Кестрел подошла поближе. Она поднялась на цыпочки и отодвинула в сторону

барометр, а затем постучала по металлическому экрану.

Раздалось эхо.

За стеной была другая комната. А за разрисованным экраном — место, откуда за Кестрел можно было наблюдать и слушать, как она играет или разговаривает с кем-то.

Эта комната раньше принадлежала Верексу, и император отдал ее Кестрел.

Кестрел опустила на пятки.

Императору нравились игры.

Кестрел стала поспешно вспоминать каждое мгновение, которое провела в музыкальной комнате. Совершила ли она здесь хоть одну ошибку? Сказала ли что-то, чего ей говорить не следовало? Вряд ли. Нет, никто не мог увидеть в ее действиях ничего неправильного.

Вызывающего.

Преступного.

Кестрел отошла. За ней могли наблюдать прямо сейчас.

Кестрел покинула комнату и стала изучать коридор снаружи в поисках входа в то место, откуда за ней могли следить. Она водила пальцами по резьбе, украшавшей стены, и наконец сердцевина деревянного цветка поддалась, и панель отъехала в сторону.

Помещение оказалось маленьким, пустым, темным и холодным. Через экран был виден ее рояль и большая часть ярко освещенной комнаты, кроме двери. Кестрел уставилась на то место, где сидела.

Девушка снова осмотрела спрятанную комнату. Она казалась почти обычной. Простой, чистой. Непыльной. Но здесь пахло сыростью и застоявшимся воздухом. Как в тюрьме.

Кестрел много времени проводила с отцом. Он мог ходить, но быстро уставал, так что она приглашала его в свои покои играть в «Пограничные Земли», в то время как остальные придворные в хорошую погоду целые дни проводили на улице, укрываясь от солнца зонтиками. «Такой весны еще никогда не было! — восклицали они. — Свадьба в Перволетний день будет великолепной!»

Кестрел и генерал обычно играли в молчании. Но однажды, вскоре после визита Кестрел к Джесс, ее отец передвинул свою пехоту в опасную позицию.

— Почему ты рискуешь своими солдатами? — спросила Кестрел. Генерал приподнял брови.

— Ты критикуешь мою тактику игры?

— Лучше было бы использовать пушку.

Ее отец почти улыбнулся.

— Я разрушил какой-то твой план?

— Я могла бы истребить твои передние ряды. Я могу сделать это прямо сейчас.

— Что ж, если уж другого выхода нет.

Кестрел начала злиться, но не пошевелилась.

Генерал спросил:

— Это спор?

— Нет.

— Насчет чего мы спорим?

Кестрел подумала о Ронане, который сражался на востоке. О том, как раздавила ожерелье, полученное в подарок от Джесс, потому что оно стоило немного. Отец воспитывал ее способной принимать такие решения. Кестрел вспомнила, как в детстве они с Джесс гуляли, взявшись за руки. Она подумала об Арине, который сейчас был в Геране, и о том, как он теперь к ней относился. И наконец Кестрел взглянула на саму себя со стороны, будто раздвоившись: одна часть ее стояла за экраном музыкальной комнаты, наблюдала за второй частью и судила о ее поступках.

— Ты жертвуешь ими, — сказала она отцу.

— Это всего лишь игра.

Кестрел ничего не ответила.

— Ты беспокоишься о моих методах, — произнес генерал. — По-твоему, я не знаю, как вести войну.

— Ты разбрасываешься жизнями.

— Я защищаю своих солдат, как могу. И да, я использую пушки. У валорианской армии достаточно артиллерии. Мы обладаем значительными запасами черного пороха. Наш арсенал превосходит все, что мог бы нам противопоставить противник. Мне даже далеко не всегда нужна артиллерия.

Кестрел представила Ронана на передовой армии.

— Значит, вместо этого ты предоставляешь нашим людям сражаться врукопашную.

— Это то, как мы действуем. Это наша работа. Если не можем захватить эти земли своими руками, то мы их не заслуживаем.

Кестрел отстранилась от игровой доски и откинулась на спинку стула.

Генерал произнес:

— Ты бы предпочла, чтобы я выставил целые ряды артиллерии и уничтожил силы жителей востока?

Нет, разумеется, нет. Она имела в виду другое.

— Ты обвиняешь меня в том, что я трачу жизни. Я мог бы, Кестрел. Я мог бы убивать людей тысячами, десятками тысяч. Но я этого не делаю. Я пытаюсь свести число жертв к минимуму.

— Лишь для того, чтобы потом поработить этих людей.

Генерал поджал губы.

— Давай доиграем.

Он выиграл.

* * *

Верекс перехватил Кестрел в коридоре.

— Я тебя искал.

— Может, ты подкупил не ту служанку. Выбери ту, которая внимательнее следит за тем, чем я занимаюсь.

Он рассмеялся.

— Или, может, тебе стоит подкупить кого-то из моих лакеев, чтобы сравнять счет. Хотя... — он добродушно пожал плечами. — То, чем занимаюсь я, не так уж интересно. — Он потянул Кестрел за руку. — Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать. Вернее, подарить.

— Подарить?

— В честь свадьбы.

Слово «свадьба» заставило Кестрел остановиться.

— Для этого еще слишком рано.

— Дарить подарки никогда не рано.

— У меня для тебя ничего нет.

— О, пошли уже. Тебе понравится, обещаю.

Это был крупный щенок. Черное непоседливое создание со сложенными ушками и укороченным хвостом. Щенок уже оставил на полу желтую лужицу и грыз ножку одного из резных стульев в гостиной Верекса.

— Недокормыш, — гордо сказал Верекс. — Это девочка, и она выжила.

Кестрел наклонилась, шелестя жесткой тканью юбок. Она протянула щенку руку, которую тот понюхал, а затем подsunул голову так, чтобы девушка могла почесать ему между ушами. Короткий хвостик вилял туда-сюда. Щенок с восторгом куснул Кестрел за запястье.

Внезапно Кестрел ощутила спокойное тепло, как будто только что вошла в помещение после прогулки, которая оказалась холоднее, чем ожидалось.

Выпрямившись, Кестрел подошла к Верексу и поцеловала его в щеку.

— Ой, — сказал он и неловко похлопал ее по плечу. — Все хорошо. — Он улыбнулся.

Они играли с щенком, которому Кестрел пока не хотела давать имя. Они бросали собачке бархатные подушки. Животное терзало их в клочья. На пол летели перья.

Мгновение было простым и гладким, как речная галька. Кестрел могла бы спросить Верекса про экран в музыкальной комнате. Могла бы рассказать про игру в «Пограничные

Земли» с отцом или о том, как ее самая давняя подруга перестала быть ей подругой. Но ей не хотелось. Нельзя было испортить мгновение. Она сражалась с собачкой за подушку, пока не победила, но на подушку это уже было мало похоже. Щенок свалился черной кучкой и заснул.

Кестрел попыталась угадать, как бы назвала собачку Джесс, но прогнала эту мысль. Вот только...

Что-то не давало ей покоя. Что-то, что она увидела в тот день в салоне Джесс и никак не могла осознать. Загадка, которая должна была бы иметь простой ответ, в то время как остальное приводило ее в замешательство. Например, она одновременно понимала, почему злится Джесс, и не могла понять.

— Ты многое знаешь о медицине, — сказала Кестрел Верексу.

— На самом деле, не очень. — Он сидел на полу возле спящего щенка, который скрутился калачиком у ног Кестрел. — Я изучал ее немного. Я же говорил, моему отцу это не нравилось. Я далеко не продвинулся.

— Но кое-что ты знаешь.

Он пожал плечами.

— Ну да.

— Есть ли какое-нибудь коричневатое лекарство, которое принимают вместе с водой?

— Разбавленное водой?

— Да, я это и имела в виду. Лекарство оставляет осадок на дне стакана.

Верекс прикусил губу.

— Это могут быть разные вещи. Спроси дворцового лекаря. Он готовит много концентрированных лекарств, которые позже надо разбавлять водой. Он безупречно рассчитывает, сколько чего нужно добавить. Учился на водного инженера. — Заметив удивление Кестрел, Верекс сказал: — Да, он даже служил в армии с дворцовым водным инженером. Но это было давно. Он оказался одаренным медиком на полях сражений и сменил профессию. — Верекс погладил щенка по спине, и тот тяжело вздохнул. — Тебе бы не хотелось, чтобы для тебя все было так же просто? Изменить то, кем ты являешься?

Сначала Кестрел не услышала его вопроса. Ее разум ухватился за связь между дворцовым лекарем и главным инженером, которой заплатили за какую-то неизвестную услугу.

Она пообещала Тенсену, что выяснит, в чем заключалась эта услуга.

Она обещала себе, что будет следовать собственному представлению о чести. Она поможет Тенсену. Потому что так поступить было правильно. Потому что это имело значение.

«Как можно не испытывать стыда от нелогичности собственной жизни?»

Кестрел так явственно вспомнила голос Арина, что не осознавала, как пристально Верекс на нее смотрит. О чем он спросил?

Не хотела ли бы она изменить то, кем является.

— Нет, — солгала она, а затем решила, что ее слова были правдой. — Нет, — повторила она еще раз. — Не хотела бы.

— Вам что-то пришло, — сказала дакранская королева на своем языке, протягивая Арину сверток. — Геранский корабль доставил это на храмовый остров.

Арин прижал сверток рукой к туловищу. Это была не простая посылка, а с новостями. Он попытался скрыть свою радость.

И удивление, вызванное тем, что сама королева ему эту посылку доставила. Она стояла посреди его комнаты — у него была только одна комната, а не покои. Один угол занимала аккуратно застеленная кровать, оказавшаяся гораздо выше и уже, чем Арин привык. В комнату через несколько небольших треугольных окон, врезанных в стену так, чтобы получилась правильная звезда, лился мягкий сероватый свет. Казалось, что черные глаза королевы, подведенные полосами синей краски, которые зеленоватыми завитками протянулись к ее смуглым скулам, сияли. Она была высокой; ее глаза были почти на одном уровне с глазами Арина.

— Откройте его, — приказала она.

Арин потер рукой шрам на щеке.

— Вы меня понимаете? — спросила королева. — Я вижу, что да. Вы быстро выучили мой язык.

— Так же быстро его смогут выучить геранские солдаты. Мы сможем сражаться вместе.

— И, тем не менее, вы не готовы подчиниться даже простой команде.

Арин развернул посылку. В ней оказалась рубашка с отделкой из хорошо знакомых ему цветов. Не стоило вглядываться в узор и пытаться сразу же разгадать послание узелков прямо перед королевой, но он не смог удержаться. Моль...

— Ткань слишком плотная для нашей погоды, — заметила королева.

— Я отошлю ее назад.

Арин отпорет отделку и пришьет к рубашке собственное послание Тенсену.

Он небрежно перекинул рубашку через спинку стула, читая по нитям, что имперский водный инженер живет явно не по средствам и враждебно относится к Герану. Моль считала, что женщина-инженер заключила сделку с императором. Доказательств не было, но...

Начался дождь. Арин слышал, как по ливневым трубам дворца стекает вода. Королева все это время молчала, наблюдая за ним. Арин заставил себя отвернуться от рубашки.

Наверное, дело было в том, что он сейчас думал о Моли и символизирующей ее серой нити, которая была задействована в каждой части узора. Арин посмотрел на королеву, но вместо нее увидел Ришу. У королевы были те же прямые брови, такая же форма губ, и равная, как начал подозревать Арин, щедрость. У него появилась идея.

— Я отправляю брата за пределы города, — сказала королева. — Вы поедете с ним. — Она помедлила и добавила: — Это пойдет ему на пользу. Он беспокоен.

— Он был с вашей сестрой, когда она попала в плен к империи?

Лицо королевы напряглось.

Арин сказал:

— Мне кажется, он винит себя.

— Он винит меня.

— Я не понимаю.

Королева подошла к узору окон и стала смотреть на дождь. Она притворилась, что по-другому поняла смысл его слов:

— Выучить чужой язык за такой короткий срок непросто. У вас есть дар?

Арин не был уверен. Даже сейчас он знал не все слова из тех, что она произносила. Его сознание добавляло значения в незнакомых местах, достраивая предложения из того, что он понимал. Это было похоже на игру...

Осознав эту последнюю мысль, Арин увидел в ней угрозу. Ему показалось, будто его ударили в живот, чтобы остановить ход его рассуждений, и попытался удержать ту полумысль о словах, их значениях и играх. Он попытался вернуть ее, но мысль вырывалась. Она начала разворачиваться сама по себе, заставляя его вспомнить о «Клыке и Жале» и о том, как можно выиграть, даже не зная каждой карточки, которая была в игре. Да, он выигрывал, хотя во время игр с Кестрел ему и казалось, что все карточки пусты с обеих сторон.

Он задавил эту мысль. Потому что, в конечном счете, ложные догадки о том, кем Кестрел не была, сослужили ему плохую службу. Заставили его поверить в то, чего не существовало... или уже перестало существовать.

— Нет, — прямо ответил он королеве. — У меня нет никакого дара.

— Возможно, тысячи лет назад у Дакры и Герана был общий предок, — предположила королева, — и из-за этого наши языки так похожи. Хотя этого не могло быть. Мы слишком разные.

— Все может быть иначе.

Королева повернулась к нему лицом.

— Прекратите просить о союзе.

— Нет.

— Глупец.

— Я предпочитаю считать себя оптимистом.

Королева прищелкнула зубами, что было дакранским выражением несогласия. Звук выражал нетерпение. Арин слышал, как его использовали по отношению к детям.

— Герану нечего нам предложить, кроме жизней, — сказала королева. — Я поставлю ваших людей в передние ряды наступления. Когда мы победим, я захвачу вашу страну и сделаю ее своей. Оптимист — не то определение, которое вам подошло бы. Но... — она смерила Арину взглядом, — вы и не дурак. Просто отчаявшийся.

Должно быть, дождь прекратился. По трубам больше ничего не стекало.

Королева сказала:

— Я на вашем месте была бы такой же. Просила бы о том же, о чем просите вы. Но я бы предлагала больше. Тогда я смогла бы договориться о более выгодном союзничестве.

Арин вспомнил об изумрудной сережке, которой расплатился со счетоводом. Он думал не о ней самой, а о том, что она символизировала. Арин сосредоточился на ее цене, на ее бесценности и попытался придумать хоть что-то, что могло сравниться в этом с серьгой.

— Скажите, что я могу вам дать.

Королева аккуратно повела плечом.

— Нечто больше.

— Скажите что.

— Я узнаю что, — ответила королева, — когда вы дадите мне это.

Арин и Рошар гребли против течения реки. Мягкий рассвет уверенно превратился в яркий день. Замок остался позади них, а потом и вовсе исчез. Водоросли у берегов спутывались друг с другом, а над каноэ, будто флаги, зависли огромные стрекозы.

Рошар управлял лодкой. Когда они только покидали город, Арин обратил внимание на арбалет, висевший у Рошара на спине, и несколько ножей для метания у бедер. Арин спросил, неужели Рошар ожидал, что жители равнин, разбившие лагерь у реки, станут сопротивляться. Рошар небрежно ответил:

— А, это от речных тварей. — Он, казалось, был настроен игриво. Затем, хоть Арин и не задавал больше вопросов, Рошар добавил: — Если тебе интересно, я хочу поймать какую-нибудь прекрасную ядовитую змейку и заставить тебя ее съесть. А ты любишь испортить весь сюрприз.

Каноэ замедлило ход. Рошар замер, и Арин тоже поднял весло из воды и оглянулся. Рошар вглядывался в водоросли. Из-за изуродованного носа контур его лица был неприятно ровным.

Течение начало относить их в противоположную сторону. Они снова взялись за весла.

В этот день было что-то такое — колебание тростника, движение весел, звон стрекоз и даже плоский профиль Рошара, — что тронуло Арина. Если бы ему пришлось описывать это чувство словами, он сказал бы, что сроднился с мгновением.

Он начал петь. Самому себе, сегодняшнему дню и тому чувству, что поселилось в нем. Он не пел так давно, и ему было приятно наконец вылить музыку в мир, почувствовать, как ее тяжесть снимается с языка. Песня струилась.

Он не думал ни о чем. Не думал о ней. Но потом подумал, как не думает о ней. Песня стала тяжелой, как свинец. Арин оборвал ее.

Воцарилось молчание.

В конце концов, Рошар, сидевший позади Арина, произнес:

— Не делай так при моей сестре, а то она не позволит мне убить тебя.

Не оглядываясь, Арин сказал:

— Когда я покидал столицу, то видел Ришу.

Каноэ начало сносить течением. Рошар снова перестал грести.

— Ее все там так называют или только ты? — Когда Арин вопросительно глянул на принца через плечо, тот продолжил: — Ее зовут Ришанауэй. Чужакам положено обращаться к ней так. Риша — для семьи.

Арин не понял, предпочитала ли Риша сама, чтобы ее так звали, или это имя выбрали для нее другие. Он вспомнил слова, которые она сказала ему при их последней встрече. С неохотой, но решительно он сказал Рошару, потому что посчитал, что тому стоит знать:

— Она сказала мне, что ее место во дворце.

Арин увидел на лице Рошара сожаление и горечь утраты... но также и облегчение. Этого Арин не понял. Задаваясь вопросом, так ли уж хотели королева и ее брат вернуть свою похищенную сестру, он осознал, что втайне гадал: вдруг этого оказалось бы достаточно для того, чтобы заключить союз, в котором так нуждалась его страна? Если бы он привез Ришу в Дакру с собой, ответило ли бы это ожиданиям королевы о «чем-то большем»? В какой роли Риша принесла бы большую пользу Герану: как Моль Тенсена или как козырь в переговорах с дакранской королевой?

Арин заставил себя остановиться. Такие вопросы задавала бы Кестрел. Кестрел всегда точно знала, насколько ей может быть полезен тот или иной человек. Арин с отвращением поджал губы.

— Вижу, мы оба сейчас задумались о приятном, — заметил Рошар. — А теперь за весла, маленький геранец, иначе мы застрянем здесь до ночи.

* * *

День окрасился в оранжевые цвета. Еще ни разу не прошел дождь.

— Почти на месте, — сказал Рошар.

— Почему жителям равнин приходится кочевать с места на место?

— Им и не приходится. Просто это отдельное племя разбило лагерь вверху по течению реки, недалеко от земледельческой деревушки, где поспевает урожай. Жители деревни пожаловались, что вода в реке стала грязной. Моя сестра хочет, чтобы эти беженцы перебрались в город вместе с остальными.

Сердце Арина будто зажали в тисках. Он вспомнил женщину с тряпичной куклой. Он подумал о том, каково это, когда тебя выгоняют из дома, ты строишь новый дом, но тебя выгоняют и оттуда.

— Значит, им снова придется страдать.

— Арин, ты думаешь, мне хочется просить их, чтобы они переселились? Мне вечно приходится выполнять за сестру грязную работу. — Рошар вздохнул. — Хоть для чего-то мое лицо годно. — Уловив изумление в молчании Арина, он сказал: — Да, несчастный принц, изувеченный империей. Вы не хотите сделать то, о чем он вас просит, люди равнин? Посмотрите на него. На его лицо. Ему тоже пришлось страдать.

Рошар выругался себе под нос.

Арин оглянулся, хоть и знал, что Рошару вряд ли хотелось бы, чтобы Арин увидел сейчас выражение его лица. Именно в такие моменты, когда эмоции в его глазах отражали увечья, принц выглядел особенно изуродованным.

Рошар снова заговорил, на этот раз четко:

— Дакра отвоюет равнины обратно. Генерал Траян сейчас в столице империи. Время пришло. Мы заберем назад то, что у нас украли.

— Нет. Не делайте этого.

— Что?

— Сожгите равнины.

— Что? Никогда.

— К черту империю, — сказал Арин. — К черту равнины. Выкурите эту проклятую армию со своей земли. Если равнины так уж им нужны, пусть сгорят за них.

— Но мы можем отвоевать равнины. Я уверен в этом.

— А что будет потом, когда генерал вернется на фронт? Что, по-твоему, он сделает? Он сожжет вас. Вам повезло, что он не сделал этого с самого начала.

Что-то дернулось внутри Арина. Что-то, связанное с Кестрел. И у него потемнело в глазах от того, как он разозлился на себя, на то, как его мысли постоянно обращались к ней, как его тело вспоминало ее даже сейчас, даже здесь, на другом конце света от нее. Арин раздавил зародыш этой мысль в порошок.

— Арин. — Рошар был в ужасе. — Это наши земли.

— Иногда кажется, что тебе что-то нужно, — ответил ему Арин, — в то время как в действительности следует отдать это.

* * *

К тому времени как Рошар объявил, что они добрались до места, небо окрасилось в сумеречно-розовые цвета. Арин не видел никакого лагеря, лишь стену тростника ржавого цвета. За ней, по словам Рошара, и скрывались покрытые травой луга и беженцы.

Они вывели лодку к берегу и спустились на грязное мелководье, чтобы вытащить ее на заросший тростником мокрый берег. Рошар зарядил свой арбалет. Перехватив взгляд Арина, он произнес:

— Просто предосторожность.

— Я думал, ты шутил, когда говорил о змее.

Рошар мрачно ответил:

— А я надеялся, ты веришь всему, что я говорю.

Он пошел вперед через камыши.

Арин не знал, что беспокоило Рошара; он надеялся, что не змеи — арбалет не самое лучшее оружие против них, — но теперь и он тоже встревожился. Фигура Рошара, уже отошедшего на порядочное расстояние, казалась маленькой среди тростника. Арин пошел за ним следом. Его ноги вязли в грязи.

— Королеве не следовало отправлять тебя одного.

Рошар обернулся.

— Я не один, — просто ответил он. — Ты со мной.

Арин собрался было попросить, чтобы Рошар дал ему какое-нибудь оружие. Он почти поравнялся со своим спутником.

Внезапно тростник всколыхнулся. По нему прошла плавная волна, будто кто-то аккуратно подкрадывался.

Из-за стеблей, расставив когти, выскочил какой-то зверь.

Тигр набросился на Рошара. За мгновение до этого Рошар выбросил перед собой руку. Низко рыча, зверь вцепился в нее зубами. Его морда была в крови. Тигр раскрыл пасть, чтобы впиться зубами в шею Рошару, но затем снова вцепился в руку, которая оказалась на пути.

Арин повернулся и побежал обратно к каноэ. Которое стало раскачиваться, когда он наполовину перевесился через борт. Схватив весло, Арин, увязая в грязи и цепляясь за поломанные стебли тростника, вернулся к Рошару и с размаху ударил тигра веслом, заставляя того отпрянуть.

Зверь зарычал. Массивное полосатое тело подобралось. Рошар откатился в сторону, покрытый собственной алой кровью. В руках у него ничего не было. Рошар хрипло вдохнул, и это было единственным звуком, который Арин слышал.

Тигр набросился на Арина.

Тот упал спиной в грязь и начал увязать в ней. Набрав полный рот грязи, он пытался удержать весло между собой и тигром, который оскалил поломанные зубы. Дыхание зверя было горячим, а рык сотрясал тело Арина, будто это он издавал этот звук. Ему в плечи болезненно впились когти. Арин пытался оттолкнуть морду зверя веслом, но понимал, чем все закончится. Его руки устанут. Весло треснет. Тигр рано или поздно подберется с удобной стороны и вцепится ему в шею.

Черный нос. Плавные полосы. Дикие янтарные глаза. В такие цвета была окрашена смерть Арина.

Но затем он вспомнил пустые руки Рошара.

Вспомнил про арбалет.

И хотя Арин понимал, что арбалет ему будет бесполезен — как целиться, не давая при этом тигру наброситься? боги, заряжен ли он все еще? — он рискнул отвести взгляд от зубов тигра и посмотреть в тростник. Арин увидел поломанный арбалетный болт, свинцовый наконечник которого торчал из грязи.

На расстоянии вытянутой руки.

— Рошар, — задыхаясь, выдавил из себя Арин.

Он слышал, как зашуршал камыш. Арин не видел Рошара, но знал, что тот пошевелился, и этого было достаточно.

Это отвлекло внимание тигра.

Арин протянул руку, схватил с земли арбалетный болт и воткнул его тигру в глаз.

Зверь взревел. Арин вогнал болт еще глубже. По его пальцам потекла горячая жидкость. Арин продолжил давить на оружие.

Тело тигра обмякло. Давление когтей ослабло.

Почему-то именно в это мгновение пришел страх. Тигр был мертв, но Арин продолжал с ним сражаться. Захлебываясь в грязи, он пытался столкнуть с себя полосатое туловище, с ужасом глядя в янтарный глаз тигра и во второй, выколотый, из которого сочилась жидкость.

А потом рядом оказался Рошар, и они вместе освободили Арина из-под тела тигра.

Арин, задыхаясь, лежал в грязи. Рошар тяжело опустился возле него. Предплечье принца было разодрано в клочья, он аккуратно прижимал к себе руку, согнув ее в локте, с которого стекала кровь.

Арин закрыл глаза и увидел глаза тигра. Тогда он открыл свои. Он увидел лабиринт тростника и скользкую грязь под щекой.

Рошар втянул в себя воздух. На одно причудливое мгновение Арин подумал, что звук, который он услышал следующим, тоже исходил от принца.

Царапающий плач. Мяуканье.

О нет. Арин знал, кто это. Он зажмурил глаза, чтобы не смотреть.

— Тигренок, — произнес Рошар.

И Арину пришлось посмотреть. Из ломаного тростника, утопая передними лапами в грязи, выбрался тигренок. Он взглянул на свою неподвижную мать и жалобно заплакал.

Арина пронзило болью. Он почувствовал грязь во рту.

В его сознании возник образ мальчика. Рыдающего и молящего. Тянущего за руку мертвой матери. Тянущего за ее длинные, покрытые кровью темные волосы. Тогда руки Арина были маленькими. Но в них появилась неожиданная сила. Он изо всех сил сжимал кулачки. А потом убийца матери оттащил его прочь.

Арин выдохнул, избавляясь от воспоминания. Он подавился воздухом, будто то была завязанная узлами веревка, и закашлялся, утирая с лица грязь и выплевывая изо рта ее остатки.

— И что же с тобой делать, — проговорил Рошар, глядя на тигренка. Тот завяз в грязи, уйдя в нее по самое тельце.

— Оставь его.

Рошар не ответил Арину. Он пробрался к тигренку через болотистый тростник и поднял его здоровой рукой.

* * *

— Брат, ты сошел с ума, — сказала королева.

— Он любит меня, — возразил Рошар. Тигренок спал, свернувшись клубком у его ноги.

— А что будет, когда он вырастет и станет достаточно большим, чтобы съесть живьем человека?

— Тогда я заставлю Арина заботиться о нем.

Арин услышал достаточно. Он направился к выходу из покоев Рошара.

— погоди, — сказала королева.

Арину приходилось терпеть боль. Ему перевязали его разодранные плечи, и он был изнурен путешествием обратно, как и потрясением, которое выказали жители равнин, когда они с Рошаром появились в их стойбище с тигренком. Увидев, что неподалеку обитают тигры, они легко согласились переместить свой лагерь. Они накормили Арина, хотя тот не хотел есть. А потом Рошар с восторгом занялся трупом тигрицы: он осмотрел расслабленную пасть и объявил, что тигрица сломала зубы уже давно, и слава за то богине, иначе у них не было бы против зверя ни единого шанса.

— Мне бы, по меньшей мере, пришлось расстаться с рукой, — сказал он. Его рука представляла собой кровавое месиво. В лагере его раны промыли, зашили и перевязали. — Видимо, тебе придется самому доставить меня и тигренка домой, — жизнерадостно сказал Рошар, так что Арин греб по течению всю дорогу, в то время как Рошар спал, сняв боль меньшей дозой того же наркотика, который когда-то использовал, чтобы усыпить Арина. Кольцо с наркотиком было хитроумным приспособлением. Рошар уколол себя шипом, а

затем посмотрел на рваную рубашку и разодранные плечи Арина.

— Извини, — сказал он. — Тебе нельзя. Ты должен грести.

Арин обругал его.

Рошар улыбнулся.

— Следи за выражениями, — сказал он и закрыл глаза.

Пока Арин греб, его плечи горели и кровоточили. Всю дорогу в город королевы тигренок с несчастным видом ходил по каноэ взад-вперед. Лодка раскачивалась из-за этого, и животное выло, не чувствуя уверенной опоры под ногами.

— погоди, — снова сказала королева Арину. Она отошла от Рошара, пересекла комнату и протянула что-то Арину. На ее развернутой вверх ладони блеснул кинжал Кестрел. — Спасибо, — сказала королева и попыталась отдать Арину кинжал.

— Он мне не нужен.

Рука, державшая кинжал, дрогнула.

Арин сказал:

— Вы знаете, что мне нужно.

Королева покачала головой.

— Никакого союза.

Арин вспомнил удушающий ужас, который испытал, пока лежал в ловушке лап тигрицы. Как тот ужас сжал его внутренности. Не давал вздохнуть. Но дело было не в самом ужасе, а в том, что чувство было Арину знакомо. Точно так же он чувствовал себя месяцами, годами, придавленный империей.

Арин представил, будто кинжал в руке королевы уменьшился до размеров иглы. Не обращать на него внимания. Легко потерять.

Он вспомнил, как Рошар разбросал крохотное оружие Риши по кукольному замку.

Он представил себе восточный арбалет, меньший, чем валорианский.

Тигренка, оскалившего свои маленькие зубы.

Свою страну, беспомощную перед армией империи с ее инженерами, черными флагами, черными рядами пушек и кажущимися бесконечными запасами черного пороха.

И внезапно у Арина появилась идея.

Идея приняла форму. Она была небольшой. Компактной, твердой, подвижной. Она росла у него в сознании, пока он не моргнул, возвращаясь к тому, что было перед ним в покоях Рошара. Не воспоминание, не ужас и не идея. Всего лишь кинжал на ладони королевы.

Сколько вреда мог принести один кинжал?

— Уберите от меня это, — сказал Арин королеве. — Мне нужна кузница, и я хочу остаться там один.

Отец Кестрел осматривал щенка, подняв его за загривок и держа перед собой. Генерал взвесил в руке на удивление большие лапы. Ухватил щенка за морду и оттянул розово-черные губы, чтобы было видно зубы.

— Это хорошая собака, — заключил он. — Тебе нужно будет выдрессировать ее. Нет, решила Кестрел, она не будет дрессировать свою собаку.

* * *

Кестрел несла с собой подарок. Он лежал в небольшой шкатулке, которую она положила в карман юбки. Пока она шла через сводчатую галерею в Весенний сад, шкатулка с каждым шагом билась о ногу. Ветер снаружи был теплым и ласкающим, и щенок, семенящий рядом с Кестрел, принялся обнюхивать воздух. Уловив какой-то запах, собака понеслась к деревьям и скрылась в них. Кестрел не стала пытаться удержать ее.

Все знали, что дворцовый лекарь сам выращивает свои целебные травы. Кестрел нашла мужчину на его садовом участке у кустарника с едким запахом.

Увидев ее, лекарь выпрямился и с обеспокоенным видом осведомился, в порядке ли ее отец.

— Он здоров, — ответила Кестрел. — Но я здесь все равно из-за него. — Она протянула лекарю шкатулку. — Спасибо вам. Вы спасли ему жизнь.

Было очевидно, что мужчине приятно: его щеки, изрезанные морщинами, покрылись легким румянцем, и он аккуратно взял шкатулку в руки. Они были не совсем чистыми после работы с землей, и лекарь неловко и торопливо попытался вытереть их о носовой платок, которого у него не оказалось. Кестрел дала ему свой.

Мужчина сконфуженно улыбнулся.

— Я не привык появляться в обществе и не всегда готов к этому. — Он открыл шкатулку и задержал дыхание. Там лежала золотая брошь в виде цветущего дерева — символа ордена лекарей. Дерево было усыпано фруктами из драгоценных камней. — Это слишком дорогой подарок.

— В благодарность за жизнь моего отца? Ничуть.

Глаза лекаря подернулись слезами. Кестрел ощутила укол вины, как если бы играла в «Клык и Жало» с человеком, не созданным для этой игры.

И все же между лекарем и водным инженером могла быть какая-то связь. Кестрел обещала Тенсену узнать, какую услугу инженер оказала императору. Перед ее мысленным взором снова предстал длинный стол, уставленный пустыми тарелками. Восточные равнины. Рабы, которые убирали императорский дворец. Шрам на лице Арина.

— Вы покажете мне свой сад? — спросила Кестрел.

Они пошли вперед вдоль зеленых рядов.

— Я беспокоюсь за свою подругу. — Кестрел описала пузырек с темной жидкостью, который видела у Джесс. — С ней все в порядке?

— Полагаю, я знаю, о ком идет речь. О девушке, которая жила в нашей колонии в Геране? Вам не нужно беспокоиться. Я сам дал ей это лекарство. Оно успокаивает нервы.

Кестрел испытала облегчение.

— Значит, оно неопасно.

— Если принимать его в правильной дозировке, — ответил лекарь и быстро добавил: — Но у вашей подруги никогда не будет доступа к такому количеству, которое могло бы причинить ей вред. Его запрещено продавать даже в городских аптеках. Я сам слежу за его производством во дворце и раздаю в очень малых количествах.

— Оно вызывает привыкание?

— Нет. Физически от него нельзя стать зависимым. Но можно духовно. Ваша подруга может привыкнуть принимать его перед сном. Если использовать его слишком долго, это может быть опасно.

— Насколько опасно?

Кестрел прочитала ответ на свой вопрос по выражению лица лекаря.

— Но для этого нужно принимать его много месяцев.

Кестрел повысила голос:

— Почему вы дали моей подруге лекарство, которое может убить ее?

— Миледи, — с уважением, но твердо произнес лекарь, — любое лекарство может быть опасно. Мы используем их потому, что пользы оказывается больше, чем возможного вреда. Ваша подруга нуждается в спокойствии и крепком сне. Это не навсегда. Лишь для того, чтобы она почувствовала, что спокойствие возможно. Она слаба. Я беспокоюсь, что если она не получит достаточно отдыха, то может стать жертвой серьезного заболевания. — Увидев неуверенность Кестрел, он продолжил: — Когда вы видели свою подругу в последний раз, она не дрожала? Ее руки?

— Нет.

— Тогда причин для беспокойства нет. Дрожащие руки — признак передозировки. Хотя в случае вашей подруги это и невозможно. Я дал ей совсем немного лекарства.

Издали донесся лай щенка.

— Не давайте ей больше. — Кестрел сплела пальцы в замок и сжала их. — Пожалуйста, не давайте.

— Я и не собирался. — Лекарь казался слегка оскорбленным. — Вам не нужно просить об этом. Я бы никогда не стал подвергать опасности жизнь валорианца.

Кестрел попыталась избавиться от беспокойства. Она долгие годы училась притворяться, что для нее ничего не имело значения. Кестрел стала расспрашивать лекаря о его саде. Они обсуждали травы, почвы и погоду.

Отец учил ее, что на войне лучшая уловка — искренность. Чтобы отвлечь врага и заставить его упустить ключевой шаг, обман должен быть правдой.

Такую же тактику использовала Кестрел.

Она действительно хотела отблагодарить лекаря.

И действительно беспокоилась о здоровье Джесс.

У правды, как начала осознавать Кестрел, был особый вес, который люди чувствовали. Она была искренна с лекарем, чтобы, пока вес истин будет укладываться в его сознании, сделать ход, которого тот не заметит.

— Я поражена, как процветает ваш сад, — сказала девушка. — Погода такая неустойчивая. Сегодня тепло, а завтра могут быть заморозки. Я сейчас едва знаю, что надевать.

— Вы всегда одеты очень изысканно.

— Вы слишком любезны. Однако сделать правильный выбор всегда так непросто. Я

даже передумала насчет того, каким хочу видеть свое свадебное платье.

Лекарь остановился на полушаге. Он начал что-то говорить, но Кестрел старательно пропустила его слова мимо ушей. В этом ей помог щенок, который прибежал к ней с палкой в зубах. Собака положила деревяшку у ног Кестрел и пролаяла несколько раз.

— Но... уже слишком поздно изменять свадебное платье, — говорил лекарь. — Вам ни за что не успеют пошить новое. Леди Кестрел, вам стоит серьезно об этом подумать...

Кестрел не обращала внимания на то, что он говорил. Щенок выжидающе на нее смотрел, виляя коротким хвостом и твякая. Кестрел наклонилась, подняла обслонявленную палку и бросила ее. Та взлетела в голубое небо, перекручиваясь через себя. Щенок бросился по лужайке за ней. Кестрел улыбнулась и дождалась, пока собака принесет палку обратно.

* * *

— Как хитро, — поддразнил ее Арин.

Кестрел беспомощно дернула плечом, отмахиваясь от мысленного образа. Она научилась принимать то, как в ее сознании появлялся Арин. Теперь она нуждалась в этом.

Она оставила лекаря на его участке и повела свою собаку по лужайке прочь. День становился все теплее. Кестрел опустила на траву. Она почувствовала зеленый аромат. Почти ощутила его на вкус.

Щенок уселся рядом с ней. Кестрел сняла свои тесные туфли. Трава колола ступни через чулки. Дворец был слишком большим, чтобы представить, будто он далеко. Но все же Кестрел казалось, будто она покинула его, хотя бы на какое-то время.

— Он совсем рядом, — сказал Арин, как будто прочитал ее мысли.

Кестрел повернулась к воображаемому Арину. От его шрама не осталось и следа, а серые глаза были на удивление ясными.

— Ты ненастоящий, — напомнила она ему.

— А по-моему, вполне настоящий. — Он провел пальцем по ее нижней губе. И внезапно Кестрел показалось, что в небе ни облачка, и лужайку залил солнечный свет. — Ты-то настоящая.

Щенок зевнул, со щелчком захлопнув пасть. Этот звук заставил Кестрел очнуться. Она испытала легкое смущение. Ее сердце билось учащенно. Она не могла перестать притворяться.

Кестрел запустила руку под юбки, чтобы стянуть с ноги чулок, доходящий до колена.

Арин хмыкнул.

— Я хочу ощутить траву под ногами, — сказала она Арину.

— Тебя кто-нибудь увидит.

— Мне все равно.

— Но ведь этот кто-нибудь — я. Неужели тебе все равно, что случится с моим несчастным сердцем, Кестрел? — Арин перехватил ее руку, когда она стала снимать второй чулок. — Ты жестока со мной, — сказал он и спустил с ее ноги чулок, проведя рукой по голени Кестрел. Посмотрев на девушку, он обхватил рукой ее лодыжку. Кестрел смутилась... хотя совершенно точно осознавала, что делает.

Арин ухмыльнулся. Свободной рукой он сорвал травинку и пощекотал ею стопу Кестрел. Та засмеялась и отдернула ногу.

Он отпустил ее лодыжку и лег на живот рядом, приподнявшись на локтях. Кестрел

лежала на спине. Звонко и протяжно выводила трели какая-то птица. Кестрел посмотрела в небо. Оно было голубым, как летом.

— Идеально, — произнесла она.

— Почти.

Кестрел повернулась к Арину. Он смотрел на нее.

— Я буду скучать по тебе, когда проснусь, — прошептала она, потому что поняла, что наверняка заснула под солнцем. Арин был слишком настоящим, для того чтобы быть плодом ее воображения. Это был сон.

— Не просыпайся, — сказал он.

В воздухе пахло молодой листвой.

— Ты говорил, что доверяешь мне.

— Говорил, — ответил он и добавил: — Доверяю.

— Ты — сон.

Он улыбнулся.

— Я лгала тебе, — сказала Кестрел. — Хранила от тебя секреты. Я думала, так будет лучше. Но самом деле, я тебе не доверяла.

Арин перевернулся на бок. Он легонько погладил ее по щеке тыльной стороной ладони. Его прикосновение напомнило Кестрел последнюю пронзительную ноту птичьей трели.

— Да, — произнес он мягко. — Не доверяла.

Кестрел проснулась. Щенок спал у нее в ногах. Чулки лежали рядом. Солнце в небе поднялось выше. Ее щека горела, а кожа казалась натянутой: Кестрел слегка подпалила ее под солнцем.

Щенок пошевелился, но не проснулся. Кестрел завидовала ему. Она снова опустила голову на траву.

Она закрыла глаза и попыталась вернуться в тот сон.

* * *

Позже на Мясном Ряду Кестрел попросила Тенсена проверить, не изменила ли водный инженер свою ставку на свадебное платье. Если да, то это будет означать, что Элинон и лекарь работали вместе.

Кестрел поправила свою рабочую косынку, прикрывая лицо. Ее маскировка была очень неубедительной.

— Есть кое-что еще... — Держалась теплая погода, но Кестрел содрогнулась. — Я была права, когда просила вас не говорить Арину обо мне.

Тенсен приподнял свои седые брови.

— Я хочу, чтобы он знал, — сказала Кестрел.

— Я не уверен, насколько это мудро.

— Разумеется, — поспешно добавила Кестрел, — отправлять письмо в Геран будет слишком рискованно. Но, может быть, вы знаете какой-нибудь способ...

Она услышала в своем голосе нотки мольбы и замолчала.

Лицо Тенсена изменилось. На нем что-то мелькнуло — что именно, Кестрел так и не поняла, потому что лицо старика мгновенно приняло сочувственное выражение.

— О, Кестрел, — сказал Тенсен. — Я бы сообщил ему об этом, но он не в Геране. Я не

знаю, где он.

— Вы — руководитель его шпионской сети. Почему вы не знаете?

— Никто не знает. — Тенсен развел руками. Его золотое кольцо сверкнуло. — Если вы мне не верите, то, конечно, можете поспрашивать других. Но... — его голос начать звучать обеспокоенно, — учитывая ваше с Арином прошлое, я не уверен, что задавать такие вопросы будет безопасно. Они могут привлечь внимание императора. Или вашего отца.

Кестрел почувствовала себя так, будто ее загнали в ловушку и обокрали, хотя едва ли можно украсть то, с чем ты сам давно расстался. Девушка старалась не показывать своих чувств. Сон, приснившийся ей на траве, уже почти исчез из памяти. Как будто она слишком много думала о нем и затерла до дыр. Но в саду он казался таким настоящим. Кестрел не могла заставить себя поверить в обратное.

Она оцепенело посмотрела на кольцо Тенсена. Он давно его не надевал. Наверное, потерял, а потом снова нашел. Иногда так случалось. Но Кестрел знала, что порой, потерянные вещи найти не удавалось никогда.

Кестрел не знала как, но генерал Траян узнал о дезертире — родовитом юноше, который бежал из своей бригады, сражавшейся на востоке.

— И теперь он здесь, — сказал ее отец ровным голосом. — Живет в дворцовых покоях.

— Я еще не решил, как с ним поступить. — Император взял в руки нож и вилку и пригласил своих гостей приняться за третью смену блюд. Он встретился взглядом с Кестрел. Та начала есть.

А ее отец — нет.

— Что здесь решать?

— Траян, он еще совсем мальчишка. Не старше Верекса. — Император любовно улыбнулся своему сыну, который опустил глаза в тарелку.

— Он предал вас. Предал меня. Предал себя. Где сейчас его честь?

— Полагаю, на прибыльных родительских мельницах на южных островах. Возможно, ее перемололи вместе с их прекрасным зерном и превратили во вкуснейший хлеб.

— Закон, касающийся дезертирства, предельно ясен.

Император отпил вина.

— Честно говоря, я держал его здесь для тебя. Можешь поговорить с ним, если хочешь.

— Я так и сделаю, — сказал генерал. — А затем я вернусь на восток.

— Ты не можешь даже пройти весь Весенний сад, не запыхавшись. Ты бы сам последовал в битву за таким командующим?

Отец Кестрел прищурился, как будто ему в глаза внезапно ударил яркий свет. Кестрел со звоном опустила вилку на тарелку. В горле ее горела ярость. Она открыла было рот, чтобы заговорить, но взгляд отца заставил ее остановиться, совсем как тогда, во внутреннем дворе, когда его лошадь была измазана его же кровью, а Кестрел хотела помочь ему.

— Всею свое время, старый друг, — мягко сказал император. Тембр его голоса напоминал клубы дыма. Это звучание можно было бы назвать любовью, если бы любовь была сродни засоленному мясу, высушенному и запасенному на черный день для того, чтобы есть его по чуть-чуть.

Верекс возил еду вилкой по тарелке. Отец Кестрел не шевельнулся.

— Мне жаль, — сказал ему император. — Я пока не готов потерять тебя.

* * *

Генерал хотел, чтобы Кестрел сопровождала его.

— Однажды ты будешь править империей, — сказал он. — Ты должна знать, как поступать.

Сейчас же действовал он.

Генерал пришел в дворцовые покои молодого солдата. Смотрел, как молодой человек, ненамного старше Кестрел, побледнел. Генерал провел Кестрел в гостиную, а затем твердой рукой оттянул солдата за плечо в сторону и что-то сказал ему на ухо. Мальчишка весь сукожился и отвернулся, чтобы Кестрел не видела его лица.

В голосе генерала прозвучал вопрос. Мальчишка прерывисто втянул в себя воздух. Отец Кестрел сказал что-то успокаивающее. Тон его голос убеждал, что опасности нет. Когда-то

он говорил так с Кестрел, когда она была маленькой.

— Простите меня, — проговорил солдат придушенным шепотом.

— Прощу, — ответил генерал. — После.

Затем он сказал Кестрел, что им пора уйти.

* * *

Дезертир воспользовался своим кинжалом. Самоубийство ради спасения чести.

Несколько дней придворные только об этом и шептались. А затем прибыли новости с востока. Варвары сожгли равнины, говорилось в донесении. Последняя добыча империи стала черной, мертвой и дымящейся.

Позже стали известны имена. Список погибших был гораздо длиннее, чем обычно.

Одно имя придворные передавали друг другу, как жемчужину. Его произносили медленно, отдавая должное его блеску, гладкой тяжести, тому, как оно скатывалось в ямочку на ладони и согревалось там.

Когда имя передали ей, Кестрел поняла, что ожидала услышать его с того самого дня, когда Ронан выхватил у нее список новобранцев. Подтверждение ожидания надломило что-то хрупкое в груди Кестрел. Она знала. Знала, что это произойдет. Однако теперь ей стало ясно, что на самом деле она не верила, что спрятала эти мысли в ту часть сознания, куда никогда не заглядывала.

Как она могла прятаться от этого знания?

Как она могла знать, что Ронан погибнет, и в то же время не верить в это?

Это было так очевидно.

Оставшись одна в своих покоях, Кестрел прикрыла рот рукой. Жемчужина имени Ронана застряла у нее в горле. Она с болью сглотнула.

Ей снились сны, которых утром она стыдилась. Во сне Ронан угощал ее пирожным с сахарной пудрой, но говорил голосом Арина. «Я испек его для тебя, — говорил он. — Тебе нравится?»

Пудра была такой легкой, что Кестрел вдыхала ее сладкий запах, но всегда просыпалась до того, как могла попробовать само пирожное.

* * *

Кестрел написала письмо Джесс. Навестить ее она боялась.

На следующий день служанка принесла ей ответ. Сердце Кестрел подскочило в груди, когда она увидела почерк Джесс на обороте и знакомую восковую печать. Она тут же укорила себя за этот порыв надежды и облегчения. Неправильно было испытывать такие чувства, когда Ронан был мертв.

Но она не ожидала, что Джесс ответит ей. А это письмо — Кестрел взвесила его в ладони — было столь же пухлым, как и то, что отправила сама Кестрел. Джесс не стала бы так много писать, если бы совершенно не хотела иметь с Кестрел дела.

Кестрел распечатала конверт. Она снова ощутила смесь знания и незнания, потрясения и обреченности.

Она полностью развернула конверт. Разве она это не предвидела? Разве это не было очевидно?

В конверте было то самое письмо, которое Кестрел отправила Джесс. Неоткрытое и неп прочитанное.

* * *

Кестрел не играла на рояле с тех пор, как обнаружила в музыкальной комнате скрытый экран, но теперь ей было все равно, кто ее услышит. Она хотела, чтобы кто-нибудь услышал ее горе.

Музыка вышла злее, чем она ожидала. Мелодичная прелюдия вырвалась на свободу и потемнела, сплелась с более низкими октавами. Кестрел играла, пока у нее не начали болеть запястья. Пока не стала сбиваться. В комнате вибрировали умирающие аккорды.

Кестрел потеряла пылающие запястья. Воцарилась звенящая тишина. Затем, как раз когда Кестрел собиралась вернуться к тому месту, где сделала ошибку, она услышала тихий звон колокольчика.

Ей был знаком этот звук.

За экраном кто-то был. Человек, который наверняка знал о потайных комнатах дворца. И почему бы императору не поделиться с ним этим секретом? Император ценил этот человека. Доказательства? Например, императорский подарок — золотые часы. Они показывали фазы луны. На концах часовой и минутной стрелок сверкали бриллианты. Часы мелодично звенели каждый час.

Кестрел не знала, что заставило ее отца спрятаться за экраном. Она не знала, там он все еще или ушел, как только его часы зазвенели, и Кестрел подняла голову на звук.

Она знала только, что он слушал, как она играла. Никогда раньше он этого не делал.

На Кестрел нахлынуло воспоминание. Когда ей не было еще и семи лет, когда она была по-прежнему слаба после той болезни, от которой погибла ее мать, генерал решил отправиться с дочерью на конную прогулку за город. Кестрел едва не заснула на своем пони. За городом было холодно, и из-за этого девочка начала шмыгать носом. Отец взял ее на охоту. Он помог ей приладить стрелу на лук. Указал добычу. Держал ее локоть в правильном положении. Когда она промахнулась, он ничего не сказал. Он пристрелил фазана, ощипал его и развел костер. Кестрел задремала, а когда проснулась, обнаружила себя укрытой мехами. Было темно. Ее волосы пахли дымом и жареной птицей. Когда отец увидел, что она проснулась, он достал из седельной сумки буханку хлеба, разломал и отдал Кестрел большую половину.

В выжидающей тишине музыкальной комнаты Кестрел опустила руки на клавиши рояля и воплотила в мелодию воспоминание о том дне. Она сыграла о том, как размеренно шел ее пони, как она кашляла иногда из-за слизи в легких, как натянута была тетива лука, как пылало сердце костра. Она вплела в музыку то, как ее отец, думая, что она все еще спит, отвел ей пряди волос со лба и убрал их за ухо. Он укутал ее в меха. Она была тогда такой маленькой, что называла его папой.

Кестрел возродила тот момент, когда открыла глаза, а он отвел взгляд. Музыка отразила и кусок хлеба в ее руке.

* * *

Потом Кестрел отправилась в галерею. Ей пришлось резко остановиться, когда она

увидела там отца. Он стоял у одного из узких окон и смотрел на улицу, повернувшись спиной к искусству. Когда Кестрел вошла, он обернулся к ней.

— Я слышал, ты приходишь сюда каждый день, — сказал он. — Я надеялся поговорить с тобой наедине.

Они избегали друг друга с тех пор, как Кестрел услышала звон его часов.

— Ты мог бы навестить меня в моих покоях, — ответила девушка.

— Мне было интересно. Любопытно знать, что тебя так привлекает в этой галерее.

Генерал пошел к ней навстречу. Его шаги отдавались эхом в просторном помещении.

— Ты знаешь, что меня привлекает.

Сколько раз он называл ее любовь к музыке слабостью? Он предупреждал ее: геранцы восхищались искусством, и вот что с ними стало. Они забыли о мече.

Генерал нахмурился. Он отвел взгляд от коллекции скульптур и картин и снова посмотрел на Кестрел.

— Твоя мать красиво играла, — тихо сказал он.

— А я?

— А ты — даже более чем.

— Я была рада, что ты пришел послушать меня.

Ее отец вздохнул.

— Ох уж эти часы.

— Мне нравятся твои часы. Продолжай носить их. Они заставляют тебя быть честным.

— Подслушивать таким образом недостойно меня.

— А что, если бы я тебя пригласила? — спросила Кестрел.

— Но ты же не приглашала.

— Приглашала, постоянно, в течение многих лет.

Генерал промолчал.

— Я никогда не забирала это приглашение обратно, — сказала Кестрел.

Отец сдержанно улыбнулся ей.

— Ты покажешь мне то, что тебе больше всего здесь нравится? — спросил он, обводя рукой галерею.

Кестрел почти забыла, зачем она здесь. Мысли о Тенсене, водном инженере и дворцом лекаре успели уйти на второй план. А теперь они вернулись. Кестрел ощутила укол страха и затянувшийся узелок вины.

С места, где она стояла, ей не была видна та картина, которую она уже начала называть про себя картиной Тенсена. Она висела в глубине галереи и со стороны входа казалась всего лишь фиолетовым квадратом.

Кестрел старалась, чтобы ее отец не подходил к картине близко. Она показала ему гипсовую чашу, которой восхищалась, и бронзового рыбака, который выловил лазуритовую рыбу. Рядом стояло фарфоровое яйцо с востока, внутри которого, если его открыть, скрывалась девушка-воин.

Но ее отец заметил картину.

— А это я помню, — сказал он. — Это я привез ее для императора.

Он подошел к картине. Кестрел, потерявшей от страха дар речи, ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Если бы она попыталась отвлечь его от картины, то это бы только заставило его проявить еще больше внимания к ней.

На раме картины лежала маскировочная моль. Сердце Кестрел подскочило в груди.

Отец всмотрелся в пейзаж.

— Здесь она выглядит по-другому, не так, как в том южном особняке. — Судя по всему, он не заметил моль. Если заметит, то что об этом подумает? Ничего? Казалось невозможным, чтобы что-то, что обладало для Кестрел огромным смыслом, для него не значило ничего.

Стараясь, чтобы ее голос прозвучал небрежно, Кестрел спросила:

— Тебе нравится эта картина?

Он пожал плечами.

— Императору — да. — Он оторвал взгляд от полотна. Кестрел испытала невероятное облегчение. Затем отец снова заговорил, и его слова наполнили ее стыдом. — Я знаю, ты не хочешь, чтобы я возвращался на восток. Я не буду тебя обманывать, Кестрел. Мне нужно сражаться. Но эта нужда... за много лет изменилась. Теперь дело не только в чести. — Его светло-карие глаза встретились со взглядом Кестрел. — Ты родилась через несколько месяцев после Верекса. Я бы не стал заставлять тебя выходить за него замуж. Но я надеялся. Когда я был на поле боя, я надеялся, что ты унаследуешь империю. Когда ты выбрала Верекса, мне показалось, что это была судьба.

— Ты не веришь в судьбу.

— Я верю, что земли, которые я завоевал, для тебя. Ты моя судьба.

Чувство вины не давало Кестрел сглотнуть. Она едва могла дышать, и была больше не в силах удерживать взгляд отца. Но как только она отвела глаза, то тут же непроизвольно бросила взгляд на моль.

Ее отец заметил. Моргнул. Посмотрел на рамку картины и нахмурился.

«Это всего лишь моль», — убеждала себя Кестрел. Ее отец никак не мог догадаться, что она означала.

Она ожидала, что генерал скажет что-нибудь. Приготовилась отвечать. Но, в конце концов, он просто молча смахнул моль на пол.

* * *

— Водный инженер изменила свою ставку, — сказал Тенсен. — Она и императорский лекарь работают сообща.

— Я больше не могу с вами здесь встречаться, — сказала Кестрел. — Я наверняка скоро попадусь.

Тенсен был обеспокоен. Он спрашивал о причинах, но дело было не только в том, что отец Кестрел видел моль на рамке картины — это Тенсен посчитал неважным. У Кестрел было чувство, что она катится к катастрофе. Она чувствовала себя так и раньше, или почти так же, когда только начинала играть в «Клык и Жало» и не осознавала, когда стоит уйти из-за стола, или не могла уйти, потому что хотела знать, чем все закончится. Ей нужно было увидеть лицевую сторону всех карточек, завершить игру и знать, кто победил, а кому до победы не хватило. Сначала она часто проигрывала, особенно когда играла против отца. Затем она научилась.

— Я просто не могу, — сказала она Тенсену.

Он попытался взять ее лестью. Взывал к ее чувству справедливости. Подвергал сомнению ее мужество. Прибегал ко всему, кроме имени Арина: почувствовал, что упоминание о нем положит всему конец.

Тенсен тоже был умелым игроком.

— Что ж, — вздохнул он, — вы ведь все равно будете начеку, верно? Если вам нужно будет дать мне знать о чем-то, передайте это через свою швею.

Кестрел хотела поскорее уйти с Мясного Ряда. Она согласилась, узнай она что-то важное, передать это Делии. Затем поспешила прочь. Подол ее рабочего платья цеплялся за крючки туфель.

Искушение было белого цвета.

Капля черных чернил дрожала на кончике пера.

Кестрел писала в своем кабинете. Она писала письмо Арину. Объясняла причины своих поступков. Изливала свое сердце. Ее чувства превращались в быстрые тяжелые линии чернил. Она ничего не зачеркивала. Письмо смотрело на Кестрел абсолютной, черно-белой честностью.

Оно и было искушением. Но действительность состояла в другом: в камине, несмотря на прекрасную весеннюю погоду, несмотря на близкий конец весны и несущийся навстречу Перволетний день, горел огонь.

Действительность была красного цвета. Она была горячей, жадной и потрескивавшей. Огонь пожирал все, что Кестрел отдавала ему. Она сожгла письмо. Скоро от огня не осталось ничего, кроме холодных черных чешуйчатых углей, слегка подернутых пеплом. Письмо лежало пепельными хлопьями. Одна страница свернулась в черную трубочку.

Кестрел подумала об императоре. О своем отце.

Остатки письма в мертвом камине никак нельзя было бы прочитать.

И все же Кестрел взяла кочергу и разворошила пепел, чтобы не оставить вообще никаких следов.

* * *

Приближался восемнадцатый день рождения Кестрел. До него — и ее выступления с игрой на рояле, которого потребовал император, — осталось меньше двух недель. Это будет последним официальным событием при дворе перед ее свадьбой, которая была назначена через два дня после дня рождения. Кестрел играла неистово, играла часами. Иногда она слышала звон отцовских часов — звук легкий, как улыбка. Этот звон всегда успокаивал ее музыку. Когда Кестрел играла для отца, мелодия лилась мягко, чисто и сильно.

Она готовила платье для выступления. Элегантное кремовое одеяние из блестящего шелка с короткими и свободными кружевными рукавами. Кестрел неподвижно стояла на скамеечке портнихи. На мгновение она подумала о том, что скамеечка была примерно такой же высоты, как и помост для торгов. Она вспомнила, как на помосте стоял Арин.

Кестрел представляла себе, каково было бы, если бы ткань времени можно было распустить, а затем соткать заново. Она мысленно вернулась ко дню торгов, к самому первому дню, к рабу, который поднялся на помост. Она представила, что все могло быть иначе. На этот раз она не участвовала в торгах. Раба не продавали. Ее отец никогда не побеждал в Геранской войне. Вместо этого Кестрел выросла в столице. Ее мать не заболела и не умерла. Кестрел увидела младенца в руках отца — этим младенцем была она сама. В воображаемом мире она была совсем такой, какой ее описывал отец.

Делия опустила на колени и взмахом расправила ткань подола. Шелк надулся и снова улегся складками. Делия продолжила работу. Служанкам Кестрел к этому времени стало скучно, и они разбрелись по другим комнатам.

Затем Делия быстро и тихо сказала:

— У вас есть для меня какие-нибудь новости?

Кестрел бросила на нее резкий взгляд.

— Нет.

— Тенсен надеется, что скоро у вас что-нибудь будет.

Кестрел ничего не ответила, но Делия кивнула, будто соглашаясь с ней. Портниха, казалось, испытала разочарование и облегчение одновременно.

— Что ж, — сказала Делия. — Я уверена, вы знаете, что делаете.

Но знала ли Кестрел? Она подумала о том, как садилась играть в «Клык и Жало». Переворачивая карточки, она бросала их рубашками вниз, открывая лицевую сторону и подсчитывая итог; знала ли она тогда, что делает? Иногда ход игры был слишком быстрым, чтобы Кестрел успевала понять, что именно происходит. Она знала только, что в конце концов выиграет.

Кестрел посмотрела на Делию. Она больше не была уверена в победе или в том, что могла что-то выиграть. Она не представляла, каким этот выигрыш мог быть.

Кестрел сказала Делии ровным тоном:

— Конечно.

* * *

В горном лесу позади дворца устроили охоту. Лаяли гончие. Для некоторых придворных арбалеты заряжали рабы — если бы отец Кестрел видел это, то пришел бы в ужас. Но он решил остаться во дворце.

Верекс был здесь, но охотиться отказался. Император широко улыбнулся.

— Мой бесхарактерный мальчик, — сказал он.

— Давай пройдемся, Верекс, — сказала Кестрел. — Мне тоже охота неинтересна.

Они пошли по тропе впереди императора. Щенок Кестрел скакал рядом.

— Какая милая собака, — донеслись до Кестрел слова Марис.

Затем ясно послышался жизнерадостный голос императора.

— Вам она нравится?

Верекс рядом с Кестрел напрягся.

— Она ваша, — сказал император Марис.

Кестрел обернулась.

— Нет. Она моя.

— Какая вам разница, если она достанется Марис? — На лице императора снова была улыбка. — Вы даже не дали ей до сих пор имя.

— Оставь это, — прошептал Верекс Кестрел на ухо. — Помни.

Он не сказал, что она должна помнить, но Кестрел и так поняла — израненное лицо Арина.

Собака уткнулась влажным носом в штанину Кестрел.

— Ее имя, — сказала Кестрел императору, — Моя.

Император беспечно пожал плечами. Марис, обладая всеми инстинктами придворной дамы, уловила запах опасности и промолчала, ожидая, что произойдет. Когда не произошло ничего, и больше никто ничего не сказал, она поспешила догнать своих друзей.

После полудня император пристрелил лисицу.

— Для моей дочери.

Рыжий мех был измазан кровью. Маленькие черные ступни зверька казались

высохшими кистями для рисования. Император объявил, что из меха для Кестрел пошьют накидку.

Когда придворные направились обратно во дворец и Верекс сопровождал Ришу, император поравнялся с Кестрел.

Он больше не улыбался: улыбка застыла в его суровом голосе, как насекомое в янтаре.

— Не приносите больше неприятностей, чем вы стоите, — сказал он.

* * *

— Отдай собаку кому-нибудь, — попросила Кестрел Верекса. Она задержала принца на дворцовой лужайке. Трава была мягкой и густой, сочного бледно-зеленого цвета. Остальные придворные ушли вперед. — Найди ей дом далеко от дворца. Найди нужного человека.

— Этот человек — ты.

Глаза Кестрел защипало. Щенок уселся на траву и стал радостно жевать свои лапы.

Верекс сказал:

— Это я виноват.

Кестрел возразила. Она сказала, что больше не может смотреть на собаку, на этот прекрасный теплый подарок, и не представлять, как с ней что-нибудь случится. Отдать что-то самому и видеть, как это у тебя забирают, — разные вещи. Разница, сказала Кестрел, в возможности выбора. Ограниченная свобода все же лучше, чем ее отсутствие. По крайней мере, так она думала, когда Арин дал ей два ключа от своего охраняемого дома. И она считала так же, когда предложила ему его страну, скованную, связанную и скрученную жесткими условиями. Лучше, чем ничего. Кестрел считала так раньше и считала так сейчас, но больше в это не верила. Теперь она знала, что отдать что-то самому — все равно, как если бы у тебя это забрали.

Кестрел мысленно объяснила это себе самой. Слова прозвучали в ее сознании так громко, что она почти забыла, что не произносила их вслух. Но затем она снова взглянула на Верекса и увидела, как он с обеспокоенным видом ждет продолжения. Она вспомнила, что он только что сказал, и покачала головой: нет.

Верекс тихо проговорил:

— Моему отцу нужно, чтобы больше всего ты любила его. Чтобы ты любила то, что любит он. Места для чего-то иного не остается.

— Я знаю.

— Я не уверен, что ты понимаешь. Кестрел, твоя портниха мертва.

Новость тяжело ударила Кестрел. Слова Верекса погрузились в ее сознание и ушли к самому дну. Кестрел вспомнила Делию, ее серые глаза с тяжелыми ресницами — глаза Арина. Вспомнила, как женщина взмахнула кремовым подолом платья. Ткань стала прозрачной, а затем опустилась и снова перестала пропускать свет. Юбка вдохнула, как легкое, а затем выдохнула.

На Кестрел неприятным, мерцающим удушьем накатился страх.

— Видели, как она встречалась с геранским министром земледелия, — сказал Верекс. — Позже к ней пришел капитан стражи. Она убила себя собственными ножницами.

Кестрел вспомнила окровавленные пальцы Тринна в колеблющемся тюремном свете.

— Но капитана стражи отправили к ней не из-за встречи с министром, — продолжил Верекс. — Встреча была лишь предлогом. То, что было настоящей причиной, произошло в

день, когда уехал твой губернатор. Настоящая причина заключалась в швах у него на лице. В аккуратных стежках. Кестрел, помнишь, какими правильными они были? Мой отец обратил на это внимание. Он прочитал верность портнихи Арину по его лицу.

Щенок лизал ладонь Кестрел. Теплый влажный язык охлаждал ей кожу. Дыхание щенка нежно обдувало ладонь девушки. Небо было перьевым одеялом облаков, за исключением одной голубой дыры в ткани. Голубого облака в белом небе.

Дыра увеличивалась, синела. Она молча растягивалась, как вина Кестрел, как то мгновение, когда она увидела рану на щеке Арина, как взгляд ее отца, заметившего моль на рамке картины. Дыра стала сатинового цвета, как платье Джесс. Облака были будто посыпаны сахарной пудрой. Кестрел вспомнила, как Ронан протягивал ей пирожное. Она попробовала его. Пирожное прожгло ей язык, будто яд.

Верекс сказал:

— Ты должна следить за своими действиями. Играя против моего отца, ты проиграешь. Победа в этой игре зависит не от знаний, а от опыта. А в тебе столько сомнений и столько... боли, что... — Он покачал головой. — Пожалуйста, просто не делай ничего необдуманного.

— До каких пор?

— Ты знаешь.

Кестрел положила влажную ладонь и черную голову подростого щенка. «Моя», — подумала Кестрел. Затем она убрала руку и велела Верексу взять собаку за ошейник.

До каких пор? Пока император не умрет.

— Кестрел... однажды мы сможем все изменить.

Кестрел перевела взгляд с собаки на Верекса, на его высокую худую фигуру, сторбленные плечи, взлохмаченные светлые волосы, большие ясные глаза.

Она гадала, что будет, если она возьмет его за свободную руку. Интересно, попытается ли он представить, что это Риша держит его за руку? Возможно, так пройдет вся их жизнь после свадьбы? Кестрел представила себя и Верекса держащимися за руки. Она почти почувствовала нежность... и, определенно, жестокость. То, как жестокость владела ими. Как заставляла их совершать преступление и представлять на месте другого кого-то еще.

— Я никогда не встану между тобой и Ришей, — сказала Кестрел.

— Я бы никогда с ней так не поступил, — ответил Верекс. — Если...

Ему не нужно было договаривать. Они оба знали, что император мог сделать с принцессой, если бы Верекс пошел против его воли.

— Мы сможем переделать мир, — сказал Верекс. — Неужели это будет так плохо, нам вместе править империей?

До сих пор Кестрел не смела задавать себе этот вопрос. А теперь он стал эхом отдаваться в ее сознании, не находя себе ответа.

— Мы сможем, — произнес Верекс. — Если подождем. Если будем осторожны. Кестрел, ты сможешь быть осторожна?

* * *

Кестрел мысленно раскладывала карточки.

Император.

Водный инженер.

Лекарь.

Услуга.

Геран.

Валория.

Она обратила внимание на новые гравюры. Разложила их в новом порядке. Попыталась найти закономерность, но у нее так ничего и не вышло. Кестрел снова смешала карточки. Но из-за императора думать было сложно. Она перевернула его карточку рубашкой вверх, чтобы ей не приходилось смотреть на него.

Однако обратная сторона карточки тоже оказалась не пустой. На ней было изображено лицо ее отца.

Что это была за игра?

Чего Кестрел пыталась добиться?

Разве она уже не потеряла достаточно? Разве уже не достаточно сделала? Она вспомнила совет Верекса.

Загадку инженера и лекаря решать было не ей. Ей нужно было остановиться.

«Да, выйди из игры, Кестрел, — сказала она себе. — Сними ставку, убери карточки. Уйди прочь.

Сейчас».

Сначала Арин сделал формы из обожженной глины. Одну размером с шарик для детской игры. Другую длинную, узкую и цилиндрическую. Когда у него были готовы по две каждого вида, он отложил одинаковые половинки в сторону и стал разогревать в жаровне кузницы свинец, пока металл не раскалился докрасна и не расплавился.

Арин был кузнецом, но кузнецам редко приходится работать с формами. Его глиняные заготовки потрескались. Горячий свинец просочился через трещины. Арину ничего не оставалось делать, кроме как дать получившимся бесполезными комкам остыть и отложить их в сторону.

Он разозлился. Но в то же время с удивлением осознал, что нуждался в этих часах, проведенных в кузнице, и что работа, которую его раньше заставляли выполнять, теперь стала ему по душе. Ему нравилось ощущение того, что он что-то создает. Он разглаживал свежую глину, придавая ей необходимую форму и выдавливая специальным инструментом углубления. Затем он смотрел, как в печи обжигались новые заготовки.

Когда они снова потрескались, он почти не расстроился. Он сделает еще. Однажды у него получится.

* * *

Арин попросил королеву и ее брата не входить в кузницу. Но Рошар все равно пришел. Его рука все еще была обмотана бинтами. Тигренок всюду следовал за ним.

— По-моему, — сказал Рошар, изучая беспорядок, — тебе стоило принять тот кинжал и быть довольным этим.

Арин протянул ему лист бумаги:

— Список материалов.

— Ого, как мы возгордились. Я тебе не посыльный. — Он прочитал список. — Зачем тебе все это? Что ты хочешь сделать?

— «Нечто большее» для твоей королевы.

Рошар рассмеялся.

— Она потребовала от тебя «чего-то большего»? Сомневаюсь, что она имела в виду это. — Он взмахнул списком в сторону свидетельств последней неудачи Арина.

Тигренок куснул Арина за лодыжку. Тот мягко оттолкнул его морду.

— Рошар, зачем ты здесь?

— Я дал тигренку имя. Назвал его в твою честь.

— Рошар.

— Когда Арин подрастет, тебя приговорят к смерти от зубов тигра на дакранской арене. Арин сожрет тебя живьем.

Арин посмотрел на хищную ухмылку Рошара и на мягкую полосатую морду тигренка. В глазах зверя отражался огонь.

Рошар произнес:

— Я пришел сказать тебе, что мы вчера сожгли равнины.

Арин поднял взгляд. Из-за зеленой краски, которой Рошар подводил глаза, они казались уже и ярче. Улыбка Рошара изменилась. Стала шире.

— Жертвы? — спросил Арин.

— Множество.

— Хорошо.

— Боюсь, не слишком хорошо для тебя. Я признаю, ты дал хороший совет, но им ты не купишь союз. Не могу себе представить, как тебе поможет и это. — Рошар с презрением посмотрел на инструменты, разбросанные по рабочему столу кузницы.

Арин испытал искушение рассказать, в чем заключалась его идея.

— Ты помнишь оружие в кукольном домике Риши?

Лицо Рошара напряглось.

— А ты помнишь герб на твоём милом кинжале? Тот клинок — оружие леди. Не думай, что мы не знаем, какой именно. — Рошар толкнул разломанную форму. На столе осталась царапина керамической пыли. Однако самые большие разрушения Рошар приберег под конец, когда выходил вместе со следовавшим за ним по пятам тигренком. — И ты ещё спрашиваешь, Арин, почему мы не заключаем с вами союз.

* * *

Для Арина прибыл ещё один предмет одежды. Пара перчаток с отделкой. Тенсен докладывал с помощью узелкового шифра, что Моль обнаружила связь между водным инженером и императорским лекарем. Сарсин сообщала, что положение в Геране ухудшилось. Узелки спрашивали, удалось ли Арину заключить союз с востоком. Они советовали ему возвращаться домой.

Тенсен, несмотря на настояния Арина, что для Кестрел отдельной нити не нужно, все равно сумел ее вплести. «Перволетний день почти наступил, — говорил Тенсен. — Невеста ждет его с нетерпением. Будь счастлив за нее, Арин». Узелки на нити выпячивались, будто то был плохо заживший шрам.

Но Тенсен не знал того, что знал Арин. Не знал, как цинично Кестрел продалась тому, у кого было больше власти. Не видел ее лица, когда она признала за липким столом в таверне свою роль в убийстве стольких людей.

Арин бросил перчатки в огонь кузницы. Он них пошел запах горелой плоти.

Кестрел никогда не получит того, чтобы он был счастлив за нее.

* * *

Несколько дней спустя Рошар пришел снова.

— Это похоже на большой металлический стебель тростника. — Он потрогал пальцем охлажденное изделие, лежащее в открытой форме. — Кажется, я знаю, что ты делаешь, Арин. Не думаю, что у тебя что-то получится.

— Я просил тебя не появляться здесь.

— И разве я не удовлетворил твою просьбу? Заметь, на этот раз я не взял с собой тигра. Ты нервничаешь в присутствии Арина. Видишь, я внимателен ко всем твоим желаниям, даже к тем, которые ты не озвучиваешь.

— Тогда уйди.

— Как вообще ты, маленький раб, дожил до сих пор, если со всеми так разговариваешь? Ты молился своему богу везения? — Рошар впери́л в Арина взгляд, задерживая глаза у него

на лице. Арину показалось, что его шрам начало покалывать из-за пристального внимания Рошара. — Тебе повезло больше, чем мне.

Рошар был прав: Арин не должен был выжить, особенно учитывая его талант говорить то, что говорить не стоило. Арин спросил:

— Ты был с Ришей, когда ее забрали?

— Нет. — Однако на самом деле ответ Рошара прозвучал как «да».

— Ты тогда же попал в рабство?

— Я тебя убью.

— Зачем ты приходишь сюда, если не потому, что я говорю то, чего не скажут другие?

— Зачем я прихожу, — отозвался Рошар, — так это затем, чтобы ты обвинял меня. Именно этого другие не сделают. Особенно мой народ, который считает меня жертвой. И уж тем более королева: она — никогда.

— Обвинял тебя в чем? В том, что ты бежал, а твоя сестра не могла? В том, что выжил? — Арин мягко добавил: — Если ты считаешь своим преступлением это, то я виноват в том же.

— Ты тоже продал свою сестру?

Арин отпрянул.

— Что?

— Когда валорианцы пришли завоевать твою страну, ты выменял сестру на какую-нибудь выгоду? Именно так мы поступили с Ришей. Нашей малышкой. Такой умелой в обращении с оружием, даже в том возрасте. Нет, она не играла с тростниковыми куклами. Ее спальня превратилась в зал для фехтования. Ее коробка с игрушками — в арсенал. Наша старшая сестра видела это. Она знала, что делать.

Мы с королевой близнецы. Ты знал? Нет? Ну, если ей отрезать нос и уши, она будет выглядеть так же, как и я. Но вся разница — в каких-то четырех минутах. Она родилась раньше меня. Она получила страну. Не то чтобы мне хотелось править. Я не знал, чего я хотел. Но я был всего лишь инструментом.

Скажи мне, Арин, как разрешить эту заманчивую дилемму. Если бы у тебя была малышка-воительница с милыми невинными глазами, принцесса, которую империя точно захочет заполучить при первой возможности, что бы ты делал? В жару твоего сознания не зародилась бы идея? Может, это твоя старшая сестра такая хитрая. Она предложит тебе способ свергнуть империю. А ты, средний ребенок, единственный мальчик в семье, что будешь делать ты? Ты объяснишь все своей маленькой сестренке. Отправишься с ней на вражескую территорию. Притворишься ее слугой. Сделаешь так, чтобы вас заметили. Вас легко заметить. Когда вы окажетесь в плену, ты позволишь забрать ее. — Выражение лица Рошара стало горьким, скрытным. — А потом ты будешь ждать. Ты ждешь, ждет королева. Вонзит ли Риша нож императору в шею?

Неожиданно Арину многое стало ясно. Рассказ Рошара помог ему понять, почему Риша считала, что должна оставаться во дворце. Почему ее лицо, когда она говорила ему об этом, было таким расстроенным. Но...

— Она попала в плен много лет назад. Чего она ждет?

— Возможно, она хочет отомстить брату и сестре, которые использовали ее. В течение первого года мы думали, что она ждет подходящей возможности убить императора. Годы шли. Сейчас... мы думаем, что она стала валорианкой. Возможно, именно это происходит, когда ты вырастаешь и понимаешь, что твоя собственная семья тебя предала.

— Тебе не следовало мне этого говорить. Зачем ты мне все это рассказал?

— Потому что знаю, что сказанное мной про кинжал — неправда. Я знал, еще в тот день, когда в твоей стране мне изуродовали лицо, что ты никогда не продашься. Я видел это. Ты никогда не продашь то, что тебе дорого. Посмотри на себя, Арин. В тебе столько великолепных глупых ограничений.

Арин вспомнил горящие перчатки, их скручивающиеся пальцы. Он уловил ядовитый запах. Вспомнил зашифрованные известия от Моли.

— Я не думаю, что Риша — друг империи.

Перед его мысленным взором языки пламени изничтожили послание узелков: «Тебе удалось заключить союз с востоком?»

Глаза Рошара жаждали вестей о сестре. Народ Арина голодал: запасы печного ореха закончились раньше, чем ожидалось. Вспоминая, как горели перчатки, ощутил свою нужду и Арин. Он хотел отдать свое доверие тому, кто его заслуживал.

Он привлек внимание Рошара к длинной металлической трубке на рабочем столе.

— Позволь мне рассказать тебе, как это будет работать.

* * *

Чтобы закончить все части миниатюрной пушки, понадобилось время. С замкнутого конца находилась полость со специальными нарезками для черного пороха. Порох помещался на внутреннюю пластинку, за которой клали маленький металлический шарик. Арин отрезал короткий кусок жесткого фитиля и вставил один конец в полость с порохом.

За время работы в конюшнях валорианского генерала он научился выделке кожи. Из жесткого материала, который использовали для седел, он сделал плотную кожаную рукоять и прикрепил ее к концу дула. Так оружие можно было поднять и навести на цель или зарядить порохом. Вставив один конец дула в узкую, но крепкую кожаную рамку, Арин почему-то подумал о садовнике, который служил у него дома. Задолго до Геранской войны садовник разводил фруктовые деревья, прививая одно дерево побегом другого.

Чтобы закрепить рукоять, он просунул через заранее пробитые в коже отверстия стальные стержни и приварил их к дулу. Затем он отрезал длинную полоску кожи и приспособил ее в качестве лямки: оружие предназначалось для того, чтобы носить его на себе.

Арин повесил свое изделие за плечо, как если бы это был дакранский арбалет, и пригласил королеву и ее брата.

* * *

Они освободили двор, который располагался за кузницей. Засыпая в полость порох и помещая туда металлический шарик, Арин представил, как все приспособление взрывается прямо у него в руках и сносит ему голову. Ему приходилось использовать черный порох. Он видел, как однажды взорвалась пушка. Слышал это — одиночный и оглушительный удар сердца бога войны. Но когда Арин зажег фитиль и упер ружейное ложе в плечо, он испытывал не страх. Это была жажда.

Фитиль прогорел.

Взрывом расколело воздух. Отдача ударила Арина в плечо так, что у него из легких

выбило воздух. Дуло опалило ладонь, и он едва не выронил свое оружие.

Установилось жесткое молчание. На лицах Рошара и королевы отразилось потрясение. От широкой, благословенно широкой кухонной двери поднималась струйка дыма. Арин попал совершенно не туда, куда целился. Но это не имело значения. Значение имел маленький металлический шарик, глубоко вонзившийся в дверь. И то, как королева пересекла двор, остановилась у двери и поднялась на цыпочки. Она прикоснулась к дымящейся дыре.

Да. Арин пытался мысленно заставить ее сказать это. Когда он сумел наконец вдохнуть, его разум не знал, что делать со словами «союз», «доверие» и даже «нечто большее». Он знал лишь одно слово — «да». Позже он полностью оценит свое оружие. Пошатнется при мысли о том, что создал. Но сейчас существовали только «нет» и «да»: Арину пришлось выбирать. Ему пришлось найти что-то, что поможет ему добиться того ответа, который был ему нужен.

— Это, — проговорил Рошар. — Это против империи.

— Подумайте о том, сколько нужно черного пороха, чтобы стрелять из пушки, — сказал Арин. — Валорианцы не обращают на это внимания. У них пороха хватает. У нас — нет, но с этим оружием нам много и не надо, и его можно брать куда угодно. Пусть они таскают свои тяжелые пушки. Пусть жертвуют лошадьми и людьми, чтобы доставить артиллерию в нужную позицию. Я знаю, — Арин покачал головой, — мое приспособление недостаточно меткое. Пока. Но я могу улучшить его меткость.

Рошар и королева все еще молча смотрели на него.

— Пройдемте со мной, — сказал Арин. — Я хочу вам показать еще кое-что.

Он провел королеву и принца в кузницу, где было жарко из-за чана с расплавленным металлом, приготовленного Арином. Он снял оружие с плеча. Подошел к чану. Когда королева осознала, что он намеревается сделать, она судорожно втянула в себя воздух. Арин бросил оружие в чан.

Он обернулся к королеве и ее брату:

— Геранцы произведут еще. Я научу их. Мы снабдим вас этим оружием. Мы сделаем это... ради союзников.

— Обязательно было расплавить его? — спросил Рошар.

— Я хочу, чтобы вы нуждались во мне. Вы могли бы забрать его, изучить механизм и найти способ воссоздать его. Тогда вам не было бы от Герана никакой пользы.

— Арин, ты идиот. Что заставляет тебя думать, что мы не выпытаем у тебя его устройство?

— Вы не станете.

— Почему бы и нет? Я мог бы получить от этого удовольствие.

— Не получил бы. — Арин посмотрел на королеву. — Итак? Мы можем сражаться вместе?

Ответ дала королева, но Рошар претворил его в действительность. Он пересек тесное пространство кузницы и положил ладонь на щеку Арину. Таким жестом геранцы выражали родство. Королева улыбнулась, когда Арин ответил тем же, и затем сказала свое слово — прекрасное, смертельное, маленькое и горячее, как дыра в кухонной двери. В тот момент Арину больше ничего не было нужно.

— Да.

Арин возвращался после принятия ванны. Черным порошком у него было измазано все лицо. Волосы. Даже зубы. Он выглядел так, будто пережил пожар. Арин вымылся, обратив внимание на большой синяк, который расцвел на его покрытом шрамами плече и протянулся к груди. Затем он вернулся в свою комнату, чтобы собрать вещи.

У двери его ждала королева. Она открыла дверь и пропустила его вперед. Арин подумал, что она хочет обсудить что-то с ним наедине, возможно, детали союза, и молчал. Когда королева тоже вошла и мягко закрыла за собой дверь, он сказал:

— Мой народ должен узнать о новостях. Мне нужно уехать.

Королева подошла к нему, затем придвинулась еще ближе. Она протянула руку и запустила пальцы в его влажные волосы. Арин замер. Легонько коснувшись щекой его щеки, королева поднесла горячие губы к его уху.

— Да, — проговорила она. — Но не сейчас.

Он поцеловал ее. Ее губы приоткрылись под прикосновением его. Она обвила его руками. Арин испытал странное, незнакомое чувство. Он расслабился — так ведь и нужно было? Королева, кажется, считала, что да.

Арин вспомнил свою жажду. Но жажду не этого. Однако королева ласкала его, и он принимал ее ласки и отвечал тем же, хотя все это время осознавал, чего хочет на самом деле. Он попытался воспротивиться этому желанию, и мысль о Кестрел, о той чудовищной жажде — такой глупой, такой неправильной — заставила его замереть. Он отстранился. Арин скрипнул зубами и задержал дыхание в жгучей ярости на себя.

— Арин? — произнесла королева.

Он снова поцеловал ее, еще более страстно. На этот раз он почти забылся. Эмоции наполнили его. Оторвали от действительности. Это было прекрасное чувство. Арин устал от того, что угнетало его до сих пор. Он забыл обо всем этом.

Вот только... он вспомнил другие поцелуи, раньше. Невозможно было их не вспомнить.

Правда была в том, что он представлял, будто это Кестрел касается шрама на его лице. Будто это ее губы целуют его. Правда была в том, что он представлял себе обман. Правда и обман зажали его в тиски между собой.

Они заставили Арина думать. Королева прижалась к нему, задев синяк на плече, и Арин вздрогнул. Он вспомнил, как его лицо было покрыто сажей после того, как он выстрелил из своего оружия. О чем он тогда подумал? Что выглядел так, будто пережил пожар.

Что-то в его сознании воспламенилось. Перед его мысленным взором снова предстали горящие перчатки. Он вспомнил, как посоветовал Рошару сжечь равнины. «Вам повезло, что генерал не сделал этого с самого начала».

Погодите, погодите. Почему он этого не сделал?

Потому что Кестрел предложила ему другой план. Отравить лошадей. «Я могу объяснить», — сказала она Арину. Но он отказался слушать. «У меня не было выбора, — сказала она. Иначе бы мой отец...»

Осторожно, испытывая ужас, который ворвался в него со свистом горящего фитиля, Арин представил себе бедствие, которое не произошло, и то, что имело место. Он представил себе пламя и горящих людей равнин... и мертвых лошадей, и отступление на юг.

Его губы похолодели. Арин оцепенел от осознания. Он отстранился от королевы.

Арин представил себе Кестрел. Увидел, как она раздумывает над выбором: пламя и истребление или яд и спасение. Он знал, что выбрал бы сам, и подумал, не приняла ли Кестрел такое же решение.

Он побледнел. Почувствовал, как кровь отлила к ногам. За воинственным биением сердца он больше ничего не слышал.

Королева смотрела на него широко раскрытыми глазами. Ему казалось, будто он отстранился от нее целую вечность назад. Арин не знал, прикасалась ли она к нему после этого. Сейчас она чуть отодвинулась и настороженно смотрела на него. Он увидел себя ее глазами: сгорбившегося, будто он внезапно почувствовал себя дурно. Или как будто на него напали. Ударили по голове или с силой оттолкнули, как взрыв пороха на кухонном дворе, которым из него вышибло воздух.

— Арин, — произнесла королева, — в чем дело?

У Арина болело плечо, саднило горло. Он был неправ: он целовал обман. Обман стал бы еще слаще, и Арин так и не остановился бы. Он бы так и притворялся, что королева — это Кестрел. Но кем была сама Кестрел? Когда-то он был уверен, что точно знает. А затем она появилась у стен осажденного города с перемирием императора в руке и меткой невесты на лбу, и уверенность Арина превратилась в изувеченное, измученное существо. Он был глупцом, сказал он себе, стоя под падающим снегом спиной к стенам своего города, продрогший до костей. Он был глупцом настолько, насколько только можно им быть: не видел вещи такими, какие они есть.

Арин поднял перед собой раскрытую ладонь, будто пытаясь остановить кого-то. Он снова вспомнил, как осада закончилась. Но на этот раз он посмотрел на все с другой стороны. Сейчас он не обращал внимания на метку на лбу Кестрел. Он смотрел только на то, что она предложила ему — перемирие. Оно спасло ему жизнь и уберегло его страну. Он вспомнил, как Кестрел протянула ему сложенный лист бумаги кремового цвета. Он взял его и развернул. Сейчас он понял значение перемирия и того, как Кестрел преподнесла его ему. Раньше он этого не видел. Внезапное осознание заставило его без сил опустить руку, а затем сжать кулак.

— Я должен уехать, — сказал Арин королеве. — Я должен уехать прямо сейчас.

Кестрел выглядела так, будто искупалась в крови.

В конце концов, она так и не стала выбирать другое свадебное платье. Водный инженер уже изменила свою ставку, и, хотя Кестрел не была уверена, знал ли об этом император и какими могли быть последствия, она боялась привлечь его злобное внимание, вмешиваясь еще больше в его планы. Император ожидал, что она будет в красном, поэтому платье было красным: жесткая парча лежала блестящими алыми складками. Платье было тяжелым, с тугим корсетом — Кестрел не могла глубоко вдохнуть — и пышными юбками, подколотые слои которых отбрасывали тени, так что в некоторых местах ткань казалась почти черной. Сейчас шлейф был приподнят, но, когда Кестрел войдет в большой зал, он будет струиться за ней, как река.

Руки новой портнихи порхали над платьем.

— Оно не слишком тугое? Или... может, вы бы хотели добавить украшений? Пришить к подолу кристаллы?

— Нет.

Это была последняя примерка перед свадьбой, до которой осталось чуть больше недели. Чего Кестрел действительно хотелось, так это сжечь платье.

— О, вы ведь еще даже не видели, как оно смотрится с золотом.

Портниха достала витки тонкой золотой проволоки и стала вплетать их в косы Кестрел и обвивать ей шею, укладывая прохладные узоры на ее обнаженные плечи. От недостатка воздуха у Кестрел еще сильнее заболело в груди. Глаза защипало.

— Разве так не лучше? Не правда ли? — спрашивала портниха высоким голосом. — Вы так прекрасны!

Внезапно Кестрел услышала в голосе девушки едва сдерживаемую панику. Кестрел посмотрела на отражение портнихи в зеркале. Она не была красивой. Ее лицо было осунувшимся и бледным, а глаза — расширенными от ужаса. Казалось, она плохо себя чувствовала. Кестрел подняла руки к своим влажным глазам, помассировала их и снова посмотрела в зеркало. Она не знала, каким портнихе показалось выражение ее лица, но поняла, что та прочитала по нему свой приговор. Делии нашли замену в самый последний момент: простую швею сделали императорской портнихой. Девушка боялась. Вполне естественно было бояться недовольствия Кестрел: прежняя императорская портниха была мертва.

Кестрел отвела глаза от зеркала и повернулась к русоволосой девушке. Приподняв подол, она спустилась со скамеечки и мягко прикоснулась к руке портнихи.

Та немного успокоилась.

— Вам нравится? — прошептала она.

— Оно прекрасно, — ответила Кестрел.

* * *

Ее отец был в полном здравии. На следующее утро после свадьбы он собирался покинуть дворец и снова возглавить восточную кампанию. Если бы не приказ императора, он бы уже уехал. Иногда Кестрел позволяла себе думать, что ее отец остался бы все равно на

ее день рождения, выступление и свадьбу, но ей удавалось верить в это только тогда, когда его не было рядом. Когда он стоял перед ней и его глаза никак не могли остановиться на чем-то одном, она понимала, что обманывала себя.

Он пригласил ее на прогулку. Из-за шумного порывистого ветра у Кестрел заболели уши.

Сначала Кестрел казалось, что отец так и не заговорит. Затем он сказал:

— Я не знаю, что подарить тебе на свадьбу.

— Это неважно.

— Я бы хотел... — Он прищурился, глядя, как над Весенним садом описывает круги сокол. — Мне жаль, что я не сохранил ничего из того, что принадлежало твоей матери, чтобы передать тебе. Я бы сказал, что берег это как раз для настоящего момента.

Когда Кестрел достигла совершеннолетия, она получила в наследство все вещи матери. Ее отец не захотел, чтобы у него хоть что-то от нее осталось.

Несколько месяцев назад Кестрел сумела бы ответить по-другому: беспечно, беззаботно и, может быть, даже остроумно повторила бы, что это неважно. Но теперь она испытала всю боль от того, что они с отцом так никогда и не говорили друг другу, что друг для друга значат. Да, они сблизились. Начали понимать и принимать друг друга: так, например, отец часто приходил послушать, как она играет, пусть и не в самую музыкальную комнату. Наверное, такова была честность, но она оставалась неполной, ненастоящей, и Кестрел не могла не испытывать боли, когда понимала, что сама ведет себя так же. Она тоже не могла произнести вслух то, что чувствовала. Она хотела. Пыталась. Но слова так и оставались внутри нее.

Кестрел спросила:

— А если бы я попросила кое о чем, ты дал бы мне это?

Ее отец осторожно ответил:

— Смотря что.

— Останься. Не уезжай на восток.

— Кестрел...

— Тогда останься еще на неделю, — умоляла Кестрел. — Или хотя бы на день. Еще на один день после свадьбы.

Генерал по-прежнему смотрел в небо, хотя хищная птица уже улетела.

— Пожалуйста.

В конце концов, отец повернулся к ней.

— Хорошо, — сказал он. — Еще на один день.

* * *

Придворные продолжали развлекаться. Был устроен весенний турнир, маскарады, балы, пиры. Кестрел часто ловила на себе в толпе взгляды Тенсена. Она отводила глаза. Она понимала, что министр хочет поговорить с ней. Что он попытается вывести у нее какую-нибудь информацию. Что будет убеждать ее идти на риск ради неопределенной цели. Но Кестрел приняла решение. Она выйдет замуж и будет править. Только так она сможет что-то изменить. Сейчас ее попытки двойной игры казались ей почти глупыми — забавами ребенка, который не хочет вырасти. Даже хуже. В самые ясные моменты, когда Кестрел была особенно честна с собой и честность проявляла себя как скелет с голыми торчащими

костями, девушка понимала, что, пытаясь стать информатором Тенсена, она хотела показать себя перед Арином... хотя и настаивала, чтобы он этого не знал.

В этом не было смысла. А бессмысленность причиняла боль. Как Кестрел стала человеком, действия которого были бессмысленны?

За два дня до выступления Кестрел на своем дне рождения — до свадьбы после этого останется тоже только два дня — Верекс обратился к императору после устроенных на территории дворца скачек, в которых победил один из имперских всадников. Принц подошел к своему отцу как раз в тот момент, когда тот стоял к Кестрел спиной. Император не видел, как близка к нему девушка.

— Не следует ли нам быть обеспокоенными тем, что геранский губернатор не вернулся к свадьбе? — спросил Верекс. Его взгляд метнулся за плечо отцу и остановился на Кестрел.

Император рассмеялся.

— Геран представляет только один человек, — продолжил Верекс. — Это будет выглядеть несколько странно. Возможно, губернатору стоит быть здесь.

Он взглядом спросил, чего хотела бы Кестрел. Та покачала головой.

— Ох уж эти геранцы. — Император снова засмеялся. — Никто не обращает на них ни малейшего внимания. Честно говоря, я и сам про них забыл.

* * *

Оказавшись в столичной гавани, Арин попытался взять свои эмоции под контроль. Во время всего плавания он позволял себе мерить шагами палубу корабля и проклинать слабые ветра. На этот раз качка не вызвала у него морской болезни. Он был слишком занят своими мыслями. Арин испытывал пыл и тревогу, не мог спать и, возможно, сошел с ума.

Иногда ему удавалось думать о чем-то, кроме Кестрел. Он содрогался, когда вспоминал свою кузину. Корабль останавливался в Геране, чтобы пополнить запасы, и Арин повидался с Сарсин. Дакранская флотилия, прибывшая в качестве подтверждения союза, осталась защищать геранскую гавань. Арин был потрясен тем, как изменилась Сарсин. Она казалась такой ослабевшей. Как и все остальные. Арину ужасно не хотелось оставлять ее... и все же он уехал, одержимый необходимостью поговорить с Кестрел.

Ему нужно было знать. Пока он был на корабле, его сердце и разум вертелись вокруг того, что он знал и предполагал, на что надеялся. А затем его мысли снова возвращались к тому, о чем он уже думал множество раз, так что теперь они окончательно укоренились в его сознании.

Однако, спустившись на скалистый берег столицы, он превратился в самую осмотрительность.

Он не смыл с себя море. Был слишком узнаваем, в частности, из-за шрама. Его грязные волосы отросли достаточно, чтобы скрывать лоб, но шрам протянулся от левого глаза через всю щеку. Идя через Теснины, Арин не поднимал головы. Он надеялся, что выглядел достаточно отталкивающе, чтобы никто не заподозрил в нем губернатора имперской территории.

Арин бродил по городу, не останавливаясь. Утро расцвело в день. Затем наступил вечер.

Наконец Арин заметил геранца примерно такого же телосложения, как и он сам, одетого в голубую ливрею императорского дворца. Слуга нес на спине корзину, которая

оттягивала ему плечи — вероятно, была наполнена продуктами для кухонь императора.

Арин пошел следом за ним. Они пересекали узкие улочки. Арин ускорил шаг, но не позволял себе бежать, чтобы не привлекать внимания.

Молодой человек догнал слугу у того места, где канал через открытые шлюзы шумно сливался с рекой. Арин тихо окликнул геранца. Взывал к нему во имя богов. Заклинал его их именами так, что не ответить на его просьбу стало бы смертным грехом. А затем, в дополнение ко всему, он просто сказал:

— Пожалуйста, помоги мне.

* * *

Оказавшись в дворцовых кухнях, Арин, в одежде слуги, снова попросил помощи. Он снова шел на риск: о нем могли донести. Как только о его присутствии во дворце станет известно, то, чего он хотел — а именно, поговорить с Кестрел наедине, — станет невозможно.

— Музыкальная комната, — предположила одна служанка. — Она завтра выступает и почти все время репетирует.

— Зачем она тебе? — презрительно скривил губы какой-то лакей.

Арин едва не огрызнулся в ответ. Он был встревожен и вел себя не слишком умно; более того, уже долгие годы в нем жило что-то блестящее — и глупое, — что любило заводить врагов. Сейчас он был как раз в том состоянии, чтобы завести еще одного. Но Арин сдержался. Он одарил лакея приятной улыбкой. В кухнях воцарилось неловкое молчание.

Напряжение разрядила кухарка.

— Нас это не касается. — Затем она обратилась к Арину: — Ты хочешь добраться отсюда туда так, чтобы тебя не заметили, верно? Тогда гляди. Кто-нибудь, приведите служанку леди Марис.

Геранка появилась скоро, неся в руках косметичку. Она открыла небольшую баночку с темным густым кремом. Смешала его с чем-то, чтобы сделать еще темнее. Арин уселся на шероховатый, испещренный ямками рабочий стол, а служанка нанесла крем ему на щрам.

* * *

Кестрел закрыла дверь музыкальной комнаты. Рояль ждал ее. До того дня на рынке рабов — до встречи с Арином — этого ей хватило бы: ряд клавиш был будто прямая граница между двумя мирами.

Пальцы Кестрел извлекли из инструмента несколько нот и замерли. Девушка взглянула на экран. Она не слышала, чтобы звенели часы отца. Однако ровного времени сейчас не было.

Кестрел поставила нотные листы на пюпитр. Она перевернула несколько страниц, всмотрелась в первые строчки сонаты, которую выбрал император, и заставила себя медленно читать ноты, хотя уже выучила их.

Дуновение воздуха из открытого окна коснулось плеча Кестрел. Воздух был мягкий, бархатный, наполненный ароматами цветущих деревьев. Кестрел вспомнила, как играла для Арина. Это произошло только один раз, хотя ей казалось, что гораздо больше.

Ветер перебрал нотные листы, а затем сдул их на пол. Кестрел собралась было поднять

их, но затем выпрямилась и непроизвольно взглянула в сторону двери, почему-то ожидая увидеть Арина.

Разумеется, она его не увидела. Сердце Кестрел пронзила ледяная игла. Откуда у нее только появилась такая глупая мысль, что Арин мог оказаться сейчас здесь? Дыхание девушки перехватило от боли при осознании этого.

Кестрел заставила себя снова усесться за рояль. Она вогнала ледяную иглу еще глубже в сердце, так что оно покрылось инеем. Кестрел представила, как лед разрастается, пока она не оказывается заключенной в холодной прозрачной скорлупе. Кестрел убрала руки с колен и стала играть сонату императора.

* * *

Кухарка настаивала, что с Арином должны пойти несколько слуг. Крем служанки смягчил очертания его шрама, но, если кто-то посмотрит на Арина внимательно, узнать его не составит труда.

— Мы пройдем по коридорам с тобой, — сказала кухарка. Любопытных придворных можно было отвлечь. Слуги будут прикрывать Арина, чтобы скрыть черты его лица.

Арин отказался.

— Хотя бы часть пути, — убеждал его еще кто-то из геранцев.

— Нет, — ответил Арин. — Подумайте о том, что сделает император, если узнает, что вы помогали мне незамеченным перемещаться по дворцу.

Геранцы дали Арину два ключа и позволили ему уйти одному.

* * *

Преодолев ступени, ведущие в другую часть дворца — другой мир, где воздух был свежим, — Арин стал передвигаться вдоль самых стен, так, чтобы левая сторона его лица была обращена к ним. В его руке раскачивалось ведро горячей мыльной воды. Пар влажно клубился у его запястья. Арин шел так быстро, как только мог себе позволить.

Арин помнил некоторые переходы, которые редко использовались; кроме того, слуги подсказали ему, в каких частях дворца сейчас было менеелюдно. Арин следовал их советам. Сердце чуть не выскочило у него из груди, когда он наткнулся на пару придворных, взлохмаченных и игриво настроенных, которые неожиданно появились из скрытой гобеленом ниши. Однако они охотно не обратили на него внимания.

При ходьбе тяжелые ключи в кармане с силой бились о бедро. У Арина могло не получиться застать Кестрел наедине или вообще найти ее. Он шел на невероятный риск. И все же Арин ускорил шаг, отмахнувшись от хитрого шепота в голове, называвшего его глупцом.

Перемирие. Перемирие, которое Кестрел передала ему у стен города. Оно спасло Арина жизнь. Почему Арин так долго сомневался, что именно Кестрел спасла его?

«Глупец», — снова проговорил голос.

Арин добрался до того крыла дворца, где жили император и его приближенные. Он достал из кармана один ключ и вошел внутрь.

* * *

Примерно в середине сонаты Кестрел остановилась. Она играла по памяти, поэтому, забыв одно место, она совершенно потерялась в музыкальных фразах. Это было на нее не похоже. Пульсирующая музыка стихла.

Раньше она бы разозлилась, но теперь приказы отдавала ледяная игла в ее сердце, и та велела Кестрел отметить место ошибки и продолжать. Девушка взяла ручку и подчинилась, подчеркивая забытый фрагмент. Затем она положила ручку обратно на пюпитр рядом с нотами и приготовилась снова играть.

Тут послышался звон часов ее отца.

Уголки губ Кестрел приподнялись.

Внезапно она поняла, что именно хочет сыграть для него. Генерал не поймет, что она играет лишь половину дуэта, но даже если поймет, то никогда не догадается, для кого предназначалась вторая половина, кто должен был петь. Кестрел снова подумала о том, как много хотела сказать своему отцу и как мало могла сказать в реальности.

Но она выразит свои чувства через музыку. Он услышит и, пусть и не поймет, что услышал, Кестрел будет казаться, будто она сказала ему все.

* * *

Арин услышал музыку задолго до того, как подошел к музыкальной комнате. Мелодия лилась по коридору мощной волной. Звала его, будто вопрос, на который он хотел ответить до боли в горле. Он чувствовал места, где должен был петь. Песня отчаянно пыталась вырваться наружу.

Наверное, он где-то уронил ведро, потому что осознал, что больше не несет его. Он стоял перед дверью музыкальной комнаты. Казалось, она появилась перед ним из ниоткуда. Арин положил на дверь ладонь. Дверь казалась живой: древесина пульсировала музыкой.

Арин открыл дверь вторым ключом. В комнате не было никого, кроме Кестрел. Она увидела его, и музыка замерла.

На мгновение Кестрел подумала, что он привиделся ей. Потом поняла, что все происходит по-настоящему. Она пришла в ужас. Ее ледяная скорлупа треснула, впиваясь осколками в тело.

Арин закрыл дверь, но задержал на ней ладонь с расставленными пальцами. Он смотрел на Кестрел.

Позже Кестрел поняла, чего ей стоило потрясение. Она действовала слишком медленно. Лишь встретившись с Арином взглядом, она окончательно осознала, что они оба в опасности.

Ей потребовалась вся ее воля, чтобы не посмотреть в сторону экрана, за которым стоял ее отец. Ее отец, который услышит все, о чем они будут говорить, которому Кестрел сейчас была видна. Она представила, как сейчас выглядит. Она успела вскочить на ноги. Мертвенно-бледная. Одной рукой она держалась за пюпитр и, не отрываясь, смотрела в сторону двери, вида на которую у ее отца как раз и не было.

Кестрел вскинула перед собой руку. «Стой, — мысленно умоляла она Арина. — Не двигайся».

Но от ее жеста в нем будто что-то вспыхнуло. Его ладонь отделилась от двери. Кестрел прочла решимость по лицу Арина, дикое подозрение, которое уже принимало форму вопроса. С внезапным ужасом девушка осознала, о чем он собирался спросить.

Арин направился к ней.

— Нет, — произнесла Кестрел. — Уходи.

Было слишком поздно. Он уже поравнялся с роялем. Отец Кестрел увидел его.

— Ты меня не прогонишь, — ответил Арин.

Кестрел опустила обратно на банкетку перед инструментом. У нее свело живот: случилась катастрофа. Сколько раз она представляла, как Арин будет стоять перед ней и смотреть так, как смотрел сейчас, и говорить то, что сейчас сказал. Подозревая то, что подозревал. Кестрел даже робко, чувствуя себя нарушительницей чужого покоя, молилась его богам, чтобы появился шанс увидеть его. Но не так. Не тогда, когда ее отец был здесь.

У нее не осталось выбора.

Кестрел поправила нотные страницы на пюпитре, но остановилась, увидев, как дрожат руки.

— Не нужно столько драмы, Арин. Я занята. Будь так добр, оставь меня. Ты прервал мои занятия.

Она потянулась за ручкой. «За нами наблюдают, — хотела написать Кестрел на нотной странице. — Я все объясню позже».

Арин вырвал у нее ручку и бросил ее через всю комнату. Она со стуком упала на каменный пол.

— Хватит. Прекрати притворяться, будто я тебе никто.

Кестрел смотрела на ручку. Она не могла ее поднять. Ее отец не дурак, он наверняка поймет, зачем ей ручка. Рискованно было даже изначально браться за нее.

И тут Арин задал свой вопрос.

— Каким образом ты добилась перемирия? — требовательно спросил он.

Кестрел хотела закрыть лицо руками. Она хотела смеяться — или, возможно, плакать.

Внутри нее поднялось нечто, неприятно напоминающее панику. Кестрел бы встала и ушла, если бы не думала, что Арин может остановить ее силой, и уж это точно заставит ее отца ворваться в комнату.

Она попыталась говорить спокойно.

— Я не понимаю, о чем ты, — ответила она Арину. — Я прекрасно помню, что не добивалась никакого перемирия. Я готовлюсь к свадьбе. У меня будет полно времени заниматься политикой после того, как я стану императрицей.

— Ты знаешь, о каком перемирии я говорю. Ты передала его мне в руки. И я готов поклясться, что оно содержит в себе твои следы.

— Арин...

— Оно подарило моей стране свободу. Спасло мне жизнь. — Его лицо было бледным, серые глаза горели. Молодой человек возвышался над Кестрел, которая осталась сидеть. Банкетка перед роялем казалась ей плотом, который носит по морю. — Как ты заставила императора подписать перемирие?

Арин говорил возбужденно и громко. Неважно, что по-герански: отец Кестрел знал этот язык. Девушка сплела пальцы. Она вспомнила, как генерал приказал дезертиру убить себя, чтобы избавиться от позора. Поступит ли он так же с ней, если она расскажет Арину правду? Как поступит с самим Арином?

— Арин, прошу тебя. Я не имею никакого отношения к тому перемирию. У меня нет времени на твои фантазии.

— Но у тебя хватает времени для того, чтобы видеться с Тенсенем, не так ли?

Кестрел переспросила с невинным видом:

— С кем?

Арин сжал челюсти.

«Не произноси это слово, — мысленно умоляла его Кестрел. — Пожалуйста, пожалуйста». Она не знала, сколько Тенсен рассказал Арину и о чем тот мог догадаться сам, но, если он скажет слово «моль» вслух... Кестрел вспомнила, как отец смахнул на пол моль с картины Тенсена. Генерал точно обратил внимание на то, что увидел маскировочную моль — известного пожирателя тканей, обитателя гардеробов — в таком неожиданном месте. Он легко догадается о ее предназначении.

Особенно если Арин спросит о том, кто был Молью Тенсена.

«Не делай этого. — Кестрел хотела встряхнуть его. — Не делай!».

Выражение лица Арина стало раздосадованным. Кестрел видела, как он мысленно сражался с самим собой.

«Да, — убеждала его девушка. — Именно так. Ты не должен сообщать будущей дочери императора кодовое имя своего шпиона или признавать, какую роль Тенсен играет при дворе. Не надо. Что, если ты ошибся? Ты рискуешь многими жизнями. Нельзя, Арин».

С видимым усилием взяв себя в руки, Арин сказал:

— Если я и был в заблуждении, то только потому, что ты притворялась. Ты притворяешься даже сейчас. Ты не такая уж хладнокровная. Ты пыталась помочь людям равнин. Когда мы с тобой были в городской таверне...

К горлу Кестрел подступила тошнота.

— ...Я считал тебя виновной в их изгнании. Но лучше было отравить лошадей, чем поджечь равнины. Поэтому ты приняла такое решение? Твой отец...

— Я люблю своего отца.

Арин слегка отшатнулся.

— Я знаю.

— Если бы я дала ему недостаточно хороший совет, то подвергла бы его опасности. — Кестрел осознала это только сейчас и снова была потрясена тем, что совершила. — Восток сам сжег равнины, которые мы захватили.

— Да.

Кестрел показалось, что Арин хотел сказать что-то еще, но он промолчал.

— Если бы мой отец был там тогда... В огне погибло много валорианцев. — Кестрел подумала о Ронане. В горле встал комок. Она не смогла произнести его имя. — Если я действительно поступила так, как ты думаешь, то их смерть — моя вина.

— Они заслужили смерть, — ровным тоном произнес Арин. — Ваши солдаты думали только о том, чтобы удовлетворять аппетиты империи. Империя поглощает все. В Геране все очень слабы. Нас обложили слишком высоким налогом. Еды недостаточно. Сейчас все так ослабли, что не хотят есть даже то, что осталось.

Кестрел подняла взгляд.

— Это не очень похоже на голод.

— Ты ничего не знаешь о голоде.

Это заставило ее замолчать.

Арин вздохнул. Он с силой потер лоб, размазывая косметику, которой был кое-как замаскирован его шрам.

— Все истощены, обессилены. Ввалившиеся глаза. Становится только хуже. Сарсин говорит, они почти весь день спят. Даже она сама. Если бы ты только ее видела... Ее руки дрожали, и она ничего не могла с этим поделать.

Разум Кестрел ухватился на последнюю фразу Арина. Дрожащие руки. Почему-то она вспомнила о том, как, когда была маленькой девочкой, выкрасила фонтан на вилле в розовый цвет. Не более двух месяцев назад она рассказала об этом водному инженеру. Она снова увидела, как красная краска расплзлась по воде и бледнела до розового цвета. Эксперимент. Кестрел — сколько ей тогда было? лет десять? — услышала, как водный инженер использовала в разговоре за ужином с генералом странное слово — разбавление. Ее отец был высокого мнения об инженере: женщина служила вместе с ним во время войны и спроектировала для Герана водопровод. Маленькая Кестрел решила, что должна разобраться в том, что же такое разбавление.

Но разбавление никак не было связано с дрожащими руками. Взрослая Кестрел нахмурилась и вспомнила: по словам императорского лекаря, это был симптом того, что человек слишком долго принимал его лекарство... достаточно долго для того, чтобы оно стало смертельно опасным.

Разум Кестрел окрасился пониманием. Оно расплзлось, как красные капли в неподвижной воде, и девушка совсем забыла, что за экраном стоял ее отец — слушал, наблюдал и делал выводы. Она забыла даже о том, как сгорбился от беспокойства и сомнения Арин. Кестрел думала только о значении шести карточек «Клыка и Жала», которые она бесконечно тасовала в сознании: император, водный инженер, лекарь, услуга, Геран и Валория.

Она знала, какую роль они сыграли. Комбинация стала очевидной.

Император решил, что от геранцев больше проблем, чем они того стоят. Он решил медленно отравить их через систему водоснабжения. Аккуратно разобраться с беспокойным,

мятежным народом. Он выжал из Герана столько, сколько мог. Когда все жители погибнут, он снова объявит их территорию своими владениями, демонстрируя всей империи единственную награду, на которую могут рассчитывать повстанцы.

Кестрел жизненно необходимо было поговорить с Арином напрямую... но не здесь. Она посмотрела на дверь. Девушка наполовину ожидала, что в любую минуту может войти ее отец, возможно, даже с дворцовыми стражниками.

Но как заставить Арина уйти? Как ей последовать за ним так, чтобы не выдать своих действий перед отцом? Он знал о слухах. Видел, как она ради Арина в Геране сражалась на дуэли. Более того, он наверняка уловил то, как Арин обращался к ней: таким тоном, будто они были в близких отношениях. «Ты не такая уж хладнокровная. Когда мы с тобой были в городской таверне...»

Арин поставил локти на раму рояля и спрятал лицо в ладонях.

— Не нужно было оставлять Сарсин. Не нужно было приезжать.

Кестрел хотелось прикоснуться к нему. Он выглядел таким несчастным. Заметил ли ее отец, как боль отразилась на лице его дочери? Кестрел казалось, будто в горле у нее встал горящий комок. Если бы она могла, то коснулась бы тремя пальцами тыльной стороны руки Арина: так геранцы выражали благодарность и сожаление.

«Прости, — сказала бы Кестрел. — Спасибо». Она была благодарна ему, потому что каким-то образом он все еще верил в нее и сумел догадаться о том, что она так старательно скрывала. «Я люблю тебя», — хотела сказать Кестрел. Она почти услышала, как произносит эти слова. Почти потянулась рукой к Арину. Сейчас она желала этого больше, чем чего бы то ни было.

Кестрел медленно произнесла:

— Ты хотел поговорить о перемирии.

Арин поднял голову. Его лицо отражалось в лакированной поверхности крышки рояля.

Решение окутало Кестрел, как белая простыня. Она солжет в последний раз ради своего отца. Она будет говорить спокойно. Убедительно. Позже она все объяснит Арину.

Она сможет. Должна.

— По-твоему, это я каким-то образом добилась перемирия. Ты это имел в виду? Что я склонила императора к этому. — Кестрел медленно опустила палец на клавишу низкой тональности, так, чтобы рояль не издал ни звука. — Неужели тебе кажется, что на императора так легко повлиять?

— Нет.

— И все же мне это удалось?

— Да.

Кестрел сыграла короткую веселую мелодию.

— Пожалуйста, не надо.

Кестрел остановилась.

— Арин, зачем мне убеждать императора пойти на перемирие? Ты ведь не забыл, что это я известила империю о вашем восстании? Все об этом знают. Я принесла вам войну.

— Да.

Кестрел продолжила:

— В Геране мы какое-то время были друзьями, верно?

Арин хрипло ответил:

— Да.

— Разве друзья поступают так, как поступила я?

— Нет, — прошептал он.

— И все же именно так я и поступила, а затем, предположительно, добилась спасительного перемирия. Арин, это нелепо.

— Нет, — возразил Арин. — Ты могла передумать.

Кестрел вздернула бровь.

— Какая я непостоянная.

Арин промолчал.

Страх, который Кестрел удалось подавить, снова вырвался на свободу и стал разрастаться.

Кестрел боялась не справиться со своей ложью. Боялась преуспеть. Ее сердце будто зажали в тиски, когда она осознала, что очень боится своего отца.

Арин смотрел на Кестрел прямо, не моргая. Цвет его глаз напоминал небо в ветреный облачный день, шрам выделялся на напряженном лице больше, чем обычно.

— Это было непростое решение, — проговорил он. — Но ты приняла его. Я знаю.

Кестрел опустила крышку на клавиши. Теперь она уже не могла ничего контролировать. Игра изменилась, и ей ничего не оставалось, кроме как выйти из нее. Она встала.

Арин остановил ее.

— Я тебе небезразличен. Я слышал, что ты играла.

Кестрел попыталась рассмеяться.

— Я уже и сама не помню, что играла.

Ладонь Арина лежала у нее на руке. Кестрел отстранилась. Как все воспринял ее отец? Девушка взглянула на экран. На дверь. Та не открылась.

— Почему ты так поступаешь? — требовательно спросил Арин. — Не лги. Я слышал музыку. И я знаю. Ты выменяла у императора перемирие.

Кестрел услышала слабый звук, будто одна поверхность скреблась о другую. Возможно, ей показалось? Звук был похож на то, как если бы кто-то вытащил в соседнем помещении из ножен меч.

— Ничего подобного.

Арин преградил ей путь.

— Дай мне пройти. — Голос Кестрел прозвучал так, будто в любое мгновение мог сорваться.

— Вот что я думаю: самым непростым решением было то, что ты согласилась выйти замуж, в то время как ты никогда — никогда! — не собиралась этого делать.

— Мы уже обсуждали множественную выгоду, которую я получаю от замужества с принцем.

— Но все ли мы упомянули? — Арин запустил руку в свои грязные волосы. — Кестрел, мне кажется, что я схожу с ума. Что я вижу то, чего нет, и не замечаю очевидных вещей. Просто скажи мне. Ты... выходишь замуж за принца... из-за меня? Это... часть некой сделки, которую ты заключила с императором?

Молчание принадлежало не только Кестрел, но и ее отцу.

Она резко втянула в себя воздух. Она сможет. Она пообещала себе, что сможет ответить, потому что потом все исправит. Совсем скоро она возьмет свои слова обратно.

Кестрел мягко сказала:

— Это похоже на историю из книжки.

Арин не двигался. В его глазах стояло сомнение. Несмотря на его утверждение, что он знал, какое решение приняла Кестрел, девушка почувствовала: эта вера была в нем совсем недавней. Совсем хрупкой. Она сломается. Если правильно приложить силу, его вера разобьется, как зеркало. Кестрел увидела в Арине что-то, чего никогда раньше не замечала, что-то невыносимо юное. На мгновение она увидела мальчика, которым Арин был раньше. Его глаза. Слабость. Надежда. Подвижные линии его губ. Кестрел увидела, куда нанести удар.

— Жизнь — это не ваши геранские сказки о богах, злодеях, героях и их великих жертвах, — сказала она. — Когда я была маленькой, они мне нравились. Уверена, тебе тоже. Там все лучше, чем на самом деле. В действительности люди принимают решения из корыстных соображений. Да, действительность не очень поэтична. — Девушка пожала плечами. — Как и высокомерие, которое заставляет кого-то думать, что весь мир вращается вокруг него.

Арин отвел взгляд. Он уставился на струны рояля под поднятой крышкой.

Кестрел обошла вокруг него, будто оценивая.

— Интересно, что, по твоему мнению, могло заставить меня зайти так далеко ради тебя. Твое обаяние? Происхождение?

Глаза Арина метнулись к ней. Кестрел остановилась, рассматривая его шрам. Арин напрягся. Кестрел презрительно изогнула губы.

— Уж точно не внешность.

Арин сжал зубы.

В горло Кестрел впились шипы. Она едва могла выносить отвращение, которое испытывала к себе. И все же девушка заставила себя улыбнуться еще шире.

— Я не хочу быть жестокой. Но твои фантазии просто невероятны. И, честно говоря, немного отчаянны. Как наваждение. Ты не думал, что видишь то, что хочешь видеть?

— Нет.

Но Кестрел видела, как он колебался, перед тем как ответить.

— Ты должен осознать, что создал себе сказку и жил ею. Арин, мы уже выросли из сказок.

Он тихо отозвался:

— Выросли?

— Я — да. И тебе пришло время повзрослеть. Хватит быть ребенком.

— Да, — медленно ответил Арин. В его голосе звучало странное удивление. От узнавания у Кестрел свело живот. Так звучал голос человека, который избавился от тумана сомнений. В голосе Арина прозвучала уверенность, и сила, которую та придает.

— Ты права, — проговорил Арин. Когда он снова повернулся к Кестрел, девушка не увидела больше ни следа того мальчика. Как будто он ей привиделся. — Я пребывал в заблуждении. Этого больше не произойдет.

Арин вежливо, почти бесстрастно прикоснулся тремя пальцами к тыльной стороне ладони Кестрел. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Стук закрывшейся двери отозвался эхом. Кестрел пожирал ядовитый страх. Ее сомнения увеличивались. Внутренний голос убеждал ее, что она действует неправильно; более того, никакими действиями нельзя исправить то, что она только что совершила. Однако Кестрел держалась самого важного правила, которому научил ее отец: избавляться от опасности, пока та не избавилась от тебя.

— Отец? — позвала Кестрел. Ее голос звучал выше обычного. — Отец?

Ответа не последовало. Возможно, ее отец слишком поражен тем, что услышал? Находится во власти подозрений? Уже решил не говорить с ней?

Кестрел кинулась к двери и резко открыла ее. В коридоре никого не было. Арин исчез. По полу из опрокинутого ведра растекалась горячая вода: от нее шел пар. Вода подступила к туфлям Кестрел. Мгновение девушка стояла в луже с мокрыми, холодными ногами. Затем она стала с отчаянием ощупывать резьбу на стенах коридора, пока не нашла деревянную кнопку в бутоне распустившегося цветка. Панель отъехала в торону, и в скрытую за ним комнату полился свет из коридора. В комнате никого не оказалось.

Что это значило? Кестрел гадала, мог ли ее отец уйти после того, как прозвенели его часы, но до появления Арина. Неужели она лгала Арину напрасно?

Девушка прижала пальцы к вискам. В ее сознании кишели догадки, сердце пустилось в галоп: она не думала, а, скорее, беспорядочно скакала от одной мысли к другой.

Кестрел вернулась в музыкальную комнату и подняла с пола ручку. Она написала Арину письмо. Она писала прямо на нотных листах, поверх обозначенной на них музыки. Чернила струились и оставляли кляксы. Кестрел рассказала Арину всю правду: о перемирии и помолвке, о Моли и ее любви, о восточных лошадях и яде, который убивал его народ. Она писала неистово, свирепо, иногда протыкая кончиком ручки страницу.

Ей не приходилось подбирать слова. Через минуту письмо было готово.

* * *

Оно горело в кармане ее юбки, как уголек. Кестрел посетила покои отца — его там не было, и его лакей не знал, где бы он мог быть, — и, в конце концов, вернулась в свои собственные комнаты. Две ее служанки вели себя совершенно нормально, и от этой обычности у Кестрел закружилась голова. Она придумала какой-то предлог и нырнула в свой гардероб. Оказавшись там одна, она спрятала в рукаве маскировочную моль: манжет на пуговицах не даст вредителю потеряться. Кестрел пожалела, что у нее не было с собой моли в музыкальной комнате. Она могла бы передать насекомое Арину. Знак. Она сделала бы это незаметно: ей понадобилось бы лишь небрежное движение рукой, рассеянный взмах ладони, чтобы открыть Арину свою тайну.

План действий Кестрел состоял из трех частей. Если она застанет Арину одного и будет уверена, что за ними не следят, то поговорит с ним. Однако... станет ли он ее слушать? Кестрел вспомнила уверенность в его голосе, когда он, в конце концов, поверил ей, холод прикосновения... его легкость. Девушка знала: в той легкости и прохладе было облегчение. Если она попытается снова поговорить с Арином, он вполне может просто уйти.

«Пожалуйста, прочитай это письмо», — попросит Кестрел и вложит его Арину в руку.

Если же и это ей не удастся или они будут не одни, — моль.

В дверь гардеробной кто-то постучал.

Кестрел открыла и увидела одну из своих служанок — совсем девочку. Тихую, незаметную.

— Миледи, — проговорила та, — простите меня, но мне кажется, вы расстроены.

— Со мной все в порядке.

Однако ее голос прозвучал взвинченно.

— Мне послать за принцем?

Значит, именно эта служанка отчитывалась перед Верексом. Кестрел осознала, что, несмотря на причины, по которым Верекс нанял ее изначально, в какой-то момент он попросил девочку присматривать за Кестрел и сообщить ему, если той понадобится помощь.

Это было так похоже на Верекса. Ее друга.

К Кестрел вернулось мужество.

— Нет, — ответила она служанке. — Со мной действительно все в порядке. Все будет хорошо.

* * *

Сначала Кестрел почувствовала себя лучше. Она оставила императорское крыло позади, придерживаясь своего плана, будто ведомая чьей-то рукой. Однако, когда она начала спускаться по узкой мраморной винтовой лестнице, стараясь не спешить, улыбаться встречным придворным и не обращать внимания на стражников, несущих караул на каждом этаже, ведущая ее рука похолодела. Когда Кестрел вошла в крыло, где жили менее важные гости, эта рука стала казаться ей связкой костей. Если она разожмет кулак, то они разлетятся по всему полу.

Кестрел украдкой оглянулась. Похоже, за ней никто не следовал.

Она в последний раз повернула за угол. Последние лучи дневного света лились через единственное окно, окрашивая коридор зловещими оранжевыми оттенками.

Кестрел остановилась перед нужной ей дверью. Неужели все действительно так просто? И все же скрытая за экраном комната оказалась пуста. А генерал был ее отцом. Он учил ее ездить верхом. Он любил ее. Кестрел была уверена. Разве она не предавала его своими опасениями, что он доложил о разговоре в музыкальной комнате императору.. если вообще этот разговор слышал?

«Ты предала его давным-давно, — прошептал голос в ее сознании. — Ты предаешь его сейчас».

И все же Кестрел постучала в дверь Тенсена. С тревожной благодарностью она услышала за дверью чьи-то приближающиеся шаги. Щелкнула ручка. Щель между дверью и косяком расширилась, как и глаза Тенсена, когда он увидел, кто перед ним стоит.

Кестрел не стала дожидаться, пока он заговорит, и проскользнула внутрь.

— Вам нельзя здесь быть, — сказал Тенсен.

Кестрел не подавала виду, что услышала его. Она прошла по скромным покоям, не обращая внимания на само понятие того, что вторглась в чужой дом. Тенсен следовал за ней, выражая протесты. Девушка заглянула даже в его гардеробную.

Она повернулась к Тенсену.

— Где Арин?

— Я уже говорил вам, — осторожно ответил Тенсен, — никому не известно, где он. Уверю вас, он не прячется в шкафу.

— Однако он ближе, чем вы думаете, и он не был в Геране, потому что иначе был бы на грани смерти.

Кестрел рассказала о яде, распространяющемся через систему водоснабжения Герана. Слушая ее, Тенсен будто оцепенел. Превратился в камень. Однако на Кестрел звук ее собственных слов повлиял совершенно противоположным образом: она слышала в своем голосе эхо всего того, что сказал ей Арин в музыкальной комнате, и что сказала ему она.

Тенсен перехватил ее руки, движения которых она уже не могла контролировать.

— Кестрел, успокойтесь. Говорите тише.

Она кричала? Девушка задыхалась, как будто долго бежала.

— Где я могу его найти?

— Вы должны успокоиться.

Кестрел отстранилась.

— Вода в городе отравлена. Я должна сказать ему.

— Вам нельзя с ним разговаривать. — В маленьких зеленых глазах Тенсена стояла тревога. — В некоторых частях дворца вам нельзя появляться без того, чтобы не вызвать подозрений. Возможно, Арин уже уехал. Наказание, которое в вашей империи грозит за предательство, — смерть. Вы хотите, чтобы вас поймали?

— Именно я должна сказать ему об этом, — настаивала Кестрел. — Мне нужно... объяснить ему еще кое-что.

— Вот как. — Тенсен прикрыл рот ладонью, а затем потер щеку. — Он многим рисковал, встретившись с вами наедине. Вы хотите снова подвергнуть его опасности?

— Нет, но... — Кестрел была в отчаянии. Она разваливалась, и обломки той девушки, которой она была, падали беспорядочной грудой. Девушка достала из кармана письмо. Она больше не верила, что Арин возьмет его. Не из ее рук. Не после всего, что она ему наговорила. — Найдите его. Передайте ему это. Здесь я все объяснила.

Тенсен осторожно взял сложенную страницу. На него уставились черно-белые строчки нот сонаты.

— Что вы объяснили?

— Все.

— Кестрел, на что вы надеетесь, передавая ему это послание?

— Ни на то. Я не знаю. Я...

— Вы не в себе. Вы не можете мыслить здраво.

— Я не хочу мыслить здраво! Я устала мыслить здраво. Арин должен узнать обо мне. Мне стоило рассказать ему все с самого начала.

— Ему было лучше не знать. Вы сами так считали. Как и я.

— Мы ошибались.

— Значит, после того как он узнает правду, вы отмените свою свадьбу.

— Нет.

— Вы бежите вместе с Арином, чтобы прожить несколько коротких дней в умирающей стране, пока не падет молот нового вторжения.

— Нет.

— Почему? — спросил Тенсен. — Вы любите его.

Кестрел беспомощно проговорила:

— Но я люблю и отца.

Тенсен опустил взгляд на письмо, ворочая его в руках.

— Если вы не передадите его Арину, — сказала Кестрел, — то это сделаю я.

Тенсен поморщился. Затем он расстегнул камзол и убрал письмо во внутренний карман на груди. Снова застегнув пуговицы, он похлопал по груди, прямо над сердцем. Кестрел услышала тихий хруст бумаги.

— Вы сделаете это? — спросила она.

— Обещаю.

* * *

Отец ждал Кестрел в ее покоях. Должно быть, он отослал служанок: он сидел в одиночестве во внешней приемной. Днем с этого кресла был виден барбакан, через который генерал несколько месяцев назад въехал на территорию дворца на своей окровавленной лошади. Еще долгое время после того, как Кестрел вошла, он не отрывал взгляда от окна. Наступила ночь, и за окном было темно. Генерал ничего не мог там увидеть.

Кестрел перестала гадать, слышал ли он часть ее разговора с Арином, или, возможно, даже весь разговор. Она знала. Прочитала по его лицу. Ее отец услышал более чем достаточно.

Девушка не могла найти слов. Она хотела так много сказать: спросить, чему он верит, попытаться убедить в своей невиновности, признать вину. Выведать, доложил ли он о присутствии Арина имперской страже, и если да, то что теперь будет, а если нет: «Пожалуйста, отец, не делай этого». Она хотела просить его: «Пожалуйста, люби меня все равно, несмотря на то, что я совершила, несмотря даже на мои ошибки, пожалуйста, люби меня!»

А больше всего на свете она хотела снова стать ребенком, называть его папой и быть ему всего лишь по колено. Потому что вспышкой света, как будто кто-то резко раскрыл шторы, она вспомнила, как, когда была такой маленькой, носилась вокруг, и врезалась в его ноги, и обнимала его. И она могла бы поклясться, что это заставляло его смеяться.

Кестрел медленно подошла к нему и опустилась на колени возле кресла. Она прислонилась лбом к его колену и закрыла глаза. Сердце стояло у нее в горле. Девушка прошептала:

— Ты веришь мне?

Ответа не последовало. Затем Кестрел почувствовала, как он положил ей на голову тяжелую ладонь.

— Да, — сказал генерал.

Арин прятался в кладовке с углем, расположенной возле печей, которые грели воду для дворцовых труб. Он попросил слугу-геранца найти Тенсена и привести сюда, а пока решил измазаться так, чтобы его нельзя было узнать. Однако, проведя в кладовке всего несколько минут при свете лампы, которую он аккуратно повесил на стену в стороне от кучи угля, он понял, что на него и так оседает достаточно угольной пыли. Арин потер свой шрам. Пальцы стали грязными. В горле пересохло от пыли со вкусом гари. Арин подавился ею и закашлялся, и каким-то образом его кашель перешел в черный смех.

Дверь открылась, и в помещение вошел Тенсен. На его лице была написана ярость.

— На тебя уже положил глаз бог глупцов, Арин. О чем ты думал, когда решил вернуться в столицу?

Арину казалось, что все вокруг происходит не по-настоящему, будто он странным образом отделился от действительности. Он чувствовал легкость, как лошадь, которую освободили от поклажи и пустили свободно пастись. Он набрал в грудь воздуха, чтобы заговорить.

— Можешь не объяснять, — проговорил Тенсен. — Я знаю, что было у тебя на уме.

Арин нахмурился.

— Откуда?

— Слуги донесли мне. Арин, ты идиот.

— Да. — Арин снова пыльно рассмеялся. — Я действительно идиот.

— Тебе повезло, что еще не весь дворец знает, что ты здесь, и невероятно повезло, что слуги молчат. Пока. Дворец странно тих. Зловеще тих. Мне это не нравится, и мне не нравится, что ты здесь. Я передам тебе свои новости, ты уедешь в Геран и больше никогда не вернешься сюда. — Тенсен сжал плечо Арина. — Поклянись. Поклянись перед богами.

Арин повиновался и испытал облегчение.

Тенсен разжал пальцы.

— Перемирие было ложью. Каждая минута, которую мы провели здесь, — часть императорского спектакля: он отвлекал наше внимание, чтобы заставить нас поверить, будто мы действительно независимы — настолько, что даже были приглашены ко двору. Император хочет заполучить Геран обратно. Освобожденным от геранцев.

Арин выслушал рассказ Тенсена о яде, которым отравили воду в Геране. Молодой человек почувствовал, как кровь отлила от лица. Угольная пыль забила ему легкие, не давая дышать.

— Ты должен прекратить поставку воды в город, — сказал Тенсен. — Вывези всех за его пределы, если понадобится. Уходи. Сейчас ночь. Возможно, тебе удастся добраться до гавани незамеченным.

— Ты тоже должен покинуть столицу.

Тенсен покачал головой.

— Если Сарсин совсем слаба — если все слабы... Тенсен, ты нужен мне.

— Я полезнее тебе здесь.

— Это слишком опасно. За тобой наверняка следят. Делия сможет передавать нам информацию, твоя Моль научится узелковому коду.

Лицо Тенсена изменилось.

— Делия и Моль больше не могут нам помочь. Они сделали все, что могли.

— Как и ты.

— Возможно, осталось еще что-то важное, что мы должны узнать. Вдруг я что-то упустил? — Выражение лица Тенсена смягчилось. — Помнишь, однажды я спросил, что ты выберешь: помочь себе или Герану? Ты сказал, что на первом месте для тебя твоя страна. Разве я не принял твой выбор? Почему ты не можешь принять мой? — Тенсен поднес руку к лицу Арина и провел большим пальцем по щеке. Когда он отнял ладонь, его палец был черным. — Мой мальчик. Ты едва не сбился с пути, да?

Арин хотел возразить, что это не так. Потом хотел признать, что Тенсен прав. Затем — доказать, что теперь он знает свой путь наверняка.

— Я не подвел тебя.

— Я и не говорил ничего подобного.

— Я добился союза с востоком. Я сконструировал кое-что, Тенсен, новый механизм, с помощью которого мы можем сравняться с имперской армией. Император вовсе не в безопасности, что бы он ни думал. Он...

— Будет лучше, если ты мне не скажешь.

Арин похолодел. Так говорил человек, который опасался пыток.

— Ты должен уехать со мной.

— Нет. Мне нужно знать, что произойдет дальше.

— Это не история из книжки!

— Разве нет? — спросил Тенсен. — Разве это не рассказ о том, как мальчик стал мужчиной и спас свой народ? Мне нравится этот рассказ. Однажды, несколько десятилетий назад, я играл в его постановке для геранской королевской семьи. Все закончилось счастливо.

Тенсен прикоснулся к груди, прямо над сердцем. Арину показалось, что он услышал слабый шелест бумаги. На мгновение на лице Тенсена мелькнуло сомнение. Затем его рука упала, и Арин забыл об услышанном слабом звуке, когда министр снова заговорил. Позже, когда он вспоминал то мимолетное сомнение, Арин испытывал ненависть к себе, потому что подумал, что Тенсен решал между тем, уехать или остаться. Если бы только Арин сумел подобрать слова, то убедил бы Тенсена покинуть столицу вместе с ним.

— Ты должен уехать без меня, — сказал Тенсен. — Мой внук был так похож на тебя, Арин. Не заставляй меня оплакивать его дважды.

Тенсен снял с пальца свое золотое кольцо и протянул его Арину.

— На этот раз оставь его у себя, хорошо?

Он улыбнулся.

Арин перехватил руку старика и поцеловал его сухую кисть. Затем взял кольцо и попрощался.

* * *

Отец оставил Кестрел одну. Он отказался остаться на ужин, хотя Кестрел и предлагала, чтобы слуги принесли его в ее покои. Генерал не говорил, что устал или что недавняя рана причиняет ему неудобства, однако к выходу из покоев дочери он шел медленно. На мгновение Кестрел показалось, что он был готов прижать руку к тому месту, куда был ранен.

Когда он ушел, Кестрел накрыло плотной волной стыда. Она осознала, что надеялась,

что отец изнурен, что его рана болит... Это объяснило бы, почему он не остался с ней, хотя и сказал, что верит ей.

Пришло время ужина. Кестрел не могла заставить себя есть.

Она открыла окно. Воздух самого конца весны был мягким и сладким. Поднялся сильный ветер. Он пах горами, а значит, дул в сторону моря.

Пришли служанки Кестрел. Они спросили, не хочет ли она переодеться ко сну. Кестрел теребила манжет синего шелкового рукава, в котором спрятала моль. Она ответила служанкам, что пока не хочет спать. Она бы отослала их, но боялась оставаться одна. Служанки расселись по углам и стали тихо что-то обсуждать. Наступила ночь. Кестрел не могла успокоиться. Тенсен передал Арину ее письмо? Арин еще во дворце?

Позже Кестрел осознала все свои ошибки. Они выстроились в плотную уродливую линию так, что сложно было сказать, с чего именно все началось.

Однако последняя ошибка была Кестрел ясна. Ее девушка совершила тогда, когда покинула свои покои и отправилась к Тенсену, чтобы выяснить, виделся ли тот с Арином и передал ли ему письмо.

* * *

В коридорах стояла тишина еще более полная, чем раньше. Хотя между лопаток Кестрел стекла струйка пота, доказывающая, что уже почти лето, девушке казалось, будто идет снег. В ушах звенело от белизны, столь же всепоглощающей, как и тишина. Из-за тревоги кожу покалывало, будто ледяными снежинками. Каменная громада дворца затаила свое холодное дыхание.

Дверь Тенсена находилась почти в одной плоскости с косяком, однако закрыта была не полностью. На миг Кестрел подумала, что министр ждет ее, но понимала, что этого не может быть. Часть ее уже догадалась, что может означать приоткрытая дверь. Однако Кестрел отказывалась поверить в это... и та более мудрая ее часть отвернулась и отреклась от нее, отказываясь больше помогать человеку, который сам навлек на себя все свои беды.

Кестрел подняла руку и постучала. Звук удара ее костяшек по дереву прозвучал, будто речь заикающегося человека.

Дверь открыл император. Капитан его стражи протянул руку и втащил Кестрел в комнату.

Сначала Кестрел ничего не было видно. Она пыталась вырваться из хватки капитана стражи, судорожно глотая воздух. Высокие фигуры капитана и императора все ей заслоняли. Она не могла разглядеть ничего, кроме богатых тканей, покрывавших их плечи и грудь. Потом она услышала голос отца:

— Пожалуйста.

Капитан отпустил ее.

Теперь Кестрел увидела отца. Он стоял в дальнем углу комнаты, по другую сторону от темной лужи крови. На полу лежал Тенсен. Его зеленые глаза казались кусочками мрамора. Тело уже окоченело. На рукаве генерала была видна короткая полоса крови: перед тем как убрать кинжал в ножны, он вытер его о собственную одежду.

Кестрел встретила с отцом взглядом. Глаза генерала были так же холодны, как и глаза мертвеца на полу. Кестрел открыла рот, но губы не повиновались ей, будто были отморожены. Не в состоянии заговорить, девушка закричала.

Капитан зажал ей рот. Отец отвел взгляд. Кестрел замерла.

— Мы пытаемся сохранить все в тайне, — пояснил император. — Кроме нас, никто не будет знать, что ты совершила. Такое нельзя выставлять на публику. Я не позволю, чтобы твои поступки обесчестили твоего отца. — Император забрал из ножен Кестрел кинжал. — Это мое. А это, — он показал ей сложенный лист нотной бумаги, — твое.

Ее письмо.

— Нет, — попыталась сказать Кестрел в соленую ладонь капитана, однако тот сжал ей челюсть. Император легонько прикоснулся к руке стражника, чтобы повернуть лицо Кестрел к себе.

— Нет? — переспросил император. — Кестрел, если бы тебя судили, твое письмо послужило бы достаточным признанием. — Его голос был полон сожаления, но не о Кестрел. — Я мог бы убить тебя прямо сейчас. Что ты за змея! Какая ужасная награда такому человеку, как твой отец. Он пришел ко мне.

Из глаз Кестрел потекли слезы. Они смочили костяшки пальцев капитана стражи.

— Он пришел и рассказал мне правду, чего бы ему это ни стоило. Он не ставил условий. Не молил о милосердии или смягчении наказания. Он просто поведал мне правду о твоём предательстве. Из всего, чему бы ты научилась, став императрицей, главное вот в чем: лучшая любовь — верность.

Кестрел попыталась посмотреть на отца, но капитан крепко держал ее лицо. Девушка сопротивлялась. Она пыталась вырваться, но хватка мужчины стала ее клеткой.

Император продолжил:

— Эта любовь тускнеет после казни твоего ребенка. Поэтому я не могу отплатить за верность Траяна твоей кровью или отдать тебя моему капитану и его уродливому искусству допроса. Еще одна вещь, которую ты бы узнала, — если бы согласилась учиться у меня, — это то, что я так же верен твоему отцу. Я буду защищать его так же, как он защищает меня. Это означает, что ты отправляешься на север.

В тундру. В трудовой лагерь. Кестрел едва могла вдохнуть.

— Ты думала, я ни о чем не подозревал? — тихо спросил император. — Я уже некоторое время следил за всеми передвижениями геранского министра. Люди видели, как

он встречался со служанкой-валорианкой. Я спросил себя, могла ли этой служанкой быть ты. Возможно ли, чтобы ты так легко предала свою страну, особенно когда ее практически отдали тебе в руки. Но люди способны на все.

Рука капитана заглушила слова Кестрел. Девушка сама не знала, что пыталась сказать.

— Возможно, ты считаешь, что я не могу сделать так, чтобы ты исчезла, — говорил император. — Что придворные будут задавать слишком много вопросов. Вот какую историю я им расскажу. Принц и его невеста были настолько охвачены любовью, что поженились втайне и бежали на южные острова. Некоторое время спустя — через месяц? два? — придут вести о том, что ты заболела. Редкая болезнь, которую не может излечить даже мой лекарь. В империи объявят, что ты мертва. Тебя будут оплакивать.

Возможно, в коях тундры ты обо всем забудешь. Я слышал, там, в темноте, так и происходит. Надеюсь, что забудет и твой отец. Что он забудет тебя и твой позор.

Кестрел укусила капитана в ладонь. Он даже не вздрогнул, но, чувствуя, как ее рот наполняется кровью, девушка утратила контроль над собой. Она стала извиваться изо всех сил. Звуки, которые она издавала, были похожи на рычание животного.

— Отпустите ее, — приказал отец.

Кестрел бросилась к нему. Она поскользнулась в крови и упала ему на грудь, цепляясь за его одежду и рыдая.

— Пожалуйста, не делай этого, — умоляла она, хотя ничего изменить уже было нельзя.

Генерал даже не попытался прикоснуться к ней.

— Я хотел верить тебе, — прошептал он. — Я пытался. Но я не смог убедить себя до конца.

Кестрел сжала в кулаках ткань его камзола и прижалась лицом к его груди. Ее плечи дергались.

— Я не...

— Не хотела? Как можно предать, не желая того?

— Пожалуйста, — умоляла Кестрел. Она больше не могла произнести ни слова.

— Я оставил твои покои. Нашел министра. Обыскал его. Прочитал письмо. И убил его. И даже тогда я сомневался. Даже тогда я не мог в это поверить. Я не мог поверить, что это была именно ты.

— Папа, пожалуйста. — Кестрел захлебывалась слезами. — Я люблю тебя.

Генерал медленно и осторожно разжал ее пальцы и высвободился. Капитан стражи приблизился.

Генерал говорил тихо, чтобы его слова услышала только дочь.

— Кестрел, — сказал он, — ты разбила мне сердце.

На поверхности воды горел рассвет.

Арину повезло. Он ускользнул из дворца сразу после того, как расстался с Тенсенем. Элегантная крепость тогда выглядела рассеянной, будто ее энергия была направлена внутрь себя, на что-то другое.

Арин отмахнулся от этой мысли. Сейчас, когда он стоял на палубе корабля лицом к восходящему солнцу, она показалась ему глупой.

Арина никто не заметил. Никто не обращал на него внимания. Он добрался до гавани. Дул сильный попутный ветер. Корабль отчалил.

И только когда он покинул гавань, что-то наконец стало происходить. В свете луны Арин увидел тяжелые валорианские корабли с двумя батарейными палубами. Они следовали за его кораблем. Молодому человеку не удалось покинуть столицу незамеченным — просто его заметили слишком поздно. Последовала задержка. Медлительное осознание. Арин представил, как валорианцы в суматохе отправляют за ним погоню. Но его корабль быстро вспахивал волны. Во времена господства Герана в море его капитан был одним из самых умелых моряков. Ветер был на их стороне: он подгонял корабль и набросил на луну темную шаль облаков. К рассвету валорианские корабли исчезли.

Передышка была недолгой. Валорианцы знали, куда Арин направлялся. Империя отправит ему вдогонку войну, но пока Арин сосредоточился на звуке, с которым ветер хлестал по парусам. Он смотрел, как из-за горизонта поднялось мокрое солнце. Арин позволил морскому воздуху наполнить легкие и почувствовал себя свободным.

Арин раскрыл небольшой полотняный сверток. Кинжал Кестрел блестел. Арину больше не было больно смотреть на него, и он сумел оценить красоту оружия. В свете солнца сверкало розовое сердце рубина. Позолоченная рукоять казалась водоворотом расплавленного металла. Арин взвесил кинжал в руке. Тот едва ли что-то весил.

Да, он был красивым. Но этой причины недостаточно, чтобы хранить что-то, что тебе не нужно.

Арин выбросил кинжал в море.

Он плыл домой.

* * *

Повозка остановилась. Нужно было напоить лошадей.

Солнце уже встало. Через маленькое зарешеченное окно повозки падали его лучи. Они осветили скованные запястья Кестрел, безвольно лежащие у нее на коленях. Девушка была одета в то же синее платье, что и вчера вечером. Хотя повозка остановилась, Кестрел все еще казалось, что ее грубо болтает. Ее глаза опухли и болели от света.

Но что-то заставило ее встать на ноги. Слова другого языка, который Кестрел знала не хуже своего. Снаружи кто-то говорил по-герански.

Кестрел приблизилась к окну. Стражников ей видно не было. Сначала она вообще ничего не увидела: солнце светило слишком ярко. Но затем перед девушкой предстали пики пустых гор. Она снова услышала голос: какой-то мужчина говорил по-герански со своими лошадьми. Звякнуло пустое металлическое ведро. Раздался звук шагов по каменистой почве.

— Прошу вас, — тихо позвала Кестрел на языке мужчины. Шаги замерли. Наручники Кестрел ударились друг о друга, когда она засунула большой и указательный пальцы в левый рукав. Девушка вытащила моль, которую спрятала в нем раньше и протянула ее через прутья решетки. — Возьмите это.

Шаги медленно приблизились. Кестрел по-прежнему не было видно самого мужчину, но он наверняка стоял прямо под ее рукой. Кестрел вытянулась, держа моль в пальцах. Ее запястье передало, и ладонь начала неметь.

Он взял моль? Она просто упала? В руке Кестрел уже ничего не было.

— Передайте ее своему губернатору, — прошептала Кестрел. — Скажите Арину...

Раздался вскрик и тяжелый звук падения. Ругань по-валориански, шарканье ног по земле.

— Что она тебе дала? — спросил один из стражников-валорианцев.

— Ничего, — ответил геранец.

Дверца повозки распахнулась. Кестрел забилась в угол. Фигура стражника казалась большой темной тенью на фоне причиняющего боль белого света. Фигура приблизилась.

— Что ты ему дала?

Снаружи все еще доносились грубые звуки. Протесты. Бесцеремонный обыск. Но что, в конце концов, увидят стражники? Потрепанную моль. Ничего ценного. Ничего важного. Обычный вредитель, сливающийся с фоном.

Стражник схватил Кестрел за плечи. Девушка подняла скованные руки, пытаясь укрыться за ними.

А люди в это время просыпались и встречали начало обычного дня, обычного, как моль. Кестрел оплакивала такие дни. При мысли о том, каким был бы ее идеальный обычный день, она зажмурила глаза. Конная прогулка с Арином. Скачки наперегонки.

«Я буду скучать по тебе, когда проснусь», — сказала она тогда Арину во сне, на дворцовой лужайке.

«Не просыпайся».

Прекрасным обычным утром она наливала бы чай отцу. Он сказал бы ей, что больше никогда не оставит ее одну.

Кто-то тряс ее. Кестрел вспомнила, что это стражник.

Она вспомнила, что ей только что исполнилось восемнадцать лет. Она захлебнулась смехом, когда представила, как император объясняет ее отсутствие придворным, собравшимся для ее выступления. Девушке казалось, что она смеется, но потом звук начал рваться по краям и драть ей горло. Лицо Кестрел было мокрым. Солеными слезами жгло губы.

Ее день рождения. «Я помню тот день, когда ты родилась, — говорил ее отец. — Я мог удержать тебя одной рукой».

Стражник ударил Кестрел по лицу.

— Я спросил, что ты ему дала?

«Даже тогда у тебя было сердце воина».

Кестрел сплюнула кровь.

— Ничего, — ответила она стражнику. Она подумала об отце, об Арине. И солгала еще раз: — Я ему ничего не давала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net